

ДЖОРДЖ ФРИДМАН

основатель организации «STRATFOR»,
автор книги «Следующие 100 лет», включенной в список
бестселлеров The New York Times

2011

США достигнут примирения с Ираном
Россия и Германия станут союзниками

Библиотека Коммерсантъ

СЛЕДУЮЩИЕ 10 ЛЕТ

США столкнутся с последствиями своего превращения в империю

2021

**РЕАЛЬНОСТЬ, С КОТОРОЙ МЫ СТОЛКНЕМСЯ
РЕШЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПРИДЕТСЯ ПРИНИМАТЬ**

Джордж Фридман

СЛЕДУЮЩИЕ 10 ЛЕТ
2011-2021

Москва • ИД «Коммерсантъ» • «ЭКСМО» • 2011

George Friedman

THE NEXT DECADE

**Where We've Been...
And Where We're Going**

УДК 334
ББК 63.3
Ф 88

Перевод с английского А.А. Калинина

Фридман Дж.

Ф 88 Следующие 10 лет / Фридман Джордж: [пер. с англ. А. Калинина]. — М.: Эксмо, 2011. — 320 с — (Библиотека «Коммерсантъ». Актуальные события).

ISBN 978-5-699-49374-6

Оглавление

Предисловие к российскому изданию. Главное — диагноз	11
От автора	14
Предисловие Америка: восстановление равновесия	17
Глава 1 Нечаянно возникшая империя	30
Глава 2 Республика, империя и президент- макиавелист	53
Глава 3 Государство: финансовый кризис и возвращение к жизни	67
Глава 4 В поисках баланса сил	85
Глава 5 Капкан терроризма	106
Глава 6 Новая политика: Израиль	124
Глава 7 Новая стратегия: США, Иран, Ближний и Средний Восток	152
Глава 8 Новая Россия: возрождение	173
Глава 9 Новая Европа: возвращение в историю	202
Глава 10 Дальневосточная угроза	234
Глава 11 Безопасное полушарие	275
Глава 12 Оставим Африку в покое	305
Глава 13 Технологии и демография: нарушенный баланс	317
Глава 14 Империя. Республика. Следующее десятилетие	336
Выражение признательности	344

Спустя год после выхода в свет футурологического бестселлера «Следующие 100 лет» Джордж Фридман снова обратился к будущему — на сей раз намного более близкому. Если предыдущая книга представляла собой эпическое повествование, приобретающее по мере удаления от сегодняшнего дня черты не то комикса, не то сценария компьютерной игры, то его новая книга — работа совсем иного рода. По сути, это не прогноз, а анализ существующих глобальных и региональных тенденций, из которого вытекают выводы о логике поведения основных субъектов мировой политики, правде всего США в период 2011-2021 годов.

Фридман часто шокирует своей brutальной откровенностью, на к досаде оппонентов, часто оказывается прав по существу. В этом он очень напоминает доктора Хауса, персонажа суперпопулярного в последние годы сериала. Лозунги киногероя: «Все лгут» и «Главное — диагноз» — полностью соответствуют подходу главы «STRATFOR». Ему глубоко чужда политкорректность, что непривычно на фоне тотального торжества лицемерия, наступившего в начале XXI века, когда главные международные игроки, в первую очередь Америка и Европа, избегают хоть что-либо называть своими именами.

Для широкого круга читателей.

Все права защищены. Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на это нет письменного разрешения издателя.

(на это нам плевать, честно говоря)

© George Friedman, 2011. This translation is published by arrangement with Doubleday, an imprint of the Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Random House. Inc.

© Калинин А.А., перевод на русский язык, 2011

© Предисловие. ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом». 2011

© ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Откуда мы... Куда мы идем...
Посвящается Дону Кюйкендоллу, другу

Надеюсь, Бог на моей стороне, но мне нужно,
чтобы на моей стороне был и Кентукки.

Авраам Линкольн

Правила необязательно священны.
Священны принципы.

Франклин Рузвельт

В мире, который не является невинным,
за рубежом нельзя играть в простачков.

Рональд Рейган

Государю, желающему удержать свое положение,
следует научиться отступать от добра и пользоваться этим
умением в соответствии с необходимостью.

Никколо Макиавелли

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ. ГЛАВНОЕ — ДИАГНОЗ

ОТ АВТОРА

ПРЕДИСЛОВИЕ АМЕРИКА: ВОССТАНОВЛЕНИЕ РАВНОВЕСИЯ

ГЛАВА 1 НЕЧАЯННО ВОЗНИКШАЯ ИМПЕРИЯ

ГЛАВА 2 РЕСПУБЛИКА, ИМПЕРИЯ И ПРЕЗИДЕНТ-МАКИАВЕЛИСТ

ГЛАВА 3 ГОСУДАРСТВО: ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

ГЛАВА 4 В ПОИСКАХ БАЛАНСА СИЛ

ГЛАВА 5 КАПКАН ТЕРРОРИЗМА

ГЛАВА 6 НОВАЯ ПОЛИТИКА: ИЗРАИЛЬ

ГЛАВА 7 НОВАЯ СТРАТЕГИЯ: США, ИРАН, БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

ГЛАВА 8 НОВАЯ РОССИЯ: ВОЗРОЖДЕНИЕ

ГЛАВА 9 НОВАЯ ЕВРОПА: ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИСТОРИЮ

ГЛАВА 10 ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ УГРОЗА

ГЛАВА 11 БЕЗОПАСНОЕ ПОЛУШАРИЕ

ГЛАВА 12 ОСТАВИМ АФРИКУ В ПОКОЕ

ГЛАВА 13 ТЕХНОЛОГИИ И ДЕМОГРАФИЯ: НАРУШЕННЫЙ БАЛАНС

ГЛАВА 14 ИМПЕРИЯ. РЕСПУБЛИКА. СЛЕДУЮЩЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Предисловие к российскому изданию.

Главное — диагноз

Спустя год после выхода в свет футурологического бестселлера «Следующие 100 лет»¹ основатель и руководитель аналитического агентства «STRATFOR» Джордж Фридман снова обратился к будущему — на сей раз намного более близкому. Если предыдущая книга представляла собой эпическое повествование, приобретающее по мере удаления от сегодняшнего дня черты не то комикса, не то сценария компьютерной игры, то книга, которую выдержите в руках — работа совсем иного рода. По сути, это не прогноз, а анализ существующих глобальных и региональных тенденций, из которого вытекают выводы не столько о грядущих событиях, сколько о логике поведения основных субъектов мировой политики, прежде всего США.

Вообще обе книги Джорджа Фридмана — это конкретные и, как правило, весьма нелицеприятные рекомендации Вашингтону по поводу того, какую политику ему следует проводить для сохранения и укрепления американского доминирования. В том, что такое доминирование необходимо и благотворно, автор не испытывает ни малейших сомнений, хотя он и не пытается приукрашивать политику Соединенных Штатов и не питает иллюзий относительно способности своей страны совершать фатальные ошибки.

Отношение к Фридману, одному из самых раскрученных комментаторов международного контекста, варьируется от благоговейного восхищения его проницательностью и способностью четко разложить все происходящее по геополитическим полочкам до откровенных издевок, с которыми высоколбые причисляют творения автора к

нацеленной на сенсации, а стало быть, и достаточно низкопробной беллетристике.

На деле доктор Фридман в своей сфере очень напоминает доктора Хауса, персонажа суперпопулярного в последние годы сериала. Лозунги киногероя: «все лгут» и «главное — диагноз» — полностью соответствуют подходу главы «STRATFOR». Ему глубоко чужда политкорректность, что непривычно на фоне тотального торжества лицемерия, наступившего в начале XXI века, когда главные международные игроки, в первую очередь Америка и Европа, избегают хоть что-либо называть своими именами. Стремление утопить происходящее в потоке демагогии крайне опасно, потому что мешает главному — точной постановке диагноза, а без него невозможно правильное лечение. Как и экранный прототип, Джордж Фридман часто шокирует своей brutальной откровенностью, но, к досаде оппонентов, часто оказывается прав по существу, по крайней мере — намного ближе к истине, чем благовоспитанные диагносты.

Данная книга служит тому подтверждением. В США она вышла в свет до того, как Ближний Восток охватила мощная волна перемен, заставшая врасплох всех без исключения аналитиков, и Фридман, конечно, не мог ее предвидеть. Однако анализ расстановки сил на Ближнем Востоке и того, что необходимо делать Соединенным Штатам, оказался столь точным, что «арабское пробуждение» только подтвердило и усилило все отмеченные автором тенденции.

Лейтмотив книги — поведение Америки. Джордж Фридман призывает американцев смириться с тем, что им никуда не деться от статуса мировой империи, и беспокоит его только одно: как сохранить республиканские ценности — примат свободы, демократии и прав человека внутри страны, которая вовне должна вести себя как жесткий и временами жестокий гегемон. Ответ парадоксален — президент обязан следовать заветам Никколо Макиавелли и умело вводить в заблуждение свой народ, который никогда не согласится на роль глобального жандарма, но должен играть ее, если хочет добиться собственного процветания. Мир, в котором другие

страны выполняют за Соединенные Штаты работу по поддержанию равновесия, а сами они только регулируют это, сближаясь с одними и стравливая других, — вот идеал, как он представляется Джорджу Фридману. С этим посылом можно не соглашаться, но, по крайней мере, его метод анализа дает куда больше для понимания современных глобальных тенденции, чем бесчисленное количество округлых рассуждений о всеобщем благе.

Федор Лукьянов,
главный редактор журнала
«Россия в глобальной политике»

От автора

Центральная тема настоящего издания — отношения между империей, республикой и осуществлением власти в течение следующего десятилетия. В отличие от книги «Следующие 100 лет» в этой работе больше личных интонаций, поскольку я рассматриваю проблему, заключающуюся в том, что стремление США к мировому господству подрывает основы республики, и это беспокоит меня больше всего. Я не из тех, кто держится в стороне от власти. Я понимаю, что без власти не может быть республики. Но я ставлю вопрос: как следует вести себя США при осуществлении своей власти в мире, сохраняя при этом республику?

Приглашаю читателей рассмотреть две темы.

Первая тема — концепция империи, возникшей абсолютно непреднамеренно. Я утверждаю, что США стали империей не вследствие выбранного пути, а потому, что так распорядилась история. Бессмысленно задаваться вопросом, следует ли США быть империей, так как США — уже империя.

Отсюда и вторая тема — как управлять империей. С моей точки зрения, это самая важная задача, от решения которой зависит и ответ на вопрос, может ли сохраниться республика. США были основаны в борьбе с британским империализмом. Есть некая (порой устрашающая) ирония в том, что наследие отцов-основателей ныне сталкивается с такой дилеммой. Возможно, у США есть пути ухода от их нынешней судьбы, но эти пути маловероятны. Страны становятся тем, чем они являются, под воздействием ограничений, налагаемых историей, а когда дело касается идеологии или предпочтений, история несентиментальна. Мы такие, какими являемся.

Мне неочевидно, сможет ли республика выдержать давление империи, как неясно и то, сможет ли Америка пережить ошибки управления империей. Скажу иначе: можно

ли управление империей совместить с требованиями, которые предъявляет республика?

Я действительно не могу дать четких ответов на эти вопросы. Я знаю, что в течение следующего десятилетия (и следующего столетия) США будут могущественной мировой державой, но не знаю, какой в США будет режим.

Я страстно отдаю свои предпочтения республике. Возможно, история не слишком заботится о справедливости, но меня-то справедливость волнует. Я уделил много времени размышлениям о взаимоотношениях империи и республики и пришел к единственному выводу: если республика должна сохраниться, единственным институтом, который может ее спасти, является институт президентской власти. Поскольку этот институт во многих отношениях является самым имперским из американских институтов, мое суждение звучит странно. В конце концов, это единственный институт, воплощенный в одном лице. И все же это самый демократичный институт, ибо пост президента — единственная должность, на которую народ в целом избирает одного могущественного лидера.

Для того чтобы понять суть этой должности, я рассматриваю трех президентов, определивших величие Америки. Первый из них — Авраам Линкольн, который спас республику. Второй — Франклин Делано Рузвельт, давший США господство над океанами. Третий — Рональд Рейган, обрушивший Советский Союз и расчистивший площадку для империи. Каждый из этих трех людей был глубоко нравственным человеком... готовым лгать, нарушать законы и предавать принципы ради достижения своих целей. Эти люди воплощают парадокс, который я называю «макиавеллизмом президентов», парадокс института президентской власти, который в своих лучших проявлениях примиряет двуличие и праведность ради исполнения обещаний Америке.

Не думаю, что быть справедливым просто, как не думаю и того, что власть — это просто воплощение благих намерений. В приложении к событиям, происходящим в мировых регионах, тема этой книги такова: справедливость исходит от силы, а сила возможна лишь благодаря некой

степени безжалостности, с которой большинство из нас не может мириться. Трагедия политической жизни заключается в конфликте между пределами благих намерений и настоятельными потребностями власти. Порой этот конфликт порождает благо. Так было с Линкольном, Рузвельтом и Рейганом, но никаких гарантий того, что так будет и впредь, нет. И это требует величия.

Геополитика описывает процессы, происходящие с разными странами и регионами, но мало что говорит о том, какие политические режимы им необходимы. Я убежден, что, пока мы не поймем природу власти и не овладеем искусством правления, мы вряд ли будем способны выбирать направление эволюции своего режима. Таким образом, нет никакого противоречия между заявлением, что США будут господствовать в следующем столетии, и предупреждением, что США могут утратить душу республики. Поскольку у меня есть дети, а теперь еще и внуки, я надеюсь, что этого не произойдет. И я не уверен, что империя стоит республики. А еще я совершенно уверен в том, что истории безразлично, что думаю я или думают другие.

Итак, в этой книге будут рассмотрены вопросы, возможности и конфликты следующего десятилетия. Будут возникать неожиданные союзы, непредвиденная напряженность, экономические подъемы и спады. Неудивительно, что подходы США к этим событиям определяют жизнеспособность или ослабление республики. Нам предстоит интересное десятилетие.

Предисловие

Америка:

восстановление

равновесия

Век — период, в течение которого происходят мировые события. Десятилетиями же меряют происходящее в жизни людей.

Я написал книгу «Следующие 100 лет», в которой исследовал безличные силы, формирующие историю в долгосрочной перспективе. Но людям не свойственно жить долго. Продолжительность человеческой жизни в целом довольно коротка, и в течение жизненного срока ее формируют не столько могучие исторические тенденции, сколько конкретные решения конкретных людей.

Эта книга посвящена краткосрочной перспективе: следующему десятилетию, реальностям, с которыми предстоит столкнуться, конкретным решениям, которые придется принимать, и вероятным последствиям этих решений. Большинство людей считают, что чем отдаленнее временной горизонт, тем более непредсказуемым становится будущее. Я придерживаюсь противоположного мнения. Самое трудное — предсказать действия индивидуумов. В течение века принимается так много индивидуальных решений, что ни одно из них не становится критическим. Любое решение тонет в бурном потоке суждений, которые и составляют столетие. Но в более короткой перспективе десятилетия решения, принимаемые людьми, в особенности облеченными политической властью, могут иметь огромное значение. То, что я описал в книге «Следующие 100 лет», — канва,

позволяющая понять наступающее десятилетие, но не более того.

Предсказание на столетие — это искусство осознания невозможного с последующим устранением из размышлений всех тех событий, которые, рассуждая логически, вряд ли произойдут. Тем не менее, по словам известного персонажа сэра Артура Конан Дойла, «то, что остается после устранения невозможного, сколь невероятным оно бы ни было, должно быть правдой».

Всегда возможно, что какой-нибудь лидер совершит нечто неожиданно нелепое или блистательное. Поэтому-то прогнозировать лучше всего на длительную перспективу, охватывающую срок, на который решения индивидуумов не оказывают особого влияния. Но, имея прогноз на долгосрочную перспективу, можно прокрутить» сценарий обратно и посмотреть, как он же будет разыгрываться в течение, скажем, десятилетия. Что делает временной горизонт интересным, так это то, что десятилетие — достаточный срок для проявления масштабных, безличных сил. Вместе с тем десятилетие — срок, достаточно короткий для того, чтобы индивидуальные решения отдельных лидеров сместили или исказили результаты, которые в противном случае могут казаться неизбежными. Десятилетие — точка, в которой встречаются история и искусство управления государственными делами; срок, в течение которого политика все еще имеет значение.

Я не принадлежу к людям, которые обычно ввязываются в политические дебаты. Меня больше интересует то, что непременно случится, нежели то, что мне хотелось бы увидеть. Но в течение десятилетия события, которые могут и не произойти в долгосрочной перспективе, все-таки могут оказать на каждого из нас сильное и глубокое воздействие. Эти события к тому же могут иметь реальное значение, определяя путь, по которому мы идем в будущее. Таким образом, эта книга — прогноз и обсуждение политических мер, которые должны последовать в ближайшее десятилетие.

Начнем с США — по той же причине, по которой исследование мирового положения в 1910 г. должно начинаться с Великобритании. Что бы ни таило будущее, мировая система сегодня вращается вокруг США, как она вращалась вокруг Великобритании накануне Первой мировой войны. В книге «Следующие 100 лет» я писал о долгосрочной мощи США. В этой книге я намерен вскрыть слабости США; слабости, которые в долгосрочной перспективе не являются проблемами. О большинстве из них позаботится время. Но поскольку и вы, и я проживем не так уж долго, для нас эти проблемы весьма реальны. Большинство этих проблем коренится в структурных нарушениях равновесия. Некоторые из них являются проблемами лидерства, поскольку, как я говорил в самом начале, люди живут десятилетиями.

Это обсуждение проблем и людей ныне становится особенно безотлагательным, актуальным. В первое десятилетие после того, как США стали единственной глобальной державой, мир был сравнительно спокойным по сравнению с тем, как он выглядел в другие эпохи. С точки зрения вопросов безопасности собственно США Багдад и Балканы были неприятностями, но не угрозами. США не нуждались в стратегии в мире, который, по-видимому, без жалоб и возражений признал американское лидерство. Через 10 лет события 11 сентября 2001 г. разбили эту иллюзию. Мир оказался более опасным, чем мы воображали, но и вариантов выбора, по-видимому, стало меньше. К несчастью, США не позаботились разработать глобальную стратегию ответа на происходящее. Вместо этого США использовали ограниченную военно-политическую стратегию, узконаправленную на разгром терроризма и почти исключаящую что-либо еще.

Сегодня заканчивается и это десятилетие, и США ищут путь ухода из Ирака, Афганистана и практически из мира, начавшегося в момент, когда захваченные террористами самолеты врезались в здания в Нью-Йорке и Вашингтоне. В США всегда существовало побуждение к уходу с мировой арены, особая тяга к прелестям безопасной родины, с обеих сторон защищенной широкими океанскими просторами. Но

родина — место небезопасное. Ей угрожают и террористы, и другие национальные государства, которые считают США опасной и непредсказуемой державой.

И при президенте Буше-младшем, и при президенте Обаме Америка утратила дальнейшее стратегическое видение, которое хорошо ей служило на протяжении большей части прошлого века. Вместо этого президенты недавнего прошлого пускались в импровизации и авантюры. Они ставили недостижимые цели, рассматривая вопросы в ошибочной рамке. В результате США перенапрягли свою способность проецировать мощь во всем мире, что позволило даже незначительным игрокам становиться «хвостом, который виляет собакой».

Для американской политики первостепенной необходимостью в наступающем десятилетии станет возвращение к сбалансированной глобальной стратегии, которой США научились на примерах Древнего Рима и Великобритании столетней давности. Эти империалисты старой школы правили не одной силой и не силой в первую очередь. Они поддерживали свое господство, сталкивая между собой региональных игроков и удерживая их в положении противостояния тем, кто был способен подстрекать к сопротивлению. Иначе говоря, эти «зубры» былых времен поддерживали баланс сил, используя региональных игроков для их же взаимной нейтрализации, одновременно обеспечивая более обширные интересы своих империй. Государства-клиенты были также привязаны к империям экономическими интересами и дипломатией, а это далеко не обычная вежливость, принятая между государствами. Это — тонкое манипулирование, заставляющее соседей и клиентов не доверять не только своим повелителям, но в еще большей степени друг другу. Прямое вмешательство с использованием армий империи было отдаленным, крайним средством.

Следуя подобной стратегии, США вмешались в Первую мировую войну только в тот момент; когда баланс сил между европейскими державами должен был вот-вот развалиться — и только тогда, когда стало казаться, что немцы благодаря

развалу на Восточном, российском фронте смогут одолеть англичан и французов на Западном фронте. Когда вооруженная борьба прекратилась, США помогли создать мирный договор, который не предотвратил господство Франции в послевоенной Европе.

В начале Второй мировой войны США воздерживались от прямого участия в боевых действиях до тех пор, пока это было возможно, поддерживая англичан в их усилиях по отражению немцев на западе, а на востоке поощряя СССР обескровливать немцев. Впоследствии США изобрели стратегию поддержания равновесия сил, чтобы предотвратить советское господство в Западной Европе, на Среднем Востоке и, наконец, в Китае. На протяжении долгого времени (с появления «железного занавеса» и до конца холодной войны) проводимая США стратегия отвлечения, построения треугольников и манипулирования была рациональной, внутренне непротиворечивой и весьма изощренной.

Однако после развала СССР США, сами того не сознавая, перешли от стратегии, точно направленной на сдерживание крупных держав, к неконцентрированным попыткам сдерживания потенциальных региональных гегемонов в случаях, когда их поведение оскорбляло чувства американцев. В период 1991-2001 гг. США вторгались в пять стран (или вмешивались в их дела) — в Кувейт, Сомали, Гаити, Боснию и Югославию (Сербию), что было необычайно высоким темпом военных операций. Временами казалось, что в основе американской стратегии лежат гуманитарные соображения, хотя цели применения военной силы не всегда были ясны. Например, в каком смысле соответствовало национальным интересам США вторжение на Гаити в 1994 г.?

Но в 90-х годах США обладали огромным запасом мощи, что давало Америке достаточное пространство для маневра, а также для потакания своим идеологическим капризам. Если вы обладаете подавляющим господством, вам не нужно действовать с хирургической точностью. И США при разборках с потенциальным гегемоном не надо было побеждать, а вместе с тем громить вражескую армию и оккупировать страну. С военной точки зрения набеги, которые

устраивали США в 90-х годах, были неудачными. Их непосредственной целью было внезапное низвержение держав, стремившихся к региональной гегемонии, в хаос. Эти державы вынуждали заниматься региональными и внутренними угрозами в моменты и в местах, выбранных американцами. Этим странам не позволяли развиваться и вступать в конфликт с США по их собственным планам и графикам.

После 11 сентября 2001 г. США приобрели новую манию в воде борьбы с терроризмом и стали еще более дезориентированными, полностью утратив видение своих долгосрочных стратегических принципов. В качестве альтернативы США поставили новую, но недостижимую стратегическую цель — уничтожение террористической угрозы. Главный источник этой угрозы, «Аль-Каида» также поставила перед собой недостижимую, но вполне мыслимую цель: воссоздание Исламского халифата — теократии, учрежденной Мухаммедом в VII в. и в той или иной форме просуществовавшей до падения Османской империи в конце Первой мировой войны. Стратегия «Аль-Каиды» заключалась в свержении мусульманских правительств, которые руководители «Аль-Каиды» считали недостаточно мусульманскими. Достичь этой цели «Аль-Каида» стремилась, подстрекая народы таких стран к восстаниям. С точки зрения «Аль-Каиды» причиной, по которой массы мусульман оставались угнетенными, был страх перед правительствами, а этот страх, в свою очередь, был основан на мысли о том, что нельзя бросать вызов США, покровителю таких правительств. Для того, чтобы освободить массы от запугивания, «Аль-Каида» считала необходимым продемонстрировать, что США не так могущественны, какими кажутся, что США уязвимы даже для малой группы мусульман, при условии, что эти мусульмане готовы умереть.

В ответ на удары «Аль-Каиды» США буквально вломились в исламский мир, в частности, в Афганистан и Ирак, чтобы отомстить. Целью вторжения была демонстрация возможностей США и их способности дотянуться до любой точки на земном шаре. Но эти усилия вновь оказались

неудачными. Целью нападений был не разгром армии и оккупация территории, а всего лишь разрушение «Аль-Каиды» и создание хаоса в исламском мире. Но создание хаоса — краткосрочная, а отнюдь не долгосрочная стратегия. И США, хотя и продемонстрировали возможность ослабления терроризма и частичного уничтожения террористических организаций, все же не достигли провозглашенной цели — полного устранения угрозы терроризма. Для этого потребовались бы усилия по проверке частной деятельности нескольких сот миллионов людей, рассеянных по всему миру. Даже попытка такого усилия потребовала бы огромных ресурсов. Принимая во внимание то, что успех подобной попытки невозможен, можно считать аксиомой, что США истощили бы свои силы и ресурсы в процессе достижения недостижимого. Что и произошло. Одна лишь желательность достижения цели вроде уничтожения терроризма вовсе не означает, что цель практически достижима или что цена, которую предстоит заплатить за нее, разумна.

В течение следующего десятилетия США будут поглощены восстановлением после истощения и стрессов, вызванных этим усилием. Первый шаг — возвращение к политике поддержания равновесия сил в регионах — должен быть сделан в главной сфере нынешней военной вовлеченности США, на плацдарме, простирающемся от Средиземноморья до Гиндукуша. Большую часть прошлого полувека на этой обширной территории существовало три местных баланса сил: арабов и Израиля, Индии и Пакистана, Ирана и Ирака. В результате по большей части ошибок недавней политики США таковых балансов сил больше нет. Соседние государства более не сдерживают Израиль, который пытается ныне создать на земле новую реальность. Пакистан, серьезно ослабленный войной в Афганистане, более не является эффективным противовесом Индии. И самое важное: после развала иракского государства Иран остался самой мощной военной силой в районе Персидского залива.

Восстановление баланса в этом регионе, а затем в американской политике вообще потребует в течение

следующего десятилетия довольно-таки спорных шагов. Как я доказываю в последующих главах, США должны тихо дистанцироваться от Израиля, усилить Пакистан (или, по крайней мере, положить конец ослаблению этой страны). И, действуя в духе рузвельтовского согласия с СССР в годы Второй мировой войны и сближения Никсона с Китаем в 70-х годах XX в., США придется с горечью пойти на урегулирование отношений с Ираном. Эти шаги потребуют большей изощренности в осуществлении власти, чем та, которую демонстрировали последние президенты США. Природа этой изощренности — вторая главная тема наступающего десятилетия, к рассмотрению которой я еще вернусь.

Хотя местом, с которого Америка начнет возвращение к равновесию, является Средний Восток, перегруппировку друзей и врагов необходимо произвести и в Евразии. На протяжении жизни нескольких поколений сохранение изоляции между технологическим совершенством Европы и природными и людскими ресурсами России было одной из главных целей внешней политики США. В начале 90-х годов XX в., когда США обрели неоспоримое превосходство, а Москва утратила контроль не только над бывшим СССР, но и над российским государством, этой целью стали пренебрегать. Почти немедленная несбалансированная переориентация сил США на средиземноморско-гималайский театр после событий 11 сентября 2001 г. открыла перед старой гвардией российского руководства «окно возможностей» для восстановления своего бывшего влияния. При Путине, еще до войны с Грузией, Россия начала самоутверждаться. Отвлеченные Ираком и Афганистаном и связанные по рукам и ногам в этих странах, США не могут сдержать восстановление влияния Москвы или хотя бы сделать внушающие доверие угрозы, которые сдержали бы российские амбиции. В результате теперь США сталкиваются с сильной региональной державой, цели которой расходятся с целями США и которая готовится к игре за влияние в Европе.

Опасность возрождения России и ее сосредоточения на целях, лежащих на Западе, станет еще более очевидной,

если изучить поведение Европейского Союза, другого игрока в этом втором регионе американских интересов. Некогда мыслившийся как сверхгосударство вроде США, Европейский Союз (ЕС) начал обнаруживать свою структурную слабость во время финансового кризиса 2008 г., вызвавшего серию кризисов в экономиках стран Южной Европы (Италии, Испании, Португалии и Греции). Как только Германия, самый мощный локомотив экономики ЕС, столкнулась с перспективой списания за ее счет ошибок и эксцессов, допущенных партнерами по ЕС, она начала пересматривать свои приоритеты. Сколь много выгод ни извлекала Германия из экономических союзов в Европе, она остается в абсолютной зависимости от поставок огромных объемов природного газа из России. Россия, в свою очередь, нуждается в технологиях, которые в Германии имеются в изобилии. Сходным образом. Германия нуждается в притоке человеческих ресурсов, которые не создавали бы социальные стрессы при иммиграции в Германию. Одно из очевидных решений этой проблемы — создание немецких заводов в России. Тем временем обращение Америки к Германии за помощью в Афганистане создало огромные трения между США и Германией, некогда бывшей одной из самых верных союзниц США, и еще теснее связало германские интересы с Россией.

Все это помогает объяснить, почему возврат США к равновесию потребует в наступающем десятилетии огромных усилий, направленных на блокирование германо-российского сближения. Как мы увидим, подход США будет включать культивирование новых отношений с Польшей, являющейся географическим «разводным ключом» для германо-российского союза.

Разумеется, требует внимания и Китай. Даже нынешняя озабоченность американцев китайской экспансией будет уменьшаться по мере того, как китайское экономическое чудо начнет достигать зрелости. Темпы роста китайской экономики (страны с населением свыше миллиарда человек, живущих в крайней нищете) замедлятся до темпов, характерных для развития стран с более зрелой экономикой. Точка

сосредоточения усилий США будет смещаться на реальную державу Юго-Восточной Азии, на Японию. Эта страна обладает третьей по мощи экономикой в мире и самым крупным военно-морским флотом в регионе.

Как уже можно понять из данного краткого обзора, следующее десятилетие будет необычайно сложным: слишком много движущихся деталей и слишком много непредсказуемых сил. Президентам наступающего десятилетия предстоит примирить американские традиции и моральные принципы с реалиями, которых большинство американцев предпочитают не замечать. Это потребует выполнения сложных маневров, в том числе заключения союзов с противниками и сплочения общественности, которая верит (и желает верить) в то, что внешняя политика совпадает с идеалами. Общественность не ошибается, однако люди не готовы признавать моральные оттенки, возникающие по ходу процесса. Президент должен следовать добродетелям, как это делали все великие президенты США, действуя при этом с должной степенью двуличия.

Но вся мудрость мира не может восполнить фундаментальную слабость. США обладают тем, что я называю «глубокой мощью», а такая мощь должна быть прежде всего сбалансированной. В данном случае баланс означает надлежащее сочетание экономической, военной и политической сил, причем в данном сочетании все три компонента должны поддерживать друг друга. Могущество Америки является глубоким и во втором смысле: оно зиждется на фундаменте культурных и этических норм, определяющих, как применять силу, и образующих систему, в рамках которой предпринимаются конкретные действия. Европа, например, тоже обладает экономической мощью, но она слаба в военном отношении и опирается на очень неглубокое основание. В Европе очень мало общего согласия по политическим вопросам, в особенности по вопросам рамочных обязательств, налагаемых на членов Европейского сообщества.

Имеющая глубокие корни и хорошо сбалансированная мощь — явление редкое для страны. Я покажу, что в

наступающем десятилетии США обладают уникальным положением для консолидации и осуществления подобной мощи. К тому же немаловажно, что у США нет особого выбора при решении данного вопроса. И среди левых, и среди правых сохраняется убежденность, что у США есть выбор, заключающийся в уходе от сложностей управления глобальной мощью. Проще говоря, бытует мнение, что, если США прекратят беспардонно вмешиваться в дела других стран, мир более не будет ненавидеть Америку и бояться ее, а американцы смогут наслаждаться жизнью, не опасаясь нападения. Такое убеждение — проявление ностальгии по временам, когда США преследовали лишь собственные интересы на своей же территории, предоставляя остальному миру идти своим путем.

Действительно, было время, когда Томас Джефферсон мог предупреждать о нежелательности вступления в союзы, но тогда США ежегодно не производили 25% мировых богатств. Уже один этот факт вовлекает США в мировые проблемы. То, что США потребляют и производят, формирует жизнь людей в глобальном масштабе. Проводимая США экономическая политика формирует мировые экономические реальности.

Установленный ВМС США контроль над океанами гарантирует Америке экономический доступ практически к любому государству и дает ей потенциальную возможность отказывать в таком доступе другим странам. Даже если бы США захотели сжать свою экономику до менее экспансионистских масштабов, неясно, как это сделать, не говоря уже о том, что американцам пришлось бы платить по счету, предъявленному за этот эксперимент.

Но сказанное не означает, что США могут распорядиться своей мощью по собственному капризу и произволу. Дела слишком быстро зашли дальше, чем следовало бы. Вот почему возвращение равновесия в политике потребует от США также и осознания их подлинного и реального места в мировой системе. Мы уже отмечали, что падение Советского Союза лишило США соперника в борьбе за мировое господство. Теперь надо посмотреть в лицо

фактам; нравится американцам это или нет, произошло это умышленно или нет, но США вышли из холодной войны не только мировым гегемоном, но и мировой империей.

Реальность состоит в том, что американский народ не желает империи. Это не значит, что американцы не желают экономических и стратегических выгод. Это означает всего лишь, что американцы не хотят платить за эти выгоды. В экономическом отношении американцы хотят роста возможностей открытых рынков, но желают избежать соответствующих усилий. В политическом отношении американцы хотят обладать огромным влиянием, но не навлекать на себя обид в мире. В военном отношении американцы хотят быть защищенными от опасностей, но не желают нести бремя, которое налагает долгосрочная стратегия.

Империи редко возникают по плану или замыслу. Возникшие же подобным образом — обычно недолговечны, как например, империи Наполеона или Гитлера. Долговечными были империи, выросшие органически, естественно. Их имперский статус часто остается незамеченным вплоть до момента, когда он становится очевидным и подавляющим. Так произошло и с Римом, и с Британией. И все же эти государства добились успеха, потому что не только подчинились своему имперскому статусу, но и научились управлять им.

В отличие от Древнего Рима или Британской империи, структура американского господства неформальна, что не делает его менее реальным. США господствуют над океанами, а американская экономика производит более четверти того, что производят во всем мире. Если американцы принимают iPod или у них появляется новая модная диета, заводы и фермы в Китае и Латинской Америке реорганизуются для того, чтобы обслуживать эти новые потребности. Именно так европейские державы управляли Китаем в XIX в.: их господство там никогда не было формальным, но оно формировало Китай и эксплуатировало его до такой степени, что различие между формальным и неформальным господством становилось несущественным.

Американцам трудно осознать, что масштабы и мощь американской империи по природе своей внутренне разрушительны и побуждают США к экспансии, а это значит, что США редко могут сделать хоть шаг, предоставляя выгоды одной стране и одновременно не создав угрозы другой. Хотя подобная сила дает ее обладателю огромные экономические преимущества, она естественным образом порождает враждебность. США — коммерческая республика, а это значит, что США живут торговлей. Огромное процветание США — результат использования американских активов и достоинств, но Америка не может поддерживать это процветание, будучи изолированной от мира. Следовательно, если США намереваются сохранить свои масштабы, богатства и мощь, у них есть один вариант действий: Америка должна научиться управлять своей разрушительной силой — и делать это без стеснений.

До тех пор, пока империю не признают империей, трудно вести осмысленную общественную дискуссию о полезности империи, болезненности данного положения и, прежде всего, неизбежности имперского статуса. Никем не оспариваемая мощь достаточно опасна, но мощь, страдающая забывчивостью, подобна взбесившемуся слону.

Далее я докажу, что следующее десятилетие должно стать временем, когда США перейдут от осознанного пренебрежения реальностью к ее неохотному признанию. С этим признанием придет более изощренная внешняя политика. Никакого провозглашения империи, никакого общественного признания этого факта в течение следующего десятилетия не будет. Просто наступит эпоха более эффективного управления, основанного на понимании истинной сущности положения США в мире.

Глава 1

Нечаянно

возникшая империя

Президент США — самый важный политический лидер в мире. Объяснение этому простое: президент США правит страной, экономическая и военная политика которой формирует жизнь жителей любой страны на любом континенте; он может отдавать (и отдает) приказы о вторжении, введении эмбарго и иных санкций. Экономическая политика, разрабатываемая президентом США, скажется на жизни миллиардов людей, возможно, в течение нескольких поколений. Человек, который займет данный пост в следующем десятилетии — кем бы он ни был, — будет принимать решения, оказывающие влияние на жизнь не американцев сильнее, чем решения правительств стран, где живут эти люди.

Такая вот мысль осенила меня в ночь самых последних президентских выборов в США, когда я пытался связаться с одной из своих сотрудниц в Брюсселе. Я дозвонился до этой дамы в то время, когда она находилась в баре, переполненном бельгийцами, которые праздновали избрание Барака Обамы. Как я узнал позднее, такие праздничные вечеринки происходили в десятках городов мира. Кажется, люди повсюду чувствовали, что исход выборов в Америке имеет для них огромное значение, и многих, по-видимому, приход Обамы к власти затронул лично.

Прошло всего лишь менее года с начала президентства Обамы, когда пять норвежских политиков наградили его Нобелевской премией мира — к ужасу многих людей, считавших, что Обама еще ничего не сделал, чтобы заслужить эту награду. Но, согласно мнению председателя комитета, Обама мгновенно и драматическим образом изменил отношение мира к США, и уже одно это заслуживало

награды. Джорджа У. Буша ненавидели, считая его империалистом-хулиганом. Обаму чествовали за то, что он подал сигнал: он не будет таким, как его предшественник.

И в Нобелевском комитете, и в барах Сингапура и Сан-Паулу невольно признают уникальность поста президента США, а также новую реальность, согласиться с которой американцы не хотят. Новый американский режим имеет настолько большое значение для норвежцев, бельгийцев, поляков, чилийцев и миллиардов людей по всему миру потому, что президент США ныне играет странную (никогда и никем четко не сформулированную), порой неудобную роль мирового императора. И это та реальность, с которой мир (а также и президент США) будет бороться в течение наступающего десятилетия.

Американский император

Уникальный статус и степень влияния американского президента являются следствием того, что ныне США — фактически единственная глобальная военная сила в мире. Экономика этой державы более чем втрое превышает вторую по мощи национальную экономику и ежегодно производит около 25% мирового богатства, что обеспечивает США гегемонию, непропорциональную численности населения страны, ее территории или тому, что многие могут считать справедливым или благоразумным. Изначально США вовсе не намеревались становиться империей. Токовое положение сложилось без каких-либо намерений со стороны американцев, вследствие событий, над немногими из которых США имели власть.

Конечно же, об империи говорили еще до XIX столетия. В период, прошедший с момента провозглашения доктрины «предначертанной судьбы» и до испано-американской войны, было множество пророчеств и планов создания империи, которые поразительно скромны по сравнению с тем, что получилось в действительности. Империя, о которой я говорю сейчас, имеет лишь некоторое отношение к этим прежним помыслам, и я решительно утверждаю, что последняя версия империи возникла без каких-либо планов и намерений.

Со Второй мировой войны и до окончания холодной войны Америка понемногу приближалась к мировому господству, которое, однако, наступило лишь в 1991 г., когда после падения СССР США остались колоссом, не имеющим противовеса.

В 1796 г. Джордж Вашингтон в прощальном послании к нации про* возгласил следующий принцип: «Великое правило нашего поведения в отношении других стран — расширение наших коммерческих отношений, как можно полнее избегая политических связей с этими странами». У США была возможность отстраниться от мира, когда это была еще небольшая страна, находившаяся в географической изоляции. Сегодня же (как бы сильно остальной мир ни желал, чтобы США поменьше вмешивались в чужие дела, и

сколь бы соблазнительной ни казалась такая перспектива самим американцам) страна, производящая четверть того, что производят вместе взятые другие страны, военно-морской флот которой господствует на океанах, преграждая морские пути, просто не может оставаться в изоляции от остального мира, как бы сами американцы ни были склонны к этому.

Американская экономика подобна гигантскому водовороту, затягивающему все в свою пучину и порождающему незаметные малые водовороты, способные либо опустошить небольшие страны, либо обогатить их. Когда экономика США здорова, то является двигателем, приводящим всю машину в движение; когда же она приходит в расстройство, возникает угроза разрушения этой машины. Другой экономики, которая оказывала бы на мир столь же глубокое воздействие или так же эффективно связывала бы его воедино, не существует.

Если посмотреть на мир с точки зрения экспорта и импорта, мы поразимся тому, ВВП сколь многих стран зависят от США (приблизительно от 5 до 10% ВВП!). Хотя существуют двусторонние и даже многосторонние экономические отношения, в которых США не участвуют, экономических отношений, на которые не влияли бы США, нет. Все следят за Америкой и ожидают ее действий. Все пытаются оказать воздействие, хотя бы минимальное, на поведение Америки, чтобы получить некое преимущество или избежать каких-то неприятностей.

Основные торговые партнеры США

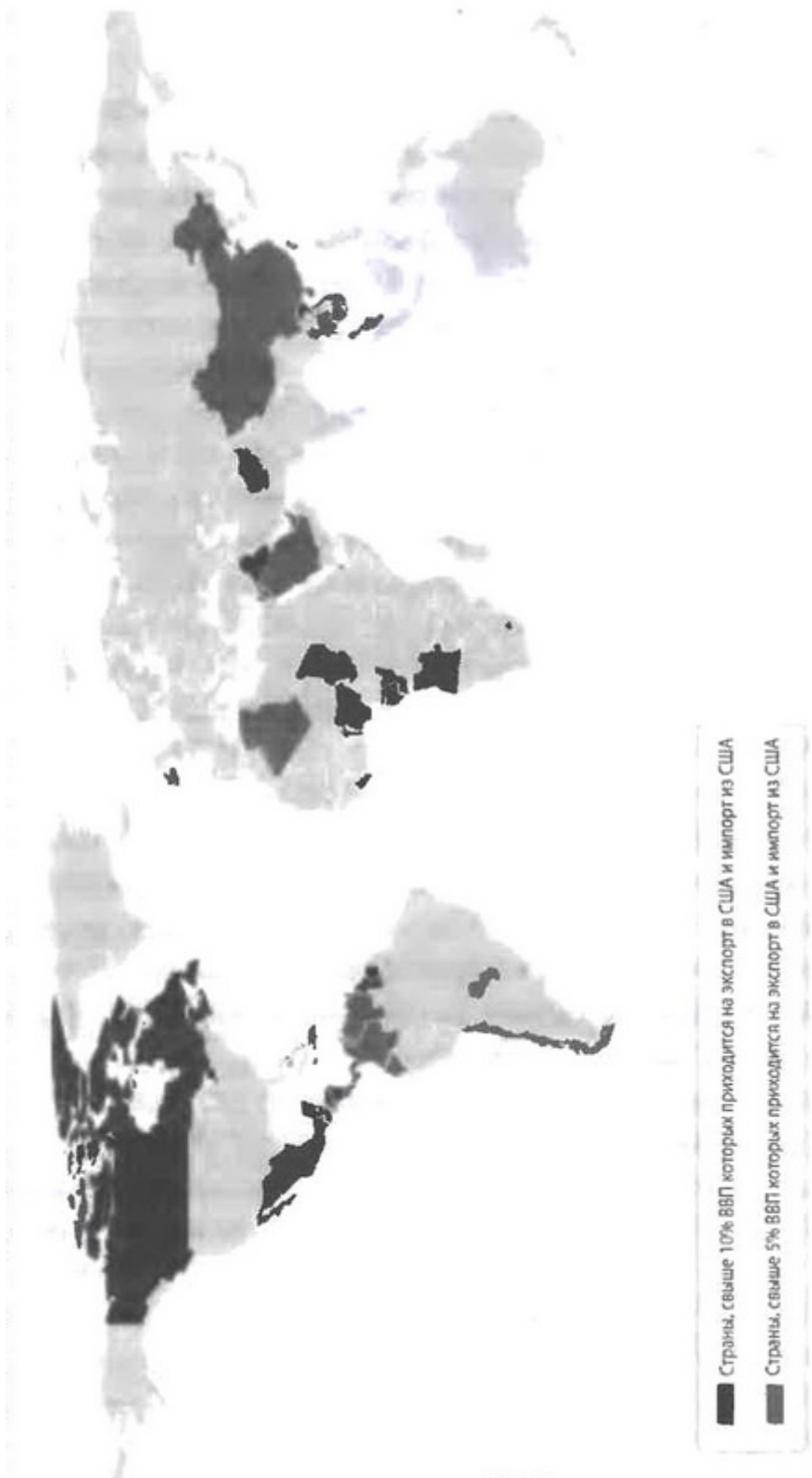
В историческом плане эта степень взаимозависимости порождает трения и даже войны. В XIX — начале XX вв. Франция и Германия настолько друг друга опасались, что всячески пытались оказать влияние на обоюдное поведение. Результатом этих попыток в течение 80 лет стали три войны между ними. Перед Первой мировой войной английский журналист (впоследствии ставший членом британского парламента) Норманн Энджелл написал книгу, называвшуюся «Великая Иллюзия» и пользовавшуюся широкой известностью. В этой книге Энджелл показал высокую степень экономической взаимозависимости в Европе и заявил, что сложившаяся взаимозависимость делает войну невозможной. Очевидно, что две мировые войны доказали несостоятельность этого утверждения. Сторонники свободной торговли продолжают использовать доводы, выдвинутые Энджеллом. И все же, как мы увидим, высокая степень глобальной взаимозависимости, в центре которой стоят США, действительно скорее увеличивает, нежели снижает угрозу войны.

То, что в мире больше нет сравнительно равных по мощи держав, легко соблазняющихся на военные авантюры, несколько снижает военную угрозу. Подавляющее военное господство США определено таково, что ни у одной страны не остается ни малейшей надежды на изменение своих отношений с США с помощью военной силы. Но в то же время можно заметить, что сопротивление американской мощи значительно и что после 1991 г. войны участились.

Хотя имперская мощь Америки, возможно, деградировала, в ситуациях, не сопряженных с войной, такая сила не разрушается стремительно. Мощь немцев, японцев, французов и англичан снизилась не из-за задолженности этих империй, а вследствие войн, разрушивших экономику соответствующих стран, что создало долги, ставшие одним из многих последствий войны. Корни Великой депрессии, охватившей мир в 20-30-х годах XX в., лежат в крушении экономики Германии в результате Первой мировой войны.

Именно прогрессирующий, расползающийся развал торговых и финансовых отношений охватил в конце концов весь мир. И наоборот: великое процветание союза, после 1950 г. возглавляемого США, стало результатом созданной Америкой экономической мощи, которой Вторая мировая война никак не повредила.

Основные торговые партнеры США

При отсутствии крупной, опустошительной войны любая реструктуризация международного влияния, основанная на экономике, — процесс, занимающий десятилетия (если таковой процесс вообще происходит). Говорят, будущее принадлежит Китаю. Возможно. Но экономика США превышает китайскую экономику в 3,3 раза. Для того, чтобы сократить отставание от США, Китаю необходимо поддерживать чрезвычайно высокие темпы роста в течение долгого времени. В 2009 г. на долю США приходилось 22,5% всех прямых иностранных инвестиций, ЧТО, ПО мнению ЮНКТАД, делает США крупнейшим источником мировых инвестиций. По сравнению с США на долю Китая приходится только 4,4% прямых иностранных инвестиций.

Кроме того, возможно, что США — крупнейший в мире заемщик, но никакие задолженности не уменьшают способность Америки оказывать влияние на международную систему. Независимо от того, увеличат ли США, сократят или вовсе прекратят заимствования, американская экономика будет постоянно оказывать определяющее влияние на мировые рынки, и это очень важный фактор. Разумеется, следует также помнить, что каждый доллар, заимствованный США, дают займы другие. Если доверять рынкам, то там считается, что предоставление займов США. даже под нынешние низкие проценты, — хороший ход.

Как известно, одни страны оказывают влияние на другие. США делает империей количество стран, на которые они оказывают влияние, интенсивность этого влияния и численность населения тех стран, на которые напрямую влияют протекающие в Америке экономические процессы и принимаемые в Америке решения.

Например, в последние годы у американцев вырос спрос на креветки, что заставило людей, занимающихся разведением рыбы в дельте р. Меконг, адаптировать свое производство ради удовлетворения нового потребительского спроса. Когда в 2008 г. в американской экономике произошел спад, первыми под сокращение попали продовольственные товары класса люкс вроде креветок, и это ощутили даже в дельте Меконга. Сходным образом американская компания

Dell, производящая компьютеры, построила завод в Ирландии, но, когда там выросла оплата труда, Dell перенесла производство в Польшу, хотя в это время Ирландия испытывала серьезные экономические трудности. Сходное влияние на США оказывают другие страны, как это было с Британской и Римской империями. Но Америка находится в самом центре паутины, и экономику страны дополняет ее военный потенциал, а если прибавить к этому технологические преимущества, то станет ясной структура глубокой мощи США.

Империя империи рознь: одно государство может быть формальной империей и иметь четкую структуру власти, тогда как другое устроено сложнее и изощреннее. Британцы управляли Египтом, но их формальная власть там была не слишком-то очевидной. США обладают способностью дотянуться до любой точки земного шара и оказать определяющее влияние на курс многих стран, но, поскольку США отказываются думать о себе как об имперской державе, Америка не создала формальной, рациональной структуры управления мощностью, которой она явно обладает.

То, что США сталкиваются с неудачами на Среднем Востоке, никоим образом не подрывает оправданность утверждения, что США являются империей, пусть и незрелой. Неудачи и империя — не взаимоисключающие понятия. В ходе развития империи катастрофы не так уж редки. Британия потеряла большинство своих колоний в Северной Америке в результате вспыхнувшего там восстания за век до того, как Британская империя достигла своего наивысшего расцвета. А римляне периодически переживали гражданские войны.

Хотя основу мощи США составляет экономика (которая явно знавала и лучшие времена), но за экономикой, подпирая ее, стоит военная мощь. Цель американских военных — предотвратить применение силы любой недовольной экономическим влиянием США страной или коалицией таковых стран в попытке изменить условия, ставящие ее (или их) в невыгодное положение. Подобно римским легионам, американские войска развернуты в упреждающем порядке по всему миру просто потому, что самый эффективный способ

использования военной силы состоит в подавлении возникающих конфликтов прежде, чем они станут хоть сколько-нибудь угрожающими.

В сущности, приведенная ниже карта существенно недооценивает американское военное присутствие. Например, на этой карте не показаны группы специальных сил США, которые скрытно действуют во многих регионах (прежде всего, в Африке). Не показаны на этой карте и группы американских военных инструкторов, группы технической поддержки и группы, выполняющие аналогичные миссии. Одни американские соединения ведут бои, другие занимаются борьбой с поставками наркотиков, а некоторые защищают принимающие их страны как плацдармы на случай, если американские войска понадобятся соседям. В некоторых случаях эти войска оказывают поддержку американцам, которые прямо или косвенно участвуют в управлении такими странами. В других — войска просто присутствуют, не управляя чем-либо. Но остальные уверены, что американские военные присутствуют повсюду, на любом континенте. Войска, находящиеся в США, базируются там не столько для защиты территории Америки, сколько для того, чтобы быть в наличии для проецирования мощи в другие точки планеты в случае военной необходимости. Это значит, что они готовы выполнять свой долг везде, где президент США сочтет необходимым развернуть их.

Как и подобает глобальной империи, США приводят в соответствие свою экономическую и военную систему, чтобы выступать гарантом мировой экономики. Одновременно США являются огромным рынком продажи технологий, а также других товаров и услуг; вооруженные силы США обеспечивают свободное движение по морским путям. Если потребуются, США двинут свои вооруженные силы для наведения порядка в районах, охваченных смутой, но сделают это не для блага других стран, а во имя собственного блага. Наконец, мощь американской экономики и дислокация вооруженных сил США делают союз с Америкой необходимостью для многих стран. Именно эта необходимость привязывает другие страны к США теснее,

чем это смогла бы сделать любая формальная имперская система.

Империя, возникшая в результате непреднамеренных последствий действий силы, накопленной ради достижения хотя бы и весьма отдаленных целей, как правило, получает признание спустя длительное время после своего возникновения. По мере того как в государстве, ставшем империей, осознается сей факт, начинается использование имперской инерции для сознательного расширения границ государства, дополняя это движение империалистической идеологией. Вспомните Pax Romana или «бремя белого человека». У империи появляются писатели вроде Вергилия и поэты вроде Редьярда Киплинга, но происходит это не прежде, а после образования империи. И, подобно тому, как это было и в Риме, и в Британии, певцы современной американской империи сосуществуют с людьми, которых имперские образы приводят в ужас и которые тоскуют по прежним, более «правильным» временам.

Рим и Британия попали в западную имперского мира, но научились извлекать из этого преимущества. США все еще отказываются понимать, что являются империей, и всякий раз, когда американцы чувствуют ловушки, то шарахаются от них. Но пришло время признать, что президент США управляет империей, обладающей беспрецедентной мощью и влиянием, пусть даже эта империя неформальна, а ее существование не подтверждено документально. Только после такого признания мы сможем формулировать политику на следующее десятилетие; политику, которая позволит нам должным образом управлять миром, за который мы оказались ответственными.

Управление имперской реальностью

На протяжении последних 20 лет США боролись за то, чтобы справиться с последствиями, обрушившимися на них как на «последнего оставшегося на ногах бойца» после падения СССР. Задача президента, который будет возглавлять США в следующем десятилетии, состоит в том, чтобы осуществить переход от простого реагирования на события к разработке системного метода управления миром, в котором господствует Америка. Этот метод основан на том, что Америка честно, не уклоняясь, смотрит на реалии функционирования этого мира. А это означает переход американской империи из состояния недокументированного беспорядка в состояние упорядоченной системы, в состояние Pax Americana. Причем этот переход происходит не по свободной и доброй воле президента, но именно потому, что у президента нет выбора.

Приведение империи в порядок — необходимость, потому что хотя США имеют подавляющее могущество, тем не менее они не всемогущи, а обладание выдающейся военной мощью порождает необычайные опасности. Например, 11 сентября 2001 г. США были атакованы именно потому, что их сила уникальна. Задача президента состоит в том, чтобы управлять этой силой, учитывая и риски, и возможности, а затем минимизировать риски и максимизировать выгоды.

Страны, в которых наблюдается американское военное присутствие (по состоянию на 31 декабря 2007 г., без учета дислокации секретных подразделений вооруженных сил США)

Людам, которых «воротит» от любых разговоров об империи, тем более от разговоров о приведении в порядок управления империей, я бы заметил, что геополитические реальности не позволяют президентам демонстрировать добродетель так, как нам представляется должным, когда речь идет об обычных гражданах. Два президента, попытавшихся прямо следовать диктату добродетели, Джимми Картер и Джордж У. Буш, потерпели очевидную неудачу, тогда как президенты вреде Ричарда Никсона и Джона Ф. Кеннеди, мыслившие более реалистично и действовавшие довольно-таки безжалостно, потерпели неудачу лишь потому, что их действия не были объединены и направлены на какую-то высшую моральную цель.

При наведении порядка в империи я предлагаю будущим президентам следовать примеру трех наиболее почитаемых лидеров Америки; примеру людей, которые могли быть крайне жесткими в осуществлении стратегии, основанной тем не менее на моральных принципах. В этих случаях моральные цели фактически оправдывают применение средств, которые не только аморальны, но и неконституционны.

Авраам Линкольн сохранил федерацию и отменил рабство, развернув согласованную программу обмана и поправ гражданские свободы. Для того чтобы сохранить лояльность пограничных штатов, он никогда не сознавался в намерении упразднить рабство. Вместо такого признания он лицемерил, утверждая, что, хотя он выступает против распространения рабства за пределы Юга, у него нет ни малейшего намерения упразднить право иметь рабов в штатах, где рабовладение уже является законным.

Но Линкольн не только кривил душой. Он приостановил действие *habeas corpus*² по всей стране и разрешил арестовать участников процессии законодателей в штате Мэриленд. Линкольн не пытался оправдать эти действия, а просто сказал, что, если Мэриленд и другие пограничные штаты выйдут из Федерации, война будет проиграна, а страна — расчленена, что сделает конституцию бессмысленной.

Спустя 75 лет, в разгар столь же жестокого для страны кризиса, Франклин Рузвельт также сделал то, что было необходимо, и ради сокрытия своих действий от общественности, которая все еще была не готова следовать за ним, солгал. В конце 30-х годов XX в., когда Европа готовилась к войне, конгресс и американский народ хотели сохранять строгий нейтралитет, но Рузвельт понимал, что на карту поставлено выживание демократии. Он тайно организовал продажу оружия французам и пообещал Уинстону Черчиллю использовать ВМФ США для защиты торговых судов, ищущих с грузами в Англию. И то, и другое было явным нарушением нейтралитета.

Рузвельтом, как в свое время и Линкольном, двигала моральная цель, означавшая особое видение глобальной стратегии. Рузвельта оскорбляло существование нацистской Германии, и он был предан идее демократии. И все же ради сохранения американских интересов и институтов он вступил в союз с СССР, хотя и не поддерживал характер сталинского режима в этой стране. В Европе он смотрел в сторону, когда СССР вторгся в Польшу и государства Балтии. В США Рузвельт пренебрег постановлением Верховного суда и разрешил прослушивание телефонных разговоров без разрешения судов и перлюстрацию почтовых отправлений. Однако самым серьезным из совершенных Рузвельтом нарушений гражданских свобод стало одобрение задержания этнических японцев и их перемещения в лагеря, независимо от гражданства этих людей. Самым возмутительным деянием Рузвельта было то, что он заполнил концентрационные лагеря гражданами, сыновья которых сражались в рядах вооруженных сил США.

Рональд Рейган также безжалостно шел к моральной цели. Его целью было разрушение Советского Союза, который он называл «империей зла». Рейган стремился к этой цели, отчасти наращивая гонку вооружений и даже расширяя ее за счет выдуманного космического оружия, которого, как он знал, СССР не может себе позволить. Затем Рейган долго и изобретательно блокировал поддержку, которую СССР оказывал национально-освободительным движениям в

странах третьего мира. В 1983 г. Рейган инициировал вторжение на Гренаду. Он оказывал поддержку повстанцам, боровшимся с марксистским правительством Никарагуа. Это заставило Рейгана пойти на уловку: для того чтобы обойти закон, разработанный специально с целью предотвращения такого вмешательства, администрации ОНА пришлось осуществлять продажи оружия в Иран, который вел войну с Ираком, через Израиль с последующим направлением полученных от таких продаж средств никарагуанским повстанцам. Следует также вспомнить о том, что Рейган активно поддерживал исламских джихадистов, сражавшихся в Афганистане с советскими войсками. Как и в случае с союзом между Рузвельтом и Сталиным, будущий враг может быть полезен в деле разгрома врага нынешнего.

В наступающем десятилетии времени на великие крестовые походы не будет. Наступает новая эпоха, в течение которой реалии мира, явленные фактами, будут более формально включены в наши институты.

В последнее десятилетие США вели (и продолжают вести) яростную борьбу против терроризма. В следующем десятилетии возникнет необходимость в меньшей страстности и более тщательном регулировании отношений со странами вроде Ирана и Израиля. Время требует также создания систем союзов, охватывающих такие страны, как Польша и Турция, заново определивших свои отношения с США. Это тяжелая работа по уточнению деталей имперской политики. И все же президент может позволить себе тешиться иллюзией, что мир просто примет реальность подавляющей гегемонии США, не в большей мере, чем может позволить себе упустить из рук власть. Президент ни на миг не может забывать о том, что, несмотря на свой квазиимперский статус, он является президентом одной страны, а не всего мира.

Вот почему единственным словом, которое президент никогда не должен использовать, является слово империя. Антиимпериалистический дух, присущий основателям США, продолжает поддерживать и питать политическую культуру страны. К тому же утверждается, что более равномерное распределение власти полезно — не только для других стран,

но и для США. Далее если это утверждение справедливо, в наступающем десятилетии должно начаться придание целостности неформальной реальности американской глобальной империи.

Поскольку президент не должен принуждать общественность разбираться с реалиями (с которыми она не готова разбираться), президент должен стать мастером управления иллюзиями. Рабовладение не смогло бы просуществовать в течение длительного времени после 60-х годов XIX в., как бы ни желали сохранения рабовладения на Юге. Второй мировой войны было не избежать независимо от того, сколь сильно общественность ни тяготела бы к изоляционизму. Конфронтация с Советским Союзом должна была произойти, даже если американцев пугали кризисы, возникавшие по ходу этой конфронтации. Во всех перечисленных случаях сильные президенты создавали ткань иллюзий, которая позволяла им делать то, что было необходимо, не вызывая массового возмущения граждан. В случае Рейгана, когда махинации с продажами оружия вскрылись и превратились в «дело Иран-контрас», которое привело к слушаниям в конгрессе, обвинениям и приговорам многих участников этого дела, хорошее разыгрывание Рейганом простодушия и забывчивости оградило его власть и имидж от последствий. События, связанные с Израилем, Ираном и Никарагуа, были так сложны, что даже критики Рейгана с трудом могли поверить, что президент несет ответственность за произошедшее.

Глобальная стратегия регионов

Фундаментальные интересы Америки заключаются в физической безопасности США и существовании сравнительно свободной от ограничений международной экономической системы, что никоим образом не означает режима свободной торговли в том смысле, какой предают этому термину идеологи свободного рынка (как мы увидим при рассмотрении нынешнего состояния мировой экономики). Сравнительная свобода международной экономической системы представляет всего лишь международную систему, позволяющую гигантской экономике Америки взаимодействовать если не со всем остальным миром, то хотя бы с его большей частью. Каков бы ни был режим регулирования, США нуждаются в покупках и продажах, в предоставлении и получении кредитов практически по всему миру.

Четверть мировой экономики не может процветать в изоляции, как и последствия экономического взаимодействия не могут ограничиваться исключительно экономикой. Американская экономика построена на технологических и организационных инновациях, вплоть до того, что Джозеф А. Шумпетер называл «созидательным разрушением» — процессом, посредством которого экономика постоянно разрушает и воссоздает себя, главным образом через продвижение разрушающих технологий.

Когда американская экономическая культура вступает в соприкосновение с другими странами, те сталкиваются с нелегким выбором; либо принять эту культуру, либо исчезнуть. Например, компьютеры (наряду с компаниями, организованными вокруг всего, что связано с компьютерами) оказали глубокое разрушительное воздействие на культурную жизнь всего мира, от Бангалора до Ирландии. Американская культура привычна к разного рода постоянным переменам, тогда как, к примеру, культуры Саудовской Аравии и Китая к подобным изменениям не приспособлены. Китай несет дополнительное бремя попыток адаптации к рыночной экономике при сохранении политических институтов

коммунистического государства. Германия и Франция борются за ограничение американского влияния, за свою изоляцию от того, что в этих странах называют «англо-саксонской экономикой». Первое неограниченное соприкосновение с американской экономической культурой в 90-х годах XX в. заставило Россию пойти на попятную и попытаться в следующем десятилетии найти свой собственный баланс. Африка южнее Сахары отстала и прекратила попытки преодолеть отставание.

Неудивительно, что на американский водоворот мир часто отвечает угрюмым противодействием, поскольку страны пытаются извлечь преимущества или избежать последствий втягивания в омут. Президент Обама почувствовал это сопротивление и извлек из него пользу. Во внутренней политике Обама занимается потребностью американцев в любви и восхищении ими со стороны окружающего мира, а во внешней политике обращает особое внимание на то, чтобы США проявляли меньшую властность и большую склонность к примирению в отношениях с другими странами.

Хотя Обама выявил реальную задачу и хорошо с нею справляется, сопротивление власти империи остается проблемой, не имеющей постоянного решения. Это происходит потому, что в конечном счете данная проблема возникает не из политики США, а из самой природы имперской власти.

США находятся в положении практически абсолютного гегемона всего лишь 20 лет. Первое десятилетие этого имперского периода было временем головокружительных фантазий, временем, когда окончание холодной войны считали концом всяких войн вообще. Подобное заблуждение появляется в конце любого крупного конфликта. Первые годы нового века были десятилетием, в котором американцы обнаружили, что мир по-прежнему опасен, а президент США возглавил яростные старания по организации ответа на удары 11 сентября 2001 г. Период с 2011 по 2021 год станет десятилетием, в котором США начнут учиться управлять враждебностью мира.

Президенты грядущего десятилетия должны изобрести стратегию, которая признает, что угрозы, вновь проявившиеся в прошлом десятилетии, не были аберрацией. «Аль-Каида» и терроризм — одна из таких угроз, но эта угроза не самая серьезная из тех, с которыми сталкиваются США. Президент может и должен говорить, что предвидит эру, когда эти угрозы исчезнут, но не должен сам верить в собственную риторику. Напротив, он обязан постепенно избавлять страну от мысли, что угрозы имперской державе будут постоянно снижаться, а затем привести соотечественников к пониманию, что эти угрозы — цена, которую американцы платят за свое богатство и могущество. В сущности, президент должен планировать и проводить стратегию, при этом не обязательно признавая существование самой стратегии.

Не имея соперника, стремящегося к мировому господству, президент должен думать о мире в категориях отдельных регионов и, поступая таким образом, заниматься построением равновесия сил в данных регионах совместно с партнерами по коалиции и разрабатывать планы на случай вмешательства. Стратегической целью должно быть предотвращение появления державы, которая могла бы бросить вызов США в любом уголке планеты.

В отличие от Рузвельта и Рейгана, которые пользовались роскошью и могли в одностороннем порядке играть в свою игру в огромном, но едином мире, президентам следующего десятилетия придется играть в разные игры на доске, разбитой на множество полей. Прошло время, когда все вращалось вокруг одной или нескольких немногочисленных мировых угроз. Равновесие сил в Европе не имеет тесной связи с равновесием сил в Азии, а равновесие сил в этих двух регионах отличается от равновесия сил, благодаря которому сохраняется мир в Латинской Америке. Так что, даже если мировой уклад не так опасен для США, каким он был во время Второй мировой или холодной войны, он намного более сложен, чем прежде.

Конечно, американская внешняя политика уже фрагментирована по региональному принципу, что находит отражение в системе нескольких региональных

командований, которым подчинены вооруженные силы США. Теперь необходимо открыто признать такую же фрагментацию американского стратегического мышления и действовать в соответствии с этой фрагментацией. Американцы должны признать, что США не имеют глобального союза, который поддерживал бы Америку, и что у США нет исторических отношений с какими-либо странами; и к каждой коалиции следует относиться с региональной, а не глобальной точки зрения. Это означает, что НАТО более не имеет значения для США вне европейского контекста, а Европу нельзя считать более важной, чем любые другие части света. Несмотря на ностальгию по героизму «великого поколения» или по «особым отношениям», реальность современности проста: Европа более не является важной.

Даже при этом президент Обама вел кампанию, ориентированную на европейцев. Маршруты поездок, совершенных им до избирательной кампании 2008 г., предельно ясно показывают; что он имел в виду, говоря, что многосторонность снова связывает США с Европой, давая европейским политикам консультации по вопросам действий США за рубежом и принимая предостережения европейцев (теперь, потеряв свои империи, европейцы всегда проповедуют осторожность). Жесты Обамы возымели успех. Европейцы впали в страшный энтузиазм, а многим американцам понравилось снова нравиться иностранцам. Разумеется, когда европейцы обнаружили, что Обама, в конце концов, американский президент, преследующий американские цели, этот энтузиазм очень быстро рассеялся.

Все это возвращает нас к вызову, с которым столкнутся президенты в наступающем десятилетии. Президенту США в этом десятилетии придется проводить безжалостную, свободную от сантиментов политику в стране, которая все еще обуюна неразумными фантазиями по поводу того, что американцев любят или, по крайней мере, их не будут беспокоить. Президент США должен проводить политику в плоскости, не имеющей отношения к рамкам, которые определены чувствами общественности.

Свободная от сантиментов внешняя политика означает, что в наступающем десятилетии президент должен ясно и хладнокровно выявлять самых опасных врагов, а затем создавать коалиции, которые будут их громить. Этот несентиментальный подход означает избавление от всей системы союзов и институтов времен холодной войны, в том числе от НАТО, Международного валютного фонда и ООН. Все эти пережитки холодной войны недостаточно гибки для того, чтобы иметь дело с разнообразием современного мира, который заново определил себя в 1991 г., сделав старые институты устаревшими. Некоторые старые институты, возможно, сохраняют определенную ценность, но только в контексте новых институтов, которым предстоит возникнуть. Новые институты должны быть региональными, служащими интересам США в соответствии со сформулированными мною тремя следующими принципами.

1. В той мере, в какой это возможно, допускать, чтобы равновесие сил в мире и в регионе поглощало любые всплески энергии и отводило разнообразные угрозы от США.
2. Создавать союзы стран, в которых США посредством маневров перекладывают основное бремя конфронтации или конфликта, поддерживая эти страны экономическими выгодами, военными технологиями и обещаниями военного вмешательства, если таковое потребуется.
3. В случае, когда равновесие сил разваливается и союзники уже не могут справиться с проблемами собственными силами, прибегать к военному вмешательству только в качестве крайней, последней меры.

В период наивысшего могущества Британской империи лорд Пальмерстон сказал: «Полагать, что та или другая страна предназначена Англии в качестве извечного союзника или извечного врага, означает узость политического мышления. У Англии нет вечных союзников или вечных врагов. Вечными и постоянными являются только наши

интересы, и мы обязаны следовать им». Вот та политика, которую надо будет институционализировать президентам наступающего десятилетия. Признавая, что США будут вызывать недовольство или враждебность, президент США не должен питать ни малейших иллюзий относительно того, что ему удастся просто убедить другие страны лучше думать об американцах, отказываясь от существенных для США интересов. По возможности президент США должен пытаться свращать другие страны блестящими обещаниями, но при этом не забывать, что попытки свращения когда-нибудь потерпят провал, тогда как он не может потерпеть неудачу в выполнении своей обязанности вести США во враждебном мире.

Глава 2

Республика, империя

и президент-макиавелист

Самой серьезной проблемой управления империей в следующем десятилетии будет та, с которой когда-то столкнулся Рим: как сохранить республику в государстве, превратившемся в империю? Основатели США были антиимпериалистами по нравственным убеждениям. Они посвятили свою жизнь, свои состояния и свою честь священному делу освобождения от Британской империи и основали республику, основанную на принципах народного самоопределения и естественных прав. Имперские отношения с другими странами, независимо от того, возникли ли они по умыслу или непреднамеренно, бросают вызов принципам, на которых были основаны США.

Если вы верите, что универсальные принципы имеют смысл, то из этой уверенности следует, что антиимпериалистическая республика не может быть империей, сохраняя при этом свою нравственную природу. Это довод, который в США приводят со времен американо-мексиканской войны ³ XIX в. Сегодня оба полюса политического спектра выдвигают данный аргумент против авантюр за рубежом. У американских левых есть многолетняя антиимпериалистическая традиция. Если же посмотреть на некоторую риторику, исходящую от американских правых, начиная с либертарианцев ⁴ и заканчивая представителями «чайной партии» ⁵, видишь такую же оппозицию военным вмешательствам в дела других стран. Страх перед военным вмешательством связан с предупреждением Дуайта Эйзенхауэра, который призвал опасаться «военно-промышленного комплекса». Если уж подобное опасение мог

высказать такой кадровый военный и герой войны, как Аик⁶, становится понятным, насколько глубокие корни пустил этот страх в американской политической культуре. Подозреваю, что в следующем десятилетии таковые настроения станут мощной тенденцией в американской политике. По всей стране граждане всех политических убеждений устали от вовлеченности во внешнюю политику.

Страх, который вызывают имперские устремления, совершенно оправдан. Империя подавила Римскую республику. Империя породила страсть к деньгам и власти, страсть, которая уничтожила республиканские добродетели, бывшие предметом величайшей гордости римских граждан. Даже если эта гордость не была вполне оправданной, нет сомнений, что республика была уничтожена не только соперничеством военных лидеров, которое привело к переворотам, но и огромным количеством денег, стекавшихся в столицу империи от граждан и иностранцев, которые пытались купить милости.

Та же опасность грозит ныне и США. Американское мировое могущество постоянно генерирует угрозы и того большие соблазны. Есть наблюдение, согласно которому со времен Второй мировой войны США создали аппарат национальной безопасности, который окутан столь плотной завесой официальной секретности, что за ним нелегко не только следить, но даже понимать суть его функционирования. Этот крайне дорогой и неуклюжий аппарат наряду с огромными объемами внешнеэкономической деятельности, объемлющей все (от невероятно большой торговли до зарубежных инвестиций, которые движут глобальные рынки), образует систему, которой нелегко управлять с помощью демократических институтов. Более того, эту систему не всегда легко примирить с нравственными принципами Америки. Вполне можно представить, что эти силы, действуя заодно, могут сделать американскую демократию бессмысленной.

Проблема состоит в том, что США, подобно Риму времен Цезаря, достигли точки, в которой утратили возможность выбирать, быть ли Америке империей или нет.

Масштабы американской экономики, ее вовлеченность в дела стран, разбросанных по всему миру, мощь американских вооруженных сил и их глобальное присутствие сами по себе имеют имперские масштабы. Выход США из этой мировой системы почти невозможен, и если попытка к такому выходу будет предпринята, она дестабилизирует не только американскую экономику, но и мировую систему. Если цена анти империализма понятна, поддержка этого движения будет слабой. Действительно, многие страны настроены не столько против американского присутствия как такового, сколько против способа его демонстрации. Принимая власть Америки, они просто хотят, чтобы эта власть служила их собственным узким интересам.

Опасности имперской власти велики. Они будут вызывать все большие споры в американской политике, точно так, как уже стали предметом жарких споров во всем мире. Задним числом достоинство республики и отцов-основателей заключалось в том, что созданная ими республика была слабой, а не в том, что она была добродетельна. США, состоявшие из 13 бывших колоний, не могли ввязываться в авантюры за рубежом, не рискуя самим своим существованием. США, население которых составляет 300 млн человек и которые имеют обширное экономическое влияние, не могут избежать вовлечения в дела других стран.

Управление империей, которая возникла непреднамеренно, при одновременном сохранении республиканских добродетелей станет постоянной особенностью США на очень долгое время, но несомненно, что после джихадистских войн эта особенность в следующем десятилетии превратится в особенно сильный вызов. В дискуссиях по большей части желаемое будут выдавать за действительное. Пути назад нет, как нет и легких элегантных решений. Парадокс заключается в том, что наилучшей возможностью сохранения республики будут не институциональные, а личностные меры, и таковые меры будут зависеть от нового определения добродетели, которое вступает в противоречие с нашими представлениями о том, что такое добродетель. Спасение республики я ищу не в

балансе сил, а в изобретательности и мудрости президента. Очевидно, что у президента имеется огромный бюрократический аппарат, которым он управляет и который, в свою очередь, управляет им, но в конце концов правят, как мы помним, линкольны, рузвельты и рейганы, а не бюрократы, сенаторы или судьи. Причина проста. Наряду с властью президенты осуществляют лидерство. В условиях следующих 10 лет или меньшего срока это лидерство может иметь решающее значение.

Личность может казаться слишком уж зыбкой основой для строительства будущего страны. В то же время основатели Америки создали пост президента не без причины, и в сердцевине этой причины было лидерство. Институт президентства уникален в том отношении, что это единственная структура, в которой институт и личность идентичны. Конгресс и Верховный Суд — совокупности людей, которые редко бывают единодушны. А президентство — это один президент, единственное должностное лицо, избранное представителями всего народа. Вот почему нам следует рассматривать его как единственное вместилище всех надежд на управление отношениями между империей и республикой в течение следующих 10 лет.

Давайте начнем с размышлений об особенностях президентского характера в целом. Президент (любой страны) отличается от других людей тем, что он, по определению, получает удовольствие от власти. Обретение власти и ее использование он ставит превыше всего остального и отдает погоне за властью изрядную часть своей жизни. Знания и инстинкты президента настолько нацелены на власть, что президент понимает власть так, как, по мнению многих простых людей, ее никогда нельзя понимать. Самый плохой президент по природе своей ближе к самому лучшему президенту, чем к кому бы то ни было из людей, не прошедших через горнило испытаний, необходимых для того, чтобы стать президентом.

Степень и масштабы власти таковы, что современные американские президенты неизбежно достигают состояния, в котором они видят мир иначе, даже по сравнению с другими

руководителями государств. Ни одному другому лидеру не приходится сталкиваться с миром столь разными образами. В американской демократии президент должен достигать поста, претендуя на то, что он не отличается от других граждан. Если эта мысль верна, то ее последствия страшны. Опасность заключается в том, что по мере нарастания вызовов и потенциальных угроз, связанных с имперским статутом, будут появляться лидеры, требующие такой меры власти, которая незаметно, сама собой выходит за рамки ограничений, установленных конституцией.

В том, что отцы-основатели, создавая антиимпериалистическую систему правления, предусмотрели возможную дорожную карту к имперскому лидерству с республиканскими ограничениями, таятся одновременно и везение, и ирония. Отцы-основатели создали институт американского президентства как альтернативу диктатуре и аристократии. Президент США слаб во внутренней политике, но обладает огромным могуществом в политике внешней. Во внутренней политике конституция окружает исполнительную власть конгрессом, по природе своей неуправляемым, и Верховным судом, действия которого непостижимы. Экономика находится в руках инвесторов, управляющих и потребителей, а также людей из Федеральной резервной системы (этот порядок управления экономикой если и не установлен конституцией, то определенно установлен законодательством и практикой). Штаты обладают существенной властью, а значительная часть гражданского общества (религия, пресса, поп-культура, искусство) находится вне президентского контроля. Такое положение является именно тем, чего и хотели основатели, положения, при котором есть человек, который председательствует в стране, но не правит ею. И все же, когда США соприкасаются с миром во внешней политике, нет более могущественной фигуры, чем человек, занимающий Белый дом.

2-й раздел статьи II конституции гласит: «Президент является главнокомандующим армией, военно-морским флотом США и ополчения нескольких штатов, когда оно призывается на действительную службу США». Это —

единственное полномочие президента, которое он осуществляет не совместно с конгрессом. Заключение договоров, назначения на должности, бюджет и фактическое объявление войны требуют одобрения конгресса, но командование вооруженными силами единолично осуществляет президент.

Со временем конституционные ограничения дипломатических прерогатив, ложившиеся на первых президентов, отпали. Договоры должны утверждаться конгрессом, но сегодня договоры заключают редко, внешняя политика осуществляется на основании соглашений и договоренностей, многие из которых секретны. Таким образом, управление внешней политикой теперь тоже, в сущности, перешло в руки президента. Сходным образом, хотя конгресс объявлял войну только 5 раз, президенты США направляли войска воевать по всему миру во много раз больше. Реальность американского режима во 2-м десятилетии XXI в. такова: власть президента на мировой арене не имеет сдержек и противовесов и ограничена только его искусством осуществления этой власти.

Когда президент Клинтон в 1999 г. принял решение о бомбардировках Сербии, а президент Рейган в 1983 г. принял решение о вторжении на Гренаду, конгресс не мог остановить их, даже если бы захотел это сделать. Американские президенты налагают санкции на страны и формируют экономические отношения по всему миру. В практическом смысле это означает, что американский президент обладает властью опустошать страны, которые вызвали его недовольство, и вознаграждать страны, к которым он благоволит. Принято законодательство о военных полномочиях, но многие президенты утверждали, что как главнокомандующие вооруженными силами в военное время и в силу этого положения они обладают такими полномочиями независимо от принятых законов. На практике президенты всегда добиваются того, что конгресс поддерживает их политику. И это положение вряд ли изменится в следующем десятилетии.

Именно в осуществлении внешней политики американский президент более всего напоминает «макиавеллевского государя», и это не удивительно, если принять во внимание, что отцы-основатели изучали современную им политическую философию, основоположником которой был Н. Макиавелли⁷. Точно так же, как мы должны безоговорочно признать существование американской империи, мы должны признать, что эти великие интуитивные прозрения и рекомендации имеют ценность в нашей нынешней ситуации. То, что внешняя политика и осуществление сопряженных с нею полномочий являются главным предметом забот президента, соответствует учению Макиавелли: «Следовательно, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки; ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого. Военное искусство наделено такой силой, что позволяет не только удержать власть тому, кто родился государем, но и достичь власти тому, кто родился простым смертным. И наоборот, когда государи помышляли больше об удовольствиях, чем о военных упражнениях, они теряли и ту власть, что имели. Небрежение этим искусством является главной причиной утраты власти, как владение им является главной причиной обретения власти»⁸.

Фундаментальное отличие американской внешней политики и осуществления полномочий президентами США (рассмотренное Макиавелли) сводится к различию между идеализмом и реализмом, различию, заложенному в природу американской внешней политики. США были основаны на принципе самоопределения народов, что предполагает демократический процесс избрания лидеров. Это и отражено в конституции. Кроме того, США построены на принципах свободы человека, торжественно провозглашенных в «Билле о правах». Империализм, казалось бы, должен подрывать принцип самоопределения, как формально, так и неформально. Более того, проведение внешней политики поддерживает режимы, которые благоприятствуют национальным интересам, но не реализуют и не любят

американские принципы прав человека. Примирение американской внешней политики с американскими принципами — трудное дело, создающее угрозу моральным основам американского режима.

Сторонники идеализма утверждают, что США должны руководствоваться в своих действиях моральными принципами, вытекающими из намерений, элегантно сформулированных отцами-основателями. США рассматриваются как нравственный проект, возникший из идей, выдвинутых Джоном Локком и другими мыслителями. Целью американской внешней политики должно быть применение этих моральных принципов к действиям США и, что еще важнее, к целям США. Исходя из этого. Она должны поддерживать только те режимы, которые воспринимают и усваивают американские ценности, и выступать против режимов, противящихся этим ценностям.

Сторонники реализма утверждают, что США — это страна, подобная всем прочим странам, и как таковая должна защищать свои национальные интересы. Эти прагматичные интересы включают безопасность США, преследование экономических преимуществ США и поддержку режимов, которые полезны с точки зрения достижения этих целей, независимо от нравственной сущности этих режимов. В соответствии с этой теорией американская внешняя политика должна быть не более и не менее нравственной, чем внешняя политика любой другой страны.

Идеалисты доказывают, что отрицание уникального американского нравственного императива является не только предательством американских идеалов, но и предательством всего видения американской истории. Реалисты доказывают, что мы живем в опасном мире и что, сосредотачиваясь на нравственных целях, американцы отвлекаются от преследования собственных истинных интересов, что ставит под угрозу самое существование республики, являющейся воплощением американских идеалов. Важно помнить о том, что идеализм — это превосходящая границы идеологий основа американской политики. Левый вариант идеализма построен вокруг прав человека и предотвращения войн.

Правый вариант идеализма построен вокруг стремления неоконсерваторов распространять американские ценности и разновидности демократии. Следует обратить внимание на общий знаменатель этих двух вариантов американского идеализма, заключающийся в идее того, что американская внешняя политика должна прежде всего быть сосредоточена на моральных принципах.

По моему мнению, в своих спорах реалисты и идеалисты в корне неправильно ставят проблему, и в следующем десятилетии эта неверная постановка сыграет решающую роль. Либо проблема будет сформулирована правильно, либо отсутствие равновесия в американской внешней политике еще более усилится, делая эту политику еще менее управляемой. Доводы идеалистов все время наталкиваются на прежний конфликт между правом на самоопределение народов и правами человека.

Американская революция опиралась на оба принципа, но ныне, более чем через два века после революции, что делать, если страна вроде Германии абсолютно конституционным образом решает упразднить права человека? Что важнее — право на самоопределение народов или права человека? Что делать с режимами, которые не проводят выборы, как в США, но явным образом воплощают основанную на долгой культурной практике волю народов? Главным примером здесь является Саудовская Аравия. Как могут США проповедовать мультикультурализм, а затем требовать, чтобы другие народы избирали своих лидеров так, как это делается в Айове?

Столь же противоречива и позиция реалистов. Реализм предполагает, что национальные интересы империи XXI в. столь же очевидны, как и национальные интересы расположенной на атлантическом побережье Северной Америки маленькой республики XVIII в. Малые, слабые государства имеют четкие определения национального интереса, который заключается прежде всего в том, чтобы выжить в условиях максимально возможной безопасности и процветания. Но определение национального интереса страны, пользующейся такой безопасностью и процветанием, какими пользуются США, и имеющей беспрецедентную сферу

притяжения, — дело намного более сложное. Реалисты полагают, что в краткосрочной перспективе возможностей выбора будет меньше, чем сейчас, а опасности всегда будут одинаково велики. Концепцию реализма нельзя оспаривать как абстрактную: кому же хочется не быть реалистом?

Постижение точного определения того, из чего состоит реальность, — дело и того более мудреное. В XVI в. Никколо Макиавелли писал: *«Основой же власти во всех государствах — как унаследованных, так и смешанных и новых — служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы»*⁹. Это определение реализма лучше того, которое ныне предлагают нам реалисты.

Я полагаю, что спор между реалистами и идеалистами вызван, в сущности, наивным представлением о мире, которое в последние десятилетия приобрело слишком большое влияние.

Идеалы и реальность — это две стороны одной и той же медали, именуемой властью. Власть как самоцель — это монстр, который не способен к чему-то продолжительному и неизбежно будет деформировать американский режим. Идеалы без власти становятся просто словами: они могут оживать, только если подкреплены способностью действовать. Реализм — это понимание того, как властвовать, но сам по себе реализм не дает указаний о том, к достижению каких целей следует прилагать власть. Реализм, лишенный понимания целей власти, зачастую оказывается синонимом слова «душегубство», а душегубство в конечном счете нереалистично. Сходным образом идеализм зачастую оказывается синонимом выражения «помраченность собственной праведностью», а с этим заболеванием можно справиться единственным способом: страдальцам надо дать глубокое понимание власти в полном смысле этого слова. Тогда как реализм, оторванный от принципов, часто означает некомпетентность, замаскированную под непреклонность и решительность. Реализм и идеализм — не альтернативы, а необходимые дополнения друг к другу. Ни реализм, ни

идеализм сами по себе не могут служить принципом внешней политики.

Идеализм и реализм разрешают себя в борьбе за власть, и такая борьба превращается в войну. Обратимся снова к Н. Макиавелли: *«Поэтому государь должен даже в мыслях не оставлять военных упражнений и в мирное время предаваться этому еще больше, чем в военное»*¹⁰.

В XX в. США воевали 17% времени, и это были не мелкие военные операции, а крупные войны, в которых участвовали сотни тысяч военнослужащих. В XXI в. США придется воевать почти постоянно. Основатели США сделали президента главнокомандующим не без причины: они внимательно читали Макиавелли и знали его слова: «Войны нельзя избежать; можно лишь оттянуть ее — к выгоде противника»¹¹.

Величайшая добродетель, какой может обладать президент, — понимание власти. Президенты не философы, а осуществление власти — не абстрактное, а прикладное искусство. Попытки быть добродетельным принесут огорчение не только президенту, но и всей стране. Во время войны понимание власти означает, что быстрое сокрушение врага — более доброе дело, чем затягивание военных действий из-за угрызений совести или проигрыш войны из-за сентиментальных соображений. Вот почему традиционная добродетель, добродетель искреннего, доброго человека не подходит президенту. И снова читаем великого итальянца: «Желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он (государь) неминуемо погибнет, сталкиваясь со множеством людей, чуждых добру»¹².

Никколо Макиавелли ввел новое определение добродетели. По его мнению, добродетель заключается не в личной благостности, а в коварстве, изобретательности. Добродетель для государей заключается в способности преодолевать судьбу, что известно также под названием «удача». Мир таков, каков он есть, и как таковой он непредсказуем и непостоянен. Государь должен использовать свои полномочия и свою власть для преодоления

неожиданностей, которые будет являть мир. Его задача — защитить республику от мира, полного людей, которые в обычном смысле слова не являются добродетельными.

Президенты могут баллотироваться на идеологических платформах и обещать проведение определенных мер, но период их президентских полномочий реально определяется столкновением судьбы и добродетели, невероятного и неожиданного, того, к чеку оказались не готовы ни их идеология, ни предложения, с их реакцией на такие события. Дело президента — предвидеть то, что произойдет, минимизировать непредсказуемость и затем отреагировать на неожиданное точным и быстрым интуитивным озарением.

С точки зрения Н. Макиавелли, идеология незначительна, а характер — это все. Добродетель президента, его интуиция, быстрота мышления, изобретательность, безжалостность и понимание последствий — вот что имеет значение. В конечном счете наследие, которое он оставит, будет определяться его инстинктами, которые, в свою очередь, отражают особенности его личности.

Великие президенты никогда не забывают принципы республики и стремятся сохранять и укреплять их в долгосрочной перспективе без ущерба для потребностей момента. Плохие президенты просто делают то, что целесообразно, независимо от принципов. Но самые плохие президенты — те, что твердо придерживаются принципов независимо от требований момента.

США не могут действовать в мире, сторонясь стран, в которых существуют другие ценности или жесткие режимы, и постоянно совершая исключительно благородные деяния. Как мы увидим, преследование нравственных целей требует готовности общаться с дьяволом.

Я начал эту главу постановкой проблемы кризиса, вызванного сочетанием американской республики с империей. Эта проблема возникнет в следующем десятилетии. Каковы бы ни были моральные сомнения и колебания американцев относительно империи, эту роль США предназначила сама история. Если опасность состоит в том,

что при превращении США в империю американцы потеряют республику, к этому непреднамеренно, но верно может привести внешнеполитический реализм, лишь просто вследствие безразличия к моральным проблемам. В то же время идеалисты способны обрушить республику, поставив страну под угрозу, пусть непреднамеренно, но вследствие враждебности или безразличия к власти. Разумеется, падение республики произойдет не в следующем десятилетии. Но принятые в настоящем десятилетии решения определяют долгосрочный результат.

В наступающем десятилетии у президента не будет возможности пренебрегать идеалами или реальностью. Вместо этого ему придется сделать выбор в пользу неудобного синтеза идеалов и реальности; синтеза, который рекомендовал Н. Макиавелли. Президент должен будет сосредоточиться не только на накоплении и использовании власти, но и на ее пределах. Хороший режим, поддерживаемый мощью и лидерами, которые понимают достоинства режима и власти, — вот в чем нуждается Америка. Это не аккуратно составленный идеологический пакет, содержание которого все объясняет и низводит все к упрощенным формулам. Скорее, это экзистенциальное отношение к политике, утверждающее политические моральные истины, но не превращающее исповедующих его людей в своих простодушных пленников. Это отношение предполагает использование власти и мощи, но не их обожествление.

В предотвращении разрушения республики непреднамеренно возникшей империей решающим фактором будет не баланс сил различных ветвей власти, а скорее президент, верный этому конституционному балансу, но стремящийся осуществлять власть самостоятельно. Для того, чтобы сделать это, президент должен понять недостаточность идеализма и реализма. Идеалисты как неоконсервативных, так и либеральных убеждений не понимают необходимости обладания властью как непременным условием действий в соответствии с моральными принципами. А реалисты не понимают тщету власти, лишенной морального стержня.

Как писал Никколо Макиавелли, «...сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени»¹³. Мораль во внешней политике может быть вечной, но она тоже должна соответствовать требованиям времени. Применение этой морали в течение следующего десятилетия будет особенно трудным делом, поскольку это десятилетие бросит вызов непреднамеренно возникшей империи.

Глава 3

Государство:

финансовый кризис

и возвращение к жизни

Рамки следующего десятилетия заданы двумя событиями мирового значения — решением президента Джорджа У. Буша начать войну с терроризмом и финансовой паникой 2008 г. Понимание случившегося и его причин в обоих случаях усиливает осознание того, что значит быть империей, какова цена пребывания в имперском статусе, особенно если рассмотреть, как эти взаимосвязанные события, начавшиеся в виде сугубо внутренних американских проблем, охватили весь мир. Начнем с финансового кризиса.

Каждый деловой цикл завершается кризисом, который, как правило, сначала обрушивается на какой-либо один сектор экономики. Бум эпохи Клинтона завершился в 2000 г., когда обрушились компании электронной торговли; бум эпохи Рейгана в 80-х годах XX в. завершился эффективным обрушением кредитно-сберегательных учреждений. С этой точки зрения, ничего необычного в том, что произошло в 2008 г., не было.

Причина подъемов и обвалов вполне проста. Растущая и развивающаяся экономика генерирует деньги в больших количествах, чем может усвоить. Когда избыток денег вкладывают в такие активы, как дома, акции или облигации, спрос и предложение выполняют свою работу, цены растут, а процентные ставки снижаются. В конце концов цены достигают неразумных уровней, а затем обваливаются. Тогда дефицитными становятся деньги, и неэффективные предприятия вынуждены закрываться. Эффективные предприятия выживают, и цикл вновь повторяется. Это

происходит снова и снова со времен возникновения современного капитализма.

Государство иногда вмешивается в такой цикл, искусственно поддерживая низкие процентные ставки, чтобы избежать краха и рецессии, неизбежно следующих за кризисом. В конце концов, деньги — инструмент, изобретенный государством. Федеральная резервная система может напечатать столько денег, сколько пожелает, и выкупить государственный долг на эти деньги. Именно так и сделала Федеральная резервная система после событий 11 сентября 2001 г. Администрация Буша-младшего не хотела повышать налоги для финансирования войны с террором, и Федеральная резервная система сотрудничала с администрацией, финансируя эту войну, в сущности, посредством кредитования правительства. Результатом стало то, что никто не ощущал экономических последствий войны, по крайней мере немедленно.

Причины действий Буша-младшего обусловлены как геополитическими соображениями, так и партийной внутренней политикой. Буш вступил в войну с джихадистами и не желал повышать налоги, чтобы финансировать свои военные интервенции. Вместо повышения налогов он хотел увеличить совокупную сумму налоговых поступлений за счет стимулирования экономики. Теория этой политики была такова: сочетание военных расходов со снижением налогов и низкими процентными ставками позволит экономике развиваться, что увеличит налоговые поступления, которые пойдут на финансирование войны. Даже если стимулирование предложения не принесет результата, рассуждал Буш, у него будет преимущество: он не подорвет свою политическую опору повышением налогов до выборов 2004 г. Буш также полагал, что сможет справиться с дисбалансами в экономике после выборов, когда война пойдет на спад. Проблема Буша-младшего заключалась в том, что война не пошла на спад, а сам Буш серьезно недооценил ее продолжительность и интенсивность. В результате он и Федеральная резервная система никогда так и не приблизились к «охлаждению» экономики, а война и

экономическая политика по-прежнему определяли проблемы, стоявшие перед президентом Бушем.

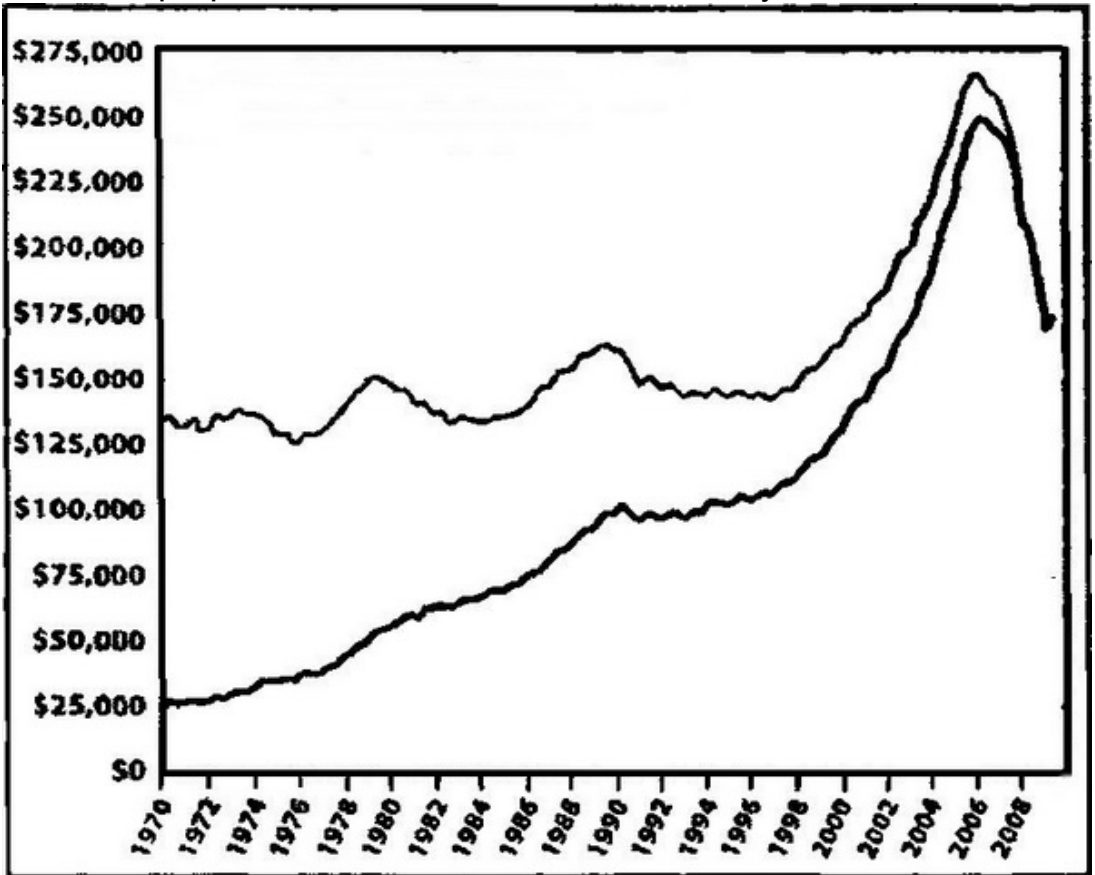
Другим фактором, который привел к кризису 2008 г., были дешевые деньги, вливаемые в один конкретный сегмент экономики — в рынок жилья. Отчасти это было результатом экономического расчета. Цены на жилье имеют свойство со временем повышаться, что придает недвижимости видимость объекта мудрого и осторожного инвестирования.

Государственные программы также поощряют приобретение домов людьми, и в рассматриваемый период это поощрение затронуло более широкий сегмент населения, чем когда-либо прежде. В сочетании с государственной политикой ощущение безопасности привело к тому, что на рынок недвижимости обрушился необычайно мощный поток денег, и на этот рынок наряду со спекулянтами вышли миллионы покупателей с малыми доходами. В обычные времена эти люди не имели бы ипотечных кредитов, которые они получили в начале XXI в.

Цены на недвижимость в США

Верхний график – цены на жилье, скорректированные на величину инфляции.

Нижний график – номинальные цены на жилую недвижимость.

На протяжении жизни прошлого поколения цены на жилье росли, но, как показывает приведенный ниже трафик, эта история выглядит несколько обманчиво. Если скорректировать цены на жилье соответственно темпам инфляции, окажется, что с 1970 г. цены то росли, то снижались, оставаясь в узком диапазоне, но динамика ипотечных кредитов не соответствовала темпам инфляции. Итак, если человек в 1970 г. взял в кредит 20 тыс. долл. для покупки дома стоимостью 25 тыс. долл., к 2000 г. этот дом обойдется покупателю примерно в 125 тыс. долл., но к этому времени покупатель должен уже погасить ипотечный кредит. Однако в реальном исчислении эти 125 тыс. долл. в 2000 г. немногим больше 25 тыс. долл. в 1970 г. Покупатели жилой недвижимости считают себя богаче, потому что цифры — больше, а они расплатились по долгам, однако правда состоит в том, что в реальном исчислении домовладельцы вряд ли так уж сильно разбогатели. С другой стороны, статистика показывает, что покупатели жилья не понесли и убытков, что придавало кредиторам уверенность. Если ситуация из скверной стала бы превращаться в очень плохую, они всегда могли вернуть свои деньги, выселив неплательщиков из их домов и продав эти дома.

Поскольку более дешевые деньги позволяли большему числу людей покупать дома, спрос на жилье рос, и это привело к тому, что в 2001 г. цены резко повысились и после 2004 г. цены на жилье стали расти еще более быстрыми темпами. Кредиторы продолжали искать заемщиков, которые взяли бы их дешевые кредиты, а это означало, что кредитование людей (с вероятностью погашения ими кредитов далеко не высшей категории надежности) постоянно снижалась. Высшей точки эта вакханалия достигла с изобретением 5-летних закладных с плавающим процентом. Такие кредиты позволили приобретать дома людям за ежемесячные платежи, которые зачастую были ниже арендной платы за квартиру. Через 5 лет эти процентные ставки взорвались, но если покупатели не могли совершать выплаты и теряли свои дома, у них, по крайней мере, было несколько хороших лет, и они просто возвращались в свое

исходное состояние. Если бы цены на жилье оставались устойчивыми, люди, купившие дома по ипотечным кредитам, смогли бы рефинансировать кредиты, так что, в общем, они, по-видимому, не слишком-то и рисковали.

Судя по всему, ни слишком рисковали и кредиторы, особенно если принять во внимание, что именно они делали деньги на закрытии расходов и других транзакционных платежах, продавая затем закладные (а вместе с ними и риски) вторичным инвесторам, как стали говорить, «пакетами». Создавая пакеты таких кредитов для вторичного рынка, кредиторы подчеркивали, что данные бумаги обеспечат их покупателям пожизненное получение доходов. Это создало видимость, что кредиты «не высшей категории надежности» являются совершенно консервативными инвестициями.

Все «делали» деньги, и никому это не причиняло вреда — да это была просто какая-то сказка! И большинству людей не приходило в голову, что однажды этот пузырь может лопнуть. Или же это большинство не желало верить в подобный вариант развития событий.

Однако в данную идиллию стала вторгаться реальность. Новые домовладельцы, которые в обычные времена никогда бы не получили кредитов, начали прекращать выплаты, и по мере того как их дома стали выходить на рынок в результате вынужденной продажи или вступления кредитора во владение имуществом должников, цены, которые, по всем расчетам, должны были расти, стали снижаться. В период подъема мелкие инвесторы накопили по нескольку домов и, проведя незначительный ремонт, перепродали их ради быстрого получения прибыли. Но когда бум сменился спадом и спекулянты не смогли «впаривать» недвижимость, они бросились продавать дома по любой возможной цене, чтобы как можно скорее от них избавиться, что привело к еще большему снижению цен. К 2007 г. небольшой спад, начавшийся в 2005 г., превратился в панику. Честно говоря, все произошедшее сводилось к тому, что цены на недвижимость вернулись к максимальным значениям своих прежних пределов; «пенки» исчезали, но базисная

стоимость сохранилась. Тем не менее многие люди, вложившие деньги в эти дома, понесли убытки.

После обвала рынка жилья закладные, которые пакетами продавали инвесторам, утратили определенную стоимость. Поскольку инвесторы верили, что цены никогда не снизятся, они никогда толком и не заглядывали в купленные пакеты. Наиболее агрессивные инвесторы, вложившиеся в пакеты закладных, — инвестиционные банки вроде Bear Stearns и Lehman Brothers — неоднократно перезакладывали свои пакеты или приобретали их в основном на заемные средства. К моменту расплаты по кредитам стоимость активов, под которые эти кредиты были взяты, стала настолько неопределенной, что никто не желал их покупать или даже рефинансировать кредиты. Неспособные расплатиться по своим сделкам крупные игроки обанкротились. А поскольку многие люди, купившие эти предположительно консервативные инвестиционные инструменты, включая коммерческие векселя, вылущенные банками, были иностранцами или резидентами других стран, произошел обвал всей глобальной системы.

История этого обвала часто сосредоточена на событиях, происходивших в США, но ущерб имел поистине глобальные масштабы. Жители стран Восточной Европы (Польши, Венгрии, Румынии и т.д.), которые в обычные времена никогда бы не смогли позволить себе приобретение собственного дома, приобретали дома. В частности, австрийские и итальянские банки, поддержанные европейскими и арабскими деньгами, охотно предоставляли ипотечные кредиты. При этом, поскольку процентные ставки по кредитам в Восточной Европе были высокими, упомянутые банки стали предлагать новым, жаждущим и неопытным покупателям недвижимости кредиты под гораздо меньшие проценты, только эти кредиты были номинированы в евро, швейцарских франках или даже в йенах.

Проблема заключалась в том, что заработную плату польским или венгерским рабочим платили не в этих валютах, а в злотых или форинтах. Купивший дом в кредит венгр расплачивался по ипотеке, сначала покупая йены и т.д. и уж

затем расплачиваясь с банком. Чем меньше йен можно было купить за форинт, тем больше форинтов приходилось тратить домовладельцу и тем дороже становились его ежемесячные платежи. Если курс форинта или злотого по отношению к йене рос, проблем не возникало, но если курс форинта или злотого по отношению к йене или швейцарскому франку снижался, возникали огромные проблемы. Каждый месяц все больше и больше венгров и поляков покупали евро и другие валюты. По мере углубления финансового кризиса начался уход в безопасные валюты: злотые продавали, а другие валюты покупали. Новых домовладельцев, из которых были выжаты деньги, разорили.

Крупные расширения всегда заканчиваются финансовым абсурдом, и этот абсурд был глобальным. Если американцы дошли до предела в своих операциях с кредитами не высшей категории надежности, то европейцы зашли еще дальше, соблазнив домовладельцев на азартную игру на мировых валютных рынках.

Постоянно приходится слышать жалобный припев о том, что мы еще никогда не видели такой экономической катастрофы со времен Великой депрессии. Это утверждение трижды неверно, ибо после Второй мировой войны именно столько раз случались подобные обвалы, а поэтому, если последний финансовый кризис можно сравнивать только с Великой депрессией, мне было бы трудно говорить об американской мощи. Но если кризис такого рода можно считать сравнительно обычным для периода после Второй мировой войны, его значение снижается, и тогда трудно утверждать, что паника 2008 г. стала для США тяжелым ударом.

Подобные события происходят довольно часто. Например, в 70-х годах XX в. существовала серьезная угроза краха рынка муниципальных облигаций.

Облигации, эмитированные штатами и органами местного самоуправления, были особенно привлекательны, так как не облагались федеральным налогом. Такие облигации считались практически безрисковыми. Люди полагали, что правительственные органы никогда не объявят

дефолт по своим долговым обязательствам, поскольку обладают правом вводить налоги. Однако в 70-х годах город Нью-Йорк не смог выполнить платежи по долгам и не смог (или не захотел) увеличивать налоги. Если бы Нью-Йорк не исполнил обязательств по долгам, в хаос была бы ввергнута вся финансовая система штатов и органов местного самоуправления, так что федеральное правительство выкупило долги Нью-Йорка, ясно показав, что Вашингтон готов гарантировать размещенные на рынке муниципальные ценные бумаги.

В тот же период произошел резкий рост инвестиций в страны третьего мира. Эти инвестиции шли главным образом на финансирование добычи природных ресурсов вроде нефти и меди. В 70-х годах цены на ископаемое сырье росли параллельно со всеми прочими ценами, и инвесторы полагали, что, поскольку запасы ископаемого сырья конечны и замены такому сырью нет, — цены на него никогда не снизятся. Кроме того, исходя из представления, что суверенные государства никогда не объявляют дефолт по своим долгам, инвесторы полагали, что кредиты правительствам стран третьего мира, которые обычно контролировали эти ресурсы, надежны.

В середине 80-х вера в стабильные цены, стабильные правительства и стабильную экономику, как и большинство утешительных предположений, оказалась ложной. Цены на ископаемое минеральное сырье и энергоносители упали, а добывающие отрасли, созданные в расчете на высокие цены, разорились. Инвестированные деньги (а большая их часть была закачана в кредиты) были потеряны. Страны третьего мира, поставленные перед выбором между объявлением дефолта и повышением налогов (которое загнало бы их граждан в еще большую нищету и спровоцировало бы восстания), выбрали дефолт, что грозило мировой финансовой системе полным разрушением. Это побудило США возглавить многосторонний консорциум, который выкупал долги стран третьего мира. При Джордже У. Буше министр финансов США Николас Брейди создал систему гарантии, получившую название «Облигации Брейди»¹⁴.

Данные облигации должны были стабилизировать мировую финансовую систему.

А затем пришел кризис сбережений и кредитов. Ссудо-сберегательным учреждениям, созданным для аккумуляции вкладов потребителей и выдачи ипотечных кредитов (как тут не вспомнить о Джимми Стюарте из кинофильма «Эта замечательная жизнь» / «It's a Wonderful Life», 1946 г.), было дано право инвестировать деньги в другие активы. В результате эти учреждения вышли на рынок коммерческой недвижимости, что казалось небольшим выходом за пределы традиционного для этих учреждений рынка жилой недвижимости. Такая экспансия принесла все ту же основанную на общем предположении гарантию того, что цены на недвижимость никогда не снизятся. В растущей экономике (или лишь считающейся растущей) цены на коммерческую недвижимость, начиная с офисных зданий и заканчивая торговыми центрами, могут только расти.

И снова случилось невероятное, если не невообразимое. Цены на коммерческую недвижимость обвалились, и многие заемщики, получившие кредиты у кредитно-сберегательных учреждений, объявили дефолт. Проблема огромного масштаба проявилась в двух формах. Во-первых, возникла серьезная угроза для отдельных вкладчиков. Во-вторых, провал целого сегмента финансовой отрасли (этот сегмент занимался перепродажей закладных на коммерческую недвижимость на более широком рынке) стал шагом к катастрофе.

Федеральное правительство вмешалось в дело, установив управление терпящими крах кредитно-сберегательными учреждениями (в сущности, большинством таких учреждений) и их закладными. Заемщиков лишили права на выкуп недвижимости, заложенной под кредиты, по которым заемщики объявили дефолт, а заложенное под такие кредиты имущество было передано вновь созданному учреждению, получившему название Resolution Trust Corporation. Вместо того, чтобы пытаться продать всю эту недвижимость разом и тем самым разрушить рынок на следующее десятилетие, это учреждение, поддержанное

гарантиями федерального правительства, сумма которых могла бы достичь 650 млрд долл., взяло на себя управление недвижимостью обанкротившихся ссудо-сберегательных организаций.

В основе кризиса 2008 г. лежало все то же стремление к низкому риску и предположение, что некий класс активов действительно сопряжен с низким риском, так как цены на такие активы не могут падать. Федеральное правительство отреагировало на этот кризис своим обычным образом: оно выкупило систему, и точно так же, как и прежде, все решили, что капитализму пришел конец. Важно отметить последовательность интерпретации событий, в том числе преувеличение последствий. В какой-то мере это — психологическое явление. Боль вызывает панику, а управление паникой — вопрос лидерства. Посмотрим, как справлялись с подобными явлениями в прошлом.

И Франклин Рузвельт, и Рональд Рейган пришли к власти в разгар финансового кризиса. Рузвельт, конечно, столкнулся с Великой депрессией. Рейгану же пришлось иметь дело со стагфляцией, охватившей экономику в 70-х годах XX в.: ситуация характеризовалась сочетанием высокой безработицы, высокой инфляции и высоких процентных ставок. Экономические проблемы, решать которые пришлось каждому из президентов, были частью нарушений глобальной экономики, в совокупности вызвавших глубочайший кризис доверия в США. Кризис 30-х годов XX в. вызвал знаменитые слова Рузвельта: «Нам нечего бояться, кроме самого страха».

И Рузвельт, и Рейган понимали психологическую составляющую кризисов. Ожидание экономических трудностей заставляло людей ограничивать потребление, чтобы защитить себя от неожиданностей. Чем сильнее ограничивалось потребление, тем острее становились экономические проблемы. Углубление экономического кризиса стало вызывать сомнения в порядочности элит и их способности вести страну. Такие вопросы могли вызвать политическую нестабильность и разрушить общество, а это, в свою очередь, могло сделать страну неспособной к решительным действиям на мировой арене. Рузвельт

столкнулся с подъемом фашизма. Рейган пришел к власти в условиях общего убеждения в растущей мощи СССР. Ни Рузвельт, ни Рейган не могли допустить дестабилизирующих последствий жестоких экономических кризисов, но ни тот, ни другой не знали, как решать проблему экономической политики. Оба развернули борьбу с психологическим аспектом проблемы, пытаясь прежде всего создать у людей ощущение, что меры принимаются.

Рассуждая задним числом, можно сказать, что 100 дней лихорадочной законодательной деятельности Рузвельта не оказали прочного и продолжительного воздействия на Великую депрессию, конец которой положила не политика администрации Рузвельта, а Вторая мировая война. Рейган также обещал действия, хотя в конце концов решение основывалось не на действиях президента, а на действиях Федеральной резервной системы. Тем не менее, описывая времена как «утро Америки» (эта фраза привела критиков президента в отчаянье), Рейган, как и Рузвельт до него, пытался изменить ожидания людей, чтобы стабилизировать политическую ситуацию и дать экономике время восстановиться без ослабления государства.

И Рузвельт, и Рейган понимали, что действительная опасность экономического кризиса заключается в его политическом воздействии, в том, что усиление нужды может обрушить всю систему. Каждый из них понимал, что как лидер он не должен решать данную проблему (у президента очень мало власти над экономикой), но обязан убедить общественность не только в том, что имеет соответствующие планы, но и в том, что вполне уверен в их успехе и что только циник или человек, безразличный к общественному благу, осмелится сомневаться в этих планах или задавать вопросы об их подробностях. Тащить такой воз тяжело. Для этого нужен выдающийся политик, то есть великий иллюзионист. Рузвельт определенно спас страну от серьезной нестабильности и, несмотря на отсутствие оздоровления в экономике, подготовил США ко Второй мировой войне. Рейган спас страну от ощущения тревоги» набравшей силу при

администрации Картера, и подготовил сцену к перелому в противостоянии США с СССР.

Для преодоления кризисов и Рузвельт, и Рейган сделали еще одну вещь, которая была в их власти. Каждый из них сместил границу между государственным и частным, между государством и рынком. Рузвельт резко расширил власть федерального правительства. Рейган, напротив, сократил эту власть. Проблема, которую решали оба президента, была не в экономическом, а в глубочайшем, фундаментальном политическом кризисе. Во время краха 1929 г. финансовая элита утратила доверие общества. Американская элита казалась рядовым американцам не столько продажной и растленной, сколько некомпетентной. При Гувере верхам разрешили безмерно обогащаться, но затем ситуация ухудшилась. Рузвельт вмешался, передав значительную часть власти, прежде находившейся в руках финансовой элиты, элите политической. Если бы Рузвельт не сделал этого, в обществе могло бы возобладать представление о несостоятельности отечественной элиты, а это создало бы ситуацию, аналогичную той, что привела к фашизму в таких странах, как Италия и Германия.

При Рейгане произошло нечто противоположное тому, что сделал Рузвельт. В 80-х годах существовало мнение, что экономический кризис организован политической элитой США, и общественность возлагала вину за это на оставленную Рузвельтом структуру «большого правительства». Рейган изменил баланс между государством и рынком в пользу рынка, ослабив государство и усилив рынок.

Восстановление доверия отчасти касается осознания, что часть элиты (политической, корпоративной, финансовой, медийной) несет ответственность за кризис. И Рейган, и Рузвельт, в сущности, сделали следующее: объявив те или иные сегменты элиты несостоятельными, и тот, и другой президент так или иначе передали принадлежавшую им власть другим сегментам элиты, создав у американцев впечатление, что президент действует решительно и отбирает власть у тех, кто не умеет ее правильно осуществлять. Это ослабило ощущение общей беспомощности и действительно

расчистило путь, по меньшей мере, каким-то реформам, которые определенно не причиняли вреда, возможно, были полезны и уж точно оказались символически необходимыми. В конце концов кризисы пошли на спад и завершились, отчасти вследствие огромной упорядочивающей мощи США, отчасти благодаря способности к восстановлению современного государства и современных корпораций, которые не могут существовать друг без друга, хотя и не без трений.

Ни Буш, ни Обама не смогли управлять духом американцев, как это умели делать и Рузвельт, и Рейган. Буш утратил управление войной и оказался оглушен и ослеплен финансовым кризисом, а после вторжения в Ирак и вовсе сошел с правильной траектории, да так никогда на нее и не вернулся. Так руководить нельзя. Обама породил ожидания, исполнить которые не мог, а затем не смог создать иллюзию, будто бы выполняет все обещания. Сможет ли Обама восстановиться и вести страну — вот вопрос, ответ на который неизвестен, но этот ответ окажет глубокое воздействие на следующее десятилетие. Может ли Обама понять, что, когда Рузвельт говорил о «страхе перед страхом», он имел в виду, что дело президента — выглядеть эффективным независимо от того, эффективен ли он на самом деле или же нет? Если Обама не научится этому, США все равно выживут. Президенты приходят и уходят, но ныне страна переживает период хрупкости: легитимность института президентства и самой страны испытывает напряженность, одновременно сталкиваясь с требованиями республики и империи.

Когда говорят о смещении границ между корпоративными и политическими элитами или между государством и рынком, неизбежно возникают идеологические вопросы. По мнению левых, усиление корпоративной элиты и рынка угрожает демократии и равенству. По мнению правых, усиление политической элиты и государства создает угрозу свободе личности и правам собственности. За спорами интересно наблюдать, но следует заметить, что обсуждаемая проблема является не моральной или философской, а чисто

практической, и это важнейшее различие, вызывающее такие горячие идеологические дискуссии, в данных обсуждениях просто игнорируется. Оно вынесено за скобки споров.

Государство создало современный свободный рынок, правила которого не предустановлены природой, а являются всего лишь результатом политических соглашений. Мы отмечаем это по той причине, что практическим основанием современной экономики является корпорация, а корпорация — это изобретение, которое возможно только благодаря современному государству, и надо отметить, изобретение выдающееся. Корпорация создает сущность, которая, как гласит закон, отвечает по долгам предприятия. Лица, владеющие предприятием (будь предприятие небольшой частной или огромной акционерной компанией), не несут личной материальной ответственности по долгам предприятия. Их подверженность рискам не может превышать их первоначальных инвестиций в предприятие. Таким образом, закон и государство перекладывают риск с должников на кредиторов. Если предприятие терпит крах, бремя издержек приходится нести кредиторам. До появления в XVII в. «компаний, созданных на основании королевского указа или специального акта парламента» ничего подобного не существовало. До того времени собственник должен был нести полную материальную ответственность за любые действия предприятия. Без указанной инновации не было бы ни фондового рынка в том виде, в каком он нам известен, ни инвестиций в новые компании, ни особого предпринимательства.

Но такое распределение рисков — результат политического решения. В сущности, в самой мысли о том, что границы личного риска могут быть проведены там, где они и находятся, нет ничего естественного, так как эта категория не статична и со временем эти границы смещаются. Корпорации существуют только потому, что их создал закон.

Со времен прихода Рузвельта к власти и нового курса вопрос о корпоративном риске связывают с вопросом социальной стабильности. Структура риска построена вокруг социальных потребностей. При Рузвельте границы

государственного контроля расширились, при Рейгане — сузились.

Кризис 2008 г. привел во всем мире к определению новых границ между корпорациями и государством, к усилению власти государства и политиков и к уменьшению автономии рынка и власти финансовых элит. Этот процесс оказал минимальное воздействие на Китай и Россию, где система уже имела крен в сторону государства. В Европе, где государство всегда играло большую роль, чем в США, этот процесс оказал лишь некоторое влияние, тогда как в США, где со времен Рейгана господствовали рынок и финансовая элита, этот процесс имел существенные последствия. Он также допустил возобновление политической свары левых и правых на тему, оправдано ли смещение границ между рынком и государством. Особенностью США всегда являлось постоянное смещение данных границ, а в спорах об этом всегда апеллировали к морали. Несмотря на вариации, усиление государства станет одной из определяющих характеристик следующего десятилетия.

Наряду с определением границ между государственным контролем и корпоративным руководством президенты и другие политики управляют видимостью вещей, в основном посредством манипулирования страхами и надеждами. И Рузвельта, и Рейгана великими президентами сделало не только то, что они изменили границы между государством и рынком в соответствии с потребностями своего времени, но каждый из них создал соответствующую атмосферу, в которой поступки президента выглядели не просто как технические действия, а как нравственная необходимость. Верил ли каждый из этих двоих сам в это или нет, не так важно по сравнению с тем, что оба они заставили поверить других, и убеждение позволило провести в стране техническую перегруппировку.

Самыми важными для следующего десятилетия последствиями кризиса 2008 г. будут не экономические, а геополитические и политические последствия. Финансовый кризис 2008 г. подтвердил важность национального суверенитета. Страны, не контролировавшие собственную

финансовую систему или свою национальную валюту, крайне уязвимы для действий других стран. Осознание этого факта заставило организации вроде ЕС перестать представляться такими великодушными, какими они казались прежде. В следующем десятилетии на смену тенденции к ограничению экономического суверенитета придет тенденция к усилению экономического национализма.

Сходный эффект будет иметь место и в политике. Титаническая борьба, которую можно наблюдать в Китае, России, Европе, США и по всему остальному миру, расколола экономические и политические элиты, развела их. Поскольку рынок и финансовая элита обнаружили несостоятельность, что для последней обошлось потерей доверия, в первом раунде схватки победили государство и политические элиты. В некоторых странах этот сдвиг происходит уже давно. В США перемирие, существовавшее со времен Рейгана, разрушено, и яростная битва продолжается. Ярость — подходящее слово, поскольку тон дебатов именно таков. Но американская политика всегда была «оперной», какой-то наигранной, с постоянными намеками на грядущую катастрофу. И все же политическая неопределенность, которую США допускают в таких фундаментальных вопросах, вызывает в мире немало беспокойство.

Довольно странно, но негативные последствия кризиса 2008 г. будут наименее продолжительными в экономике. Сравнить этот спад с Великой депрессией абсурдно. Во время Великой депрессии ВВП США сократился почти на 50%! Кризис 2008 г. не был даже худшей рецессией со времен Второй мировой войны. Честь быть худшей за послевоенный период принадлежит рецессии 70-х — начала 80-х годов XX в., когда США подверглись тройному удару: безработице, инфляции, превышавшей 10%, и процентным ставкам по ипотечным кредитам, превышавшим 20%.

Хотя нынешний экономический кризис не идет ни в какое сравнение с той рецессией, он все-таки причиняет страдания, а у американцев низок уровень терпимости к экономическим страданиям. На горизонте, за пределами этого десятилетия появляются еще более серьезные проблемы:

демографический сдвиг, нехватка рабочей силы и иммиграция станут плавными вопросами, с которыми столкнутся США, Тем не менее, выходы все еще есть, и это не повлияет на наступающее десятилетие. Оно не будет бурным, но вызовет напряженность и в жизни людей, и в политической системе, хотя основ миропорядка не изменит. США останутся господствующей державой. Забавно, но одним из показателей господства США является то, насколько сильно просчеты американской финансовой элиты отзываються в мире и какой вред ошибки США могут причинить всем остальным странам.

Глава 4

В поисках баланса сил

Удар, нанесенный «Аль-Каидой» 11 сентября 2001 г., заставил США выполнить ответные действия, которые в результате эскалации вылились в войну на двух фронтах, в мелкие бои во множестве других стран и в угрозу войны с Ираном. Эти события определили прошлое десятилетие, и управление им станет центральным вопросом, по меньшей мере, первой половины десятилетия наступающего.

Очевидно, что США хотят уничтожить «Аль-Каиду» и другие джихадистские группы, чтобы защитить собственную территорию от новых ударов. В то же время другой серьезный интерес Америки в этой ситуации заключается в защите Аравийского полуострова и его запасов нефти, которую США не желали бы увидеть под абсолютным контролем какой-либо одной региональной державы, чтобы та смогла, так сказать, «сдирать» с США по 200 долл. за баррель сырой нефти. Пока у американцев есть влияние в указанном регионе, США предпочитают видеть арабскую нефть под контролем Саудовской королевской семьи и других местных монархий, сравнительно зависимых от США. Это и будет оставаться стратегическим императивом.

Естественным ограничивающим варианты действий США следствием подобной установки является то, что только две страны в регионе достаточно велики и сильны для господства на Аравийском полуострове: Иран и Ирак. Вместо того, чтобы оккупировать Аравийский полуостров в целях защиты поставок нефти, США проводят классическую стратегию империи: разжигают соперничество менаду Ираном и Ираком, делая их взаимными противовесами и тем самым успешно нейтрализуя мощь обоих государств. Эта политика предшествовала падению шаха в Иране в 1979 г., когда США поощряли конфликт между Ираном и Ираком, а затем

способствовали достижению данными государствами урегулирования, в котором была заложена напряженность.

После свержения шаха в целом светское иракское правительство Саддама Хусейна, состоявшее из суннитов, начало войну с исламским, но преимущественно шиитским Ираном. На протяжении 80-х годов США оказывали поддержку то Ираку, то Ирану, пытаясь затянуть войну между этими двумя государствами, принимая, однако, меры к тому, чтобы ни одна из сторон не потерпела поражения. Примерно через два года после окончания ирано-иракской войны, в которой Ирак одержал победу с незначительным преимуществом, Саддам Хусейн попытался предъявить претензии на Аравийский полуостров, беззастенчиво совершив вторжение в Кувейт. Тогда США использовали свою подавляющую военную мощь, но только для того, чтобы изгнать иракские войска из Кувейта, воздержавшись от вторжения в Ирак. США в очередной раз продемонстрировали, что региональный баланс сил сам себя поддерживает, тем самым защитив потоки добываемой на Аравийском полуострове нефти (что и составляет главный интерес Америки в этом регионе), не прибегая к оккупации полуострова.

Этот статус-кво сохранялся до того момента, когда Усама бен Ладен 11 сентября 2001 г. изменил геополитическую реальность на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Нанеся удары по Нью-Йорку и Вашингтону, бен Ладен нанес ущерб и причинил страдания множеству людей, но самым глубоким последствием этого деяния оказался соблазн президента США к отказу от успешной и давней американской стратегии. В сущности, бен Ладен заставил президента США пойматься на эту наживку.

Долгосрочная цель бен Ладена — воссоздание халифата, и он понимал, что даже для того, чтобы начать путь к восстановлению основанного на религии геополитического единства, национальным государствам исламского мира надо совершить революции и сбросить нынешние правительства, заменив их исламистскими режимами, которые будут разделять его планы и убеждения. В 2001 г. единственным государством, полностью разделявшим его планы, был

Афганистан. Однако изолированный и отсталый Афганистан мог служить лишь временной базой (например, стать трамплином для прыжка в более важные государства вроде Пакистана, Саудовской Аравии и Египта) и был слишком бедным и примитивным, чтобы послужить чему-то большему.

Бен Ладен исходил из предположения, что в исламском мире многие в каком-то смысле разделяют его убеждения, но, принимая во внимание реалии власти, считал такую робкую поддержку либо незначительной, либо безнадёжной. Для того чтобы начать продвижение своего проекта, ему надо было вызвать восстание хотя бы в одной, а лучше — в нескольких исламских странах. Пока массы мусульман относились к своим правительствам как к мощным и неустрашимым данностям, сделать это было невозможно.

Как понимал бен Ладен, проблема являлась главным образом проблемой восприятия, ибо правительства в странах региона на самом деле были слабее, чем казались. Явная военная и экономическая мощь Пакистана, Саудовской Аравии и Египта зависела от отношений этих стран с христианским миром (бен Ладен думал о Западе как о христианском мире) и в особенности с ведущей христианской державой — США. Но бен Ладен предполагал, что даже при своей заимствованной мощи правительства этих стран все равно уязвимы. Его задачей была демонстрация этой слабости массам мусульман с последующим разжиганием серии восстаний, которые преобразят политику исламского мира. С выполнением этой задачи бен Ладен не справился, но его последователи продолжают сформулированную им стратегию, и их попытки «переформатировать» политику исламского мира, продолжающиеся с XIX в., останутся важной геополитической реальностью наступающего десятилетия.

Непосредственной краткосрочной целью ударов 11 сентября было ускорение данного процесса посредством атак на заметные американские объекты, находящиеся в самом сердце структуры имперской власти. Бен Ладен предполагал, что, продемонстрировав уязвимость даже самих США, он сможет ослабить представление мусульман о незыблемости правительств их собственных стран.

Удары 11 сентября лишь косвенно затрагивали Америку, и истинная природа американского ответа на дерзкий ход бен Ладена не имела особого значения, поскольку любые ответные действия США могли пойти ему на пользу. Если бы американцы ничего не предприняли, это свидетельствовало бы об их слабости; если же американцы отреагируют агрессивно их реакция подтвердит, что они действительно враги ислама.

Но хотя атаки были нацелены главным образом на психологию мусульман, их психологическое воздействие на американцев имело огромное значение. Неожиданность атак и то, что они были проведены с помощью средств, доступных в обыденной жизни (коммерческих авиалайнеров), а также многочисленность жертв — все вместе взятое вызвало панические настроения, Сколько еще террористических групп было заброшено в США? Обладает ли «Аль-Каида» оружием массового уничтожения? Из шока, вызванного событиями 11 сентября, американцы вышли с чувством личного страха, еще более сильным, чем после японского удара по Перл-Харбору. Возможность, что их самих или их близких могут завтра убить, оказалась вполне реальной. Правительству надо было заняться этим всепроникающим страхом, создавая видимость решительных действий.

Распространившаяся среди американцев психологическая тревога усугубила стоявшую перед правительством США стратегическую проблему. Сама по себе «Аль-Каида» (если только у нее не было оружия массового уничтожения) не представляла действительной стратегической угрозы. Однако если бы вызванный действиями «Аль-Каиды» обвал возымел в исламском мире эффект, добиться которого желал бен Ладен, и связанные с США режимы начали рушиться, это в конце концов оказало бы огромное воздействие на американскую стратегию. Например, падение правительства Египта изменило бы положение Израиля, и американская политика в регионе утратила бы опору. Если бы возникла угроза правительству Саудовской Аравии, это могло бы привести к нарушению или даже прекращению поставок саудовской нефти в США.

Стратегическая угроза заключалась не в возможности уничтожения центров сосредоточения американского населения, инфраструктуры экономики или военной мощи, а просто в возможности политического успеха «Аль-Каиды» на Среднем Востоке — и это совершенно независимо от отдаленной мечты бен Ладена о воссоздании халифата. США, как и «Аль-Каида», четко обозначили стратегическое поле битвы. Сражение шло за сердца и умы мусульман. Но президенту США прежде всего надо было успокоить сердца и умы американцев и заверить их, что меры по защите территории США принимаются. ФБР энергично бросилось следить за всеми, в отношении кого были хотя бы малейшие подозрения в связях с «Аль-Каидой», в аэропортах модернизировали системы безопасности, но ни то, ни другое не произвело тогда особого впечатления. Во многих отношениях США продолжают действовать в соответствии с доктриной затраты огромных ресурсов на меры безопасности ограниченной эффективности ради того, чтобы успокоить обоснованные страхи американцев. Приведение ресурсов в соответствие с оперативной реальностью и представлениями общественности станет критически важной задачей следующего десятилетия.

Посягательство на чувство благополучия американцев требовало также захвата или уничтожения руководителей «Аль-Каиды». С точки зрения стратегии этот приоритет был сомнительным, но президенты должны удовлетворять не только желание американцев получить заверения, но и их желание мести. Дело усугублял тот факт, что «Аль-Каида» — малочисленная сетевая организация, ячейки которой охватывают весь мир и действуют без приказов, исходящих из центральной штаб-квартиры или центров командования. «Аль-Каида» поощряет своих сторонников наносить удары по собственной инициативе и совершенствовать тактику. Поэтому, хотя и можно совершать акты возмездия террористам, но уничтожить «Аль-Каиду» практически нельзя, ибо это не организация в привычном смысле слова: поскольку у «Аль-Каиды» нет ни инфраструктуры, ни вертикалей

управления, то нет и реальной головы, которую следует отсечь.

Что имело стратегический смысл, так это применение минимальных сил для разрушения планирования, подготовки и командования «Аль-Каиды». Действуя из Афганистана, страны, не имеющей выхода к морю и портов, члены «Аль-Каиды» могли считать, что находятся в безопасности. Бен Ладен и его подручные наблюдали, как в 1991 г. проходила операция «Буря в пустыне», и по опыту обучения, которое проводили американские инструкторы в Афганистане во время войны с советскими войсками, имели определенные представления о том, как действуют вооруженные силы США. «Буря в пустыне» особенно наглядно показала «Аль-Каиде», что даже если в какой-то стране есть порты, пригодные для высадки войск, американцы помешаны на планировании, а последнее требует времени. С приближением зимы руководители «Аль-Каиды» могли вполне разумно рассчитывать на то, что, даже если США решили прийти в Афганистан в погоне за главарями террористов, никакие военные действия до весны невозможны. Для успеха вторжения исключительное значение будет иметь пакистанский порт Карачи, а переговоры об его использовании могли привести к откладыванию вторжения на еще более продолжительный срок.

Однако администрация Буша-младшего не могла ждать весны. Президент действительно очень хотел разрушить или хотя бы обезвредить «Аль-Каиду», но политические соображения вынуждали его предпринять незамедлительные, впечатляющие и видимые всем ответные действия. Террористические атаки потрясли уверенность в надежности американской обороны, и президенту необходимо было восстановить эту уверенность, одновременно создавая политическую базу на случай затяжной войны. В этот момент Буш не мог допустить кризиса доверия к американскому процветанию, поэтому начинавшаяся в этой атмосфере война с террором должна была сказаться и на экономических решениях. Если на то, чтобы начать противодействие, Америке понадобилось бы не менее полугода, то и без того

неясная политическая ситуация ухудшилась и президент лишился бы поддержки в усилии прежде, чем оно началось. Решение Буша действовать было одним из тех фатальных личных решений, которые могут в течение десятилетия сказываться на жизни миллионов людей. Последствия этого решения будут «окрашивать» большую часть наступающего десятилетия.

У данной спешки быта и вполне законная стратегическая причина: США хотели гарантировать, что режимы на Среднем Востоке наверняка не падут и даже не начнут пересматривать свои интересы, как на то рассчитывал бен Ладен. Хотя США, возможно, и рассматривали как мощную державу, их также рассматривали и как державу, не готовую идти на серьезные риски на Среднем Востоке. В свое время решения Рейгана (вывести американских военнослужащих из Бейрута), принятое после взрыва казарм морской пехоты США. Буша-старшего (не идти на Багдад после освобождения Кувейта) и Клинтона (вывести американских военных из Сомали), за которым последовали довольно слабые ответные меры на более ранние атаки «Аль-Каиды», создавали впечатление, что ОНА не желают рисковать и нести потери. Тем временем правительства исламских стран столкнулись с реальной возможностью свержения в результате политического недовольства, разжигаемого способной и безжалостной тайной силой в лице «Аль-Каиды». Особенно велика эта угроза была для правительств, сотрудничавших с США.

Эти правительства не собирались становиться джихадистскими, но они не были готовы и к тому, чтобы подвергаться угрозам из-за тесных отношений с США. Они ожидали, что Америка продолжит свою политику ограничения рисков, так что для них сотрудничество с США представляло, по всей вероятности, серьезные риски, но малые преимущества без особых выгод. Например, американцы требовали, чтобы с ними делились разведывательными данными об «Аль-Каиде», но правительства исламских стран, не ожидавшие от США серьезной поддержки в долгосрочной перспективе, неохотно шли на такое сотрудничество. Чем

более США медлили, тем ниже становилась готовность исламских стран оказывать Америке помощь.

Чрезмерно сосредоточившись на последствиях, которые атаки 11 сентября должны были вызвать в исламском мире, и не уделив достаточного внимания политическим и стратегическим потребностям, которые эти атаки создали для Буша, руководители «Аль-Каиды» просчитались. Было очевидно, что США предпримут энергичные ответные меры, и, по указанным выше причинам, предпримут их скорее раньше, чем позже. Целью ответных мер должна была стать «Аль-Каида», а это означало, что операции развернутся в Афганистане.

В середине сентября 2001 г. США направили в Афганистан сотрудников ЦРУ, которые должны были достичь договоренностей с местными полевыми командирами. Одновременно США направили в Афганистан подразделения специальных сил и полувоенные подразделения ЦРУ, которые должны были сражаться против талибов бок о бок с афганцами и направлять удары ВВС США по позициям талибов. В частности, США заключили соглашение с «Северным альянсом» — группировкой выступавших против талибов организаций, которая заручилась российской поддержкой. Потерпев поражение в гражданской войне с талибами в 90-х годах XX в., «Северный альянс» приветствовал возможность отплатить талибам. Россия не возражала. Других полевых командиров просто купили. США также активно сотрудничали с Ираном.

Афганистан создал иллюзию вторжения, но то, что случилось тогда в этой стране, на самом деле было возобновлением гражданской войны, в которой одна из сторон пользовалась поддержкой США с воздуха. Бои, начавшиеся через месяц после 11 сентября, вели преимущественно афганцы, которых поддерживали ударами с воздуха самолеты, базировавшиеся на авианосцах, и бомбардировщики, базировавшиеся на авиабазах в районах Персидского залива и Индийского океана. Однако вместо того, чтобы сосредоточивать свои силы в районах крупных городов и таким образом становиться целями ударов

бомбардировщиков В-52, талибы прибегли к классической тактике повстанцев: они рассеялись, а затем перегруппировались и возобновили борьбу.

В результате разгромить «Талибан» так и не удалось, но США все-таки достигли трех из своих целей, Во-первых, удалось обнадежить американцев, показав, что США способны защитить их военными действиями в любой точке мира. Это было не совсем правдой, но правдой, достаточной для утешения. Во-вторых, военное присутствие США в Афганистане дало сигнал исламскому миру, что США всецело отдают свои силы войне. Исламские лидеры, более искушенные в военных действиях, чем рядовые американцы, отметили, что основным вкладом американцев в войну оказалась поддержка с воздуха, тогда как бремя войны на суше несли афганцы. Это не было убедительным свидетельством военных обязательств США, однако даже такое участие в боевых действиях было лучше, чем ничего. В-третьих, действия США нанесли урон «Аль-Каиде». Бен Ладен и другие главарь «Аль-Каиды» бежали, но их структура командования была нарушена, что вынудила главарей стать беглецами. В результате они оказались в еще большей изоляции и в целом утратили свое значение.

В некоторых отношениях вторжение в Афганистан было трюком, но с его помощью удалось достичь некоторых успехов. США предприняли классический американский маневр — нанесли подрывной отвлекающий удар. Администрация Буша-младшего привела к власти в Афганистане правительство и предоставила ему защиту, зная, что большая часть Афганистана вне досягаемости этого правительства и что создания демократии не предвидится. Спустя 9 лет после вторжения работа США в Афганистане все еще продолжается, что, несомненно, станет проблемой, которую надо будет решить в наступающем десятилетии, чтобы двинуться в новое десятилетие.

Впрочем, с точки зрения членов «Аль-Каиды», действия США в Афганистане и других странах Среднего Востока являются для мусульман явным свидетельством того, что США — их враг. Джихадисты уклонились от столкновения,

затаились в ожидании восстаний и свержения проамериканских режимов — обвала, которого так и не произошло. Режимы выжили, отчасти благодаря поддержке того, что называют «улицей», боящейся, что аппарат безопасности этих режимов по-прежнему жесток и эффективен, а отчасти потому, что эти режимы по-прежнему обеспечивают населению минимальные гарантии. Мусульмане поняли реальный смысл нанесенного США удара и сохранили свои прежние обязательства. Разведки Саудовской Аравии и Пакистана делятся информацией, но делают это неохотно и в определенных рамках, поскольку ни одна служба не желает вступать в тесные отношения с США, не имея явных указаний на то, как далеко намереваются зайти американцы. По мере того как становилось все более очевидным, что восстаний не будет, агрессивность «Аль-Каиды» в регионе нарастала.

Иракский гамбит

Следующим актом войны США с террором стало вторжение 2003 г. в Ирак. Сегодня легко утверждать, что вторжение было полностью ошибочным, но важно вспомнить условия, в которых было принято решение о вторжении. В феврале 2002 г. власти Саудовской Аравии потребовали, чтобы американские военные ушли с ее территории. Несмотря на жесткое давление Индии и США, пакистанцы делали лишь самые умеренные жесты поддержки американских усилий. Общее впечатление сводилось к тому, что США сделали в Афганистане то, что собирались, и теперь надеются на то, что бремя разведывательных и боевых действий будут нести другие страны.

У США, не имевших полного сотрудничества с Саудовской Аравией и Пакистаном, был ограниченный вариант дальнейших действий. США могли вести разведывательную войну с «Аль-Каидой» так, как это сделал Израиль в борьбе с организацией «Черный сентябрь» в Европе в 70-х годах XX в., но возможности американской разведки, не имевшей в регионе партнеров, участвующих в борьбе с «Аль-Каидой», были жестко ограничены.

У США был и другой вариант действий. В надежде на то, что операция в Афганистане разрушила структуру командования «Аль-Каиды» и предотвратила новые удары по США, можно было принять сугубо оборонительный образ действий, полагаясь на силы внутренней безопасности. Теоретически, ФБР могло выследить спящие ячейки, закрыв границы от проникновения новых террористов и обезопасив аэропорты. Этот план, привлекательно выглядевший на бумаге, невозможно было осуществить на практике. ФБР никогда не могло гарантировать, что в стране нет больше спящих ячеек, а точки въезда в США никогда нельзя было совершенно обезопасить. Любая иллюзия безопасности, какую могли дать американцам эти усилия, и любая поддержка, какую президент мог получить в награду за хорошо выполненную работу, просуществовали бы только до следующей атаки террористов, время и характер которой

были совершенно неизвестны. А когда такая атака случится, снова всплывет вопрос о готовности Америки идти на риски в исламском мире. Ясного ответа на этот вопрос не было. Что будет после Афганистана?

Администрация Буша пыталась изобрести стратегию, которая бы заставила Пакистан и Саудовскую Аравию энергичнее проводить сбор разведывательных данных и делиться ими с американской разведкой, что ставило бы США в господствующее положение на Среднем Востоке, в положение, занимая которое, США могли проецировать свою мощь.

Именно это стремление к господству в регионе было фундаментальной целью вторжения в Ирак. Немедленным результатом данной военной операции было создание новой стратегической реальности. Вторжение в Ирак в особенности напугало Саудовскую Аравию: бронетанковые соединения армии США оказались в нескольких днях пути от Саудовских нефтепромыслов. Вторжение позволило США также установить контроль над самой важной в стратегическом отношении страной региона. Ираком, который граничит с Кувейтом, Саудовской Аравией, Иорданией, Сирией, Турцией и Ираном.

Итак, установление контроля над Ираком позволило достичь краткосрочной цели войны с террором, но нарушило принцип, согласно которому США не должны становиться постоянным игроком в каком-либо регионе. Администрация Буша решила пожертвовать этой частью традиционной стратегии (принципом поддержания региональных балансов сил через подставных игроков при сохранении вооруженных сил США в резерве) в обмен на другие выгоды. Из всех плохих вариантов был выбран самый плохой. Об этом надо помнить при рассмотрении природы имперской власти, которая часто попадает в ловушку, соглашаясь мириться с меньшим из двух или многих зол.

Но для того, чтобы извлечь выгоды, США следовало преуспеть не только при вторжении, но и при оккупации Ирака. Вторжение было, несомненно, успешным, и Саудовская Аравия резко усилила сотрудничество с США в

разведывательной сфере. Но господство в самой важной в стратегическом отношении стране региона оказалось невозможным. Вооруженные силы США, легко вступившие в Багдад, сразу же оказались связанными боями с повстанцами, которые заставили американцев сосредоточиться на собственной защите, тогда как в намерения США входило использование Ирака в качестве плацдарма для проецирования силы на соседние страны.

Неудачная оккупация трансформировала войну. Ирак стал самоцелью, а конечной целью оказалось не создание новой стратегической реальности в регионе, а всего лишь вывод американских войск в разумные сроки. Самое большее, на что можно было надеяться США, — это приведение к власти в Ираке нейтрального правительства. В худшем случае результатом вторжения стал бы хаос.

Ирак, где войну с терроризмом рассматривали отдельно от более широкой американской стратегии, стал также очередным примером отношений, складывающихся между моралью, стратегией и лидерством. С сугубо моральной точки зрения, уничтожение режима Саддама Хусейна вряд ли можно считать неудачей. Саддам был чудовищем. Чудовищным был и его режим. Но уничтожение таких режимов не было моральным императивом, служению которому Буш-младший посвятил свое президентство. Буш провозгласил другой моральный императив — войну с терроризмом, и оккупация Ирака имела для американского народа значение только в той степени, в какой она служила заявленному моральному императиву.

Принимая в 2003 г. решение о вторжении, Джордж У. Буш поставил свое нравственное помрачение терроризмом выше фундаментального принципа американской стратегии, принципа поддержания равновесия сил в любом регионе без использования значительного числа американских военнослужащих. Регионов много, и если США начнут разворачивать оккупационные силы в каждом из них, такое бремя быстро превзойдет возможности Америки. Более того, американские войска сменили иракские вооруженные силы в роли противовеса Ирану, который стал теперь крупнейшей

державой в регионе. Если США в какой-то момент просто уйдут из Ирака, Иран станет господствовать над всем регионом Персидского залива, практически ничего для этого не предприняв. Каков бы ни был вклад вторжения в войну с «Аль-Каидой», такая «уловка-22»¹⁵ означала чистые стратегические потери.

Для того чтобы привести вторжение в Ирак в соответствие с традиционными принципами американской стратегии, войска США должны были оккупировать страну быстро, эффективно и не встречая сильного сопротивления. Затем США надо было быстро создать жизнеспособный режим в Багдаде, дать ему крупную армию и передать новому правительству роль противовеса, сдерживающего своего исторического врага, Иран. Если бы сделать это можно было, скажем, за 5 лет, Буш бы получил свой праздничный пирог и съел его. Он бы вызвал необходимый шок в исламском мире, запугал Саудовскую Аравию и смог использовать стратегическое положение Ирака для оказания давления на другие страны региона, например, на Сирию. Тогда США могли бы уйти, предоставив местным игрокам снова устанавливать равновесие сил в регионе.

Стратегия Буша провалилась потому, что строилась на основании ложной посылки: американцы встретили сопротивление, преодолеть которое нелегко. Самой большой неудачей разведки в этой войне стала не ошибка в отношении наличия у Ирака оружия массового уничтожения, а, скорее, неспособность понять, что восстания издавна были тем скрытым планом борьбы с вторжением, на который полагался Саддам Хусейн. Эта ошибка повлекла и неспособность понять, что, пытаясь уничтожить партию «БААС», в которой господствовали сунниты и которая поддерживала Саддама, США, в сущности, изгоняют суннитов из правительства и передают власть их религиозным и культурным противникам — шиитам. Устрашенным перспективой шиитского правительства (которое, между прочим, должно иметь естественную близость с господствующим в Иране шиитским большинством) суннитам было нечего терять, и они стали постреливать и устанавливать бомбы на обочинах дорог.

Но просчет Буша оказался еще более глубоким. Буш рассчитывал на поддержку шиитов в борьбе с суннитской верхушкой, но не учел силу связей иракских шиитов с преимущественно шиитским Ираном. Иранцы нисколько не заинтересованы в воссоздании Ирака под властью проамериканского правительства, поскольку такой Ирак снова будет угрожать Ирану. Таким образом, США загнали себя в двойную ловушку. Сунниты начали войну с оккупантами, а находящиеся под влиянием Ирана шииты делали все возможное, чтобы избежать сотрудничества с американцами, которое поставило бы их в зависимость от США.

Буш нарушил принципы стратегии, надеясь вернуться на путь истинный позднее, но попал в капкан местных реалий, управлять которыми не мог. По мере ухудшения ситуации доверие американцев к Бушу падало. Вероятно, он справился бы с тем, что утверждение, которым он оправдывал начало войны, о том, что у Ирака было оружие массового уничтожения, оказалось ложным. Но справиться с тем, что он попался в капкан и вынужден вести войну со многими противниками, и войне этой не видно конца. Буш не смог.

Были совершены и другие ошибки, ослабившие способность президента вести страну. Вторым выдвинутым Бушем оправданием вторжения была необходимость создать демократический Ирак. Это оправдание не вызвало отклика у американцев, которые не видели настоящей причины для такой попытки. Мотивы строительства демократических государств, в сущности, лживы. Как уже говорилось в этой книге о Линкольне, Рузвельте и Рейгане, великим президентам часто приходится лгать во имя более высокой моральной цели. Но Буш не смог убедить общественность, потому что четко заявленный им моральный императив — сокращение терроризма — настолько сильно расходился со стратегической реальностью, что вся внешняя политика Буша казалась крайне запутанной и хаотичной, а сам президент выглядел некомпетентным. Слишком много особых объяснений, слишком много ссылок на вновь открывшиеся обстоятельства. Неспособность соединить нравственные цели со стратегическими задачами, а то и другое — с

непротиворечивым, целостным мифом, предназначенным для массового потребления, уничтожила президента Буша-младшего.

В 2007 г., когда спасти президентство было слишком поздно, Буш активизировал политику в Ираке. Это усилие имело отношение не столько к военной стратегии, сколько к применению военной силы для расчистки сцены, на которой предстояло договариваться об урегулировании с суннитами. Как только это было сделано, шииты, опасавшиеся силы суннитов, пользующихся поддержкой американцев, стали несколько более склонными к сотрудничеству, и насилие стало затухать.

Поскольку Ирак более не был эффективным противовесом, баланс сил с Ираном был полностью разрушен. Вывод американских войск из Ирака автоматически превращал Иран в господствующую в регионе силу, блокировать которую ни одна другая страна региона не могла. Такая перспектива просто сводила с ума арабские страны, а также Израиль и США. Именно это нарушение равновесия определяет комплекс региональных проблем, с которым будет сталкиваться президент США в наступающем десятилетии.

Иранская головоломка

С началом второго десятилетия XXI в. США сталкиваются на Среднем Востоке с двойной проблемой: необходимо вывести американские войска, но сделать это следует таким образом, чтобы Иран не остался господствующей в регионе державой. Поскольку нет кандидатов на роль противовеса амбициям Ирана, представляется, что США не могут уйти из Ирака до тех пор, пока не установят в Багдаде правительство, достаточно сильное для восстановления баланса в регионе.

Иранцы определенно приветствовали американское вторжение в Ирак. Задолго до 11 сентября Иран делал все возможное, чтобы побудить США к вмешательству и свержению Саддама Хусейна. Действительно, значительная часть прогнозов разведки о том, что американские войска не встретят сопротивления, была основана на данных из иранских источников.

Как только американские войска высадились в регионе, Иран начал прямо угрожать американским интересам в Ираке, установив для продолжения конфликта глубокие связи с различными шиитскими группировками, а позднее начав поставки оружия суннитам. Иран также оказывал поддержку силам талибов в западном Афганистане и движению «Хезболла» в Ливане.

В Иране ожидали, что США создадут в Ираке правительство, которое отодвинет суннитов на обочину и станет преимущественно шиитским. Иранцы предвидели, что, как только США уйдут из Ирака, созданное ими преимущественно шиитское правительство этой страны станет сателлитом Ирана, при этом предполагалось, что США станут опираться на шиитских союзников Ирана в управлении Ираком. Однако американцы не сделали этого и пытались управлять Ираком непосредственно через институты и конкретных лиц. Тем не менее, учитывая, что формирование правительства связано с затяжными трудностями, а американцы, в конце концов уйдут, исход дела все-таки, вероятно, будет благоприятствовать Ирану.

Но эти факторы, кажущиеся подарками судьбы, являются как раз тем, что весьма опасно для правительства в Тегеране. США, попавшим в сложную ситуацию, заключающуюся в одновременных попытках осуществлять прямое управление охваченной мятежами страной и передать ответственность правительству, в которое проникли иранские агенты и сторонники Ирака, а потом уйти из Ирака, пришлось задуматься над более радикальным вариантом. Этот вариант — нанесение по Ирану удара с целью свержения президента Махмуда Ахмадинежада и режима, на котором основана власть этого президента.

Иран, население которого составляет 70 млн человек, живущих на территории, границы которой образуют горы, в силу особенностей топографии является мощной крепостью. Поскольку рельеф местности делает прямое вторжение невозможным, США неоднократно предпринимали попытки спровоцировать в Иране революцию, подобную свержениям правительств в бывших советских республиках. На протяжении многих лет эти попытки всегда терпели крах. Но для США, которые потерпели фиаско в Ираке и не способны ни восстановить баланс сил, ни оставить Иран в положении господствующей в районе Персидского залива державы, вполне естественно рассматривать варианты удара, который привел бы к свержению нынешнего иранского правительства. Тот факт, что в этом режиме существует раскол между старыми религиозными лидерами, которые пришли к власти вместе с аятоллой Хомейни, и более молодыми, не принадлежащими к высшему духовенству лидерами вроде Ахмадинежада, увеличивает трудности Ирана. Однако предметом главной озабоченности всего иранского руководства является то, что они видели успехи других восстаний, совершенных при поддержке США (в частности, в бывших советских республиках), и не могут полагаться на то, что США снова не повезет.

Иранцы отметили способ, которым в 90-х годах XX в. сходную проблему удалось решить Северной Корее, правительство которой боялось, что развал советского коммунизма приведет и к падению режима Кимов.

Представляя себя более опасными и более психологически неустойчивыми, чем они были на самом деле, корейцы развернули программу создания ядерного оружия. Чтобы убедить людей в своей способности применить ядерное оружие, руководители Северной Кореи делали заявления, казавшиеся совершенно безумными. Вследствие такой политики все стали опасаться, что обрушение северокорейского режима может привести к непредсказуемым, даже катастрофическим последствиям. Таким образом, Северной Корее удалось создать ситуацию, в которой державы вроде США, КНР, России, Японии и Южной Кореи пытались усадить северокорейских представителей за стол переговоров и задобрить их всяческой помощью. Северная Корея добилась грандиозного успеха, заставив великие державы вести с ней переговоры, в ходе которых ее уговаривали эти переговоры продолжить. Представление было разыграно великолепно.

Играя на ядерных фобиях американцев, Иран вот уже 10 лет ведет работы по созданию атомных технологий, осуществляя программу, включающую воспроизводство испытанного Северной Кореей образа непредсказуемой и опасной страны. Как и Северной Корее, Ирану удалось занять положение, в котором все члены Совета Безопасности ООН плюс Германия уговаривают Иран продолжать переговоры.

Развал Ирака поставил США в крайне слабое положение и ограничил варианты действий. Удар по ядерным объектам Ирана с воздуха практически наверняка подхлестнул бы патриотические настроения иранцев, что лишь усилило бы иранский режим. У Ирана были серьезные рычаги давления, в том числе возможность еще сильнее дестабилизировать положение в Ираке и в какой-то мере в Афганистане. Иран мог также спустить с цепи «Хезболлу», которая является более мощной террористической организацией, нежели «Аль-Каида», или же минировать Ормузский пролив и, блокировав поставки нефти из Персидского залива, создать хаос в мире.

Так нарушение давней американской политики поддержания региональных балансов сил и ограниченного

вовлечения в региональные проблемы привело к самому худшему геополитическому сценарию. Теперь Иран является господствующей региональной державой в Персидском заливе, и только у США есть средства для уравнивания Ирана, но применение этих средств приведет к дальнейшему нарушению основополагающих принципов американской стратегии. Более того, чрезмерное сосредоточение сил в этом регионе ослабляет позиции американцев в других частях света, делает положение США неустойчивым, причем никакого явного выхода из этой ситуации не просматривается.

Таково краткое описание сущности геополитической проблемы, которую получил в наследство от предшественника президент Обама, и с которой он и все последующие президенты должны будут разбираться в следующем десятилетии.

Иран стал осью, вокруг которой будут вращаться страны Ближнего и Среднего Востока. Во многих отношениях Иран всегда был такой осью. Но прежде, чем США смогут разбраться с Ираном, им необходимо сделать что-то определенное с исламским терроризмом. США выделяют ресурсы на войны, направленные, по их мнению, против терроризма, но эти войны, по сути дела, обезопасили Иран от угрозы американской интервенции и даже усилили позиции Ирана в мире.

Экономические и геополитические события прошлого десятилетия тесно связаны друг с другом. Эти события породили у американской общественности кризис доверия, ввергли американское стратегическое мышление в отвратительные поиски краткосрочных тактических решений. Например, иранский вопрос, который следует рассматривать особо и отдельно от всех прочих вопросов, увязан с опасениями, что рост цен на нефть сорвет восстановление экономики, а это скажется на борьбе с джихадистами. Трагедия 11 сентября и события 2008 г. соединились и создали капкан, в который и попало американское стратегическое мышление. Входя в новое десятилетие. США должны вырваться из этого капкана. Экономические

проблемы со временем решатся сами собой. Но геополитический вызов, брошенный терроризмом, требует решений.

Глава 5

Капкан терроризма

Обращаясь к нации после ударов, нанесенных «Аль-Каидой» 11 сентября 2001 г., президент Джордж У. Буш-младший призвал к глобальной войне с террором. Если бы он призвал к войне с радикальным исламом, он бы вызвал отчуждение остро необходимых США союзников в исламском мире. Призывом к войне с «Аль-Каидой» он заранее исключил бы из числа противников террористов, не входящих в эту группировку. Буш пытался уточнить проблему с помощью семантического трюка, но, как мы только что видели, это привело его к политической и стратегической путанице.

Президент Обама отбросил термин «война с террором». И правильно сделал. Терроризм — это не враг, а способ ведения войны, к которому может прибегать, а может и не прибегать противник. Представьте, что после Перл-Харбора, когда удар по американским кораблям нанесли японские авианосцы, президент Рузвельт объявил бы глобальную войну с авианосной авиацией. Сосредоточившись на терроризме, а не на «Аль-Каиде» или радикальном исламизме, Буш возвел конкретный тип нападения в положение, которое стало определять глобальную стратегию США и вывело Америку из равновесия.

Обама, пожалуй, внес ясность в понятия, но не затронул значительной части дисбаланса, заключающегося в одержимости угрозой террористических атак. При рассмотрении вариантов действий президента в наступающем десятилетии представляется совершенно необходимым установить, насколько значительную угрозу представляет терроризм в действительности и что эта угроза означает для политики США.

По словам великого прусского военного теоретика Карла фон Клаузевица, война — это продолжение политики

другими средствами. Победа во Второй мировой войне заключалась не в принуждении Японии к отказу от использования авианосцев. Победа означала сокрушение способности Японии вести войну с последующим подчинением ее воле Америки, что было политической целью. Если президент руководит воюющей страной, он обязан решительно и четко обозначить врага и цель, ради которой идет война. Если после 11 сентября «врагом» стал террор, то врагом должен был стать всякий, кто мог прибегнуть к террористическим действиям, а список таких людей был бы очень и очень длинным. По политическим причинам президент не может четко указать, с кем и почему надо сражаться. Затем президент должен самым тщательным образом изучить вопрос, можно ли одержать победу и стоит ли (или не стоит) ввязываться в войну. Если цена обозначения врага по имени неприемлема по дипломатическим или политическим соображениям, война вряд ли пойдет хорошо.

Несмотря на решение Буша-младшего сосредоточиться на войне с терроризмом, в исламском мире знали, что подлинным противником американцев является радикальный исламизм. Радикальный исламизм был той почвой, на которой произросла «Аль-Каида», и Буш не собирался никого вводить в заблуждение. Но когда он не смог, правдиво и не впадая в противоречия, объяснить причины, по которым он решил осуществить вторжение в Ирак, американская стратегия стала рассыпаться.

Затеянная Бушем семантическая и стратегическая путаница усугубилась, когда начатая им война с террором претерпела расширение и стала включать усилия, направленные на свержение иракского правительства. Ставший главной целью этих усилий Саддам Хусейн был скорее светским милитаристом, нежели исламистом, и не поддерживал дружеских отношений с «Аль-Каидой». До вторжения американцев в Ирак он не был вовлечен в террористическую деятельность «Аль-Каиды», но у него и у «Аль-Каиды» был общий враг — США. По этой причине Буш считал, что нельзя сбрасывать со счетов опасность заключения союза между Ираком, государством-изгоем, и не

имеющими государственности радикалами из «Аль-Каиды». Буш решил нанести упреждающий удар. Буш и его советники полагали, что уничтожение режима Саддама Хусейна и оккупация Ирака лишат «Аль-Каиду» потенциальной базы, одновременно обеспечив стратегической базой США.

Тем не менее, поскольку большая стратегия была обозначена как война с террором, и поскольку Саддам в последнее время не был причастен к террористическим атакам, вторжение в Ирак казалось неоправданным. Будь война более четко сосредоточена на «Аль-Каиде» как на враге, вторжение выглядело бы более оправданным и разумным, ибо война с какой-то определенной группой предполагает вооруженную борьбу с реальными и потенциальными союзниками этой группы. А Саддам определенно был таким союзником.

В условиях демократии основой общественной поддержки служит четкое представление о враге, угрозе, которую он представляет, и о целях самой демократии, вступающей в борьбу с обозначенной угрозой. Подобная ясность не только мобилизует общественность, но и укладывает общение с этой общественностью в четкие логические рамки. Президент Трумэн так никогда и не оправился от использования понятия «полицейская операция» по отношению к войне в Корее, в которой погибло более 30 тыс. американцев. С другой стороны, несмотря на бесконечные словесные уловки, удары по невинным людям и союзы с воплощениями зла, война, которую Рузвельт вел с Германией, Японией и Италией, сохранила популярность, потому что Рузвельт со всей определенностью обозначил врага и объяснил, почему Америка должна вступить в войну и разгромить его.

Значение террора

Терроризм — это акт насилия, главная цель которого — создание страха и достижение политической задачи посредством этого страха. Немецкие бомбардировки Лондона во время Второй мировой войны были террористическими действиями. Их цель состояла не в сокрушении или ослаблении способности Великобритании вести войну, а в создании психологической и политической атмосферы, в которой могло произойти отчуждение общественности от правительства, что заставило бы правительство пойти на переговоры. Палестинский терроризм 70—80-х годов XX в. (от убийств до захватов самолетов) был направлен на привлечение внимания к причинам терроризма и усиление представления о силах палестинцев. Как мы пытаемся показать, у терроризма «Аль-Каиды» тоже есть политические цели. Вопрос прост: какие надо приложить усилия, чтобы прекратить террор и его последствия, по сравнению с другими стратегическими целями?

К терроризму прибегают, как правило, взамен более эффективных действий. Если бы немцы могли уничтожить военно-морской флот Великобритании, а палестинцы — израильскую армию, они бы так и сделали. Это было бы более эффективным и прямым путем к цели. Терроризм возникает из слабости и имеет цель создать впечатление, будто бы террорист сильнее, чем он есть на самом деле. Цель террориста в том, чтобы к нему относились как к серьезной угрозе, каковую он в действительности не является. Само слово «терроризм» предполагает, что террористы создают определенное состояние ума. Конечная цель террористов — казаться огромной, поистине самой главной угрозой. Это создает основу политического процесса, который пытаются запустить террористы. Некоторые террористы просто хотят, чтобы их воспринимали всерьез. «Аль-Каида» желала убедить исламский мир в том, что настолько могущественна, что влияет на умы американцев.

В сущности, «Аль-Каида» достигла своей цели.

Объявив войну террору, США подали сигнал, что считают данную угрозу более страшной, чем все прочие. Защита США от террористических актов превратилась в главное направление американской глобальной стратегии, которое поглощает колоссальную энергию и огромные ресурсы. Но терроризм, практикуемый «Аль-Каидой», не представляет стратегической угрозы для США. Террористы могут убить тысячи американцев, а террористические акты причиняют страдания и вызывают страх. Но терроризм сам по себе не может уничтожить материальную основу американской республики.

Так как терроризм, в том числе даже ядерный, не представляет внушающей доверие стратегической угрозы для США, внешняя политика, чрезмерно сосредоточенная на терроризме, в основе своей несбалансированна. Отсутствие равновесия заключается в том, что внимание и ресурсы уделяют страхам, а не подлинной опасности, причем это делают, не контролируя прочие угрозы, которые имеют намного большее значение и намного более страшны. Я не призываю пренебрегать терроризмом, а доказываю, что терроризм — самое большое, одна из проблем, требующих решения, увязанного с национальной стратегией. Именно здесь и совершил ошибку Джордж У. Буш. Его преемники рискуют попасть в ту же западню.

Бушу-младшему, как до него и Линкольну, и Рузвельту, и Рейгану, надо было управлять психологией американцев, преследуя собственную стратегическую цель, но его провалу способствовали два обстоятельства. Во-первых, чем успешнее он блокировал «Аль-Каиду», тем быстрее забывалась психологическая травма. Настроения части общественности качнулись от требования более жестких мер к шоку от принимаемых мер. Бушу следовало предвидеть это, но, считая войну с терроризмом самоцелью, он утратил понимание того, какое место война с терроризмом занимает в массовом представлении о миропорядке. Во-вторых, Буш оказался не способен сместить акцент в соответствии со смещением акцентов в общественном мнении, поскольку и сам не понимал подлинной цели им же начатой глобальной

войны с терроризмом. А этой целью был не разгром терроризма, а удовлетворение психологических потребностей американской общественности. Поэтому-то Буш и продолжал со всей силы гнуть свою линию даже спустя много времени после того, как Америка перестала испытывать угрозу новых терактов.

Болезненно сосредоточившись на терроризме как на отдельной и самостоятельной стратегической цели, Буш бросил огромные ресурсы в битвы, в которых нельзя было победить, и создал угрозу тому, что в действительности не было непосредственно связано с терроризмом. Ведя глобальную войну с терроризмом, Буш утратил не только перспективу. Он забыл о необходимости управлять всем комплексом прочих американских интересов. Его умом настолько завладел исламский мир, что он, например, не удалял должного внимания и ресурсов, необходимых для адекватного реагирования на возрождение России.

Таким образом, вопрос состоит в том, как перейти от полной сосредоточенности на терроризме и исламском мире к более сбалансированной стратегии. Отчасти это проблема общественного мнения. В США политика в отношении исламского мира — вопрос, вызывающий страсти, вопрос, вызывающий раскол общественного мнения. Многие считают исламский мир не только важнейшей проблемой, но и единственной проблемой, стоящей в американской повестке дня. Дело президента — соответствовать общественному мнению и при этом спокойно преследовать собственные нравственные и стратегические цели. Проблема, с которой сталкивается президент Обама (и столкнутся последующие президенты в наступающем десятилетии), состоит в том, чтобы, удерживая терроризм и «Аль-Каиду» в поле дальнего зрения, заново определить американские интересы в исламском мире. Это надо сделать так, чтобы американцы не обрушились на президента с критикой, особенно в те моменты, когда последуют новые неизбежные удары террористов. Президент должен удовлетворять требованиям общественности и когда американцы возмущены и напуганы ударами террористов, и когда американцы устают от

терроризма и шокированы мерами, принимаемыми для того, чтобы умерить их страхи и возмущение. Прежде всего, президент должен вести дела с исламским миром таким, каков он есть, не позволяя настроениям общества оказывать влияние на свои окончательные намерения.

Я не призываю к самодовольству и самоуспокоенности. Даже если этот риск невелик, последствия могут быть грандиозными. Поскольку угроза оружия массового уничтожения крайне мала, а возможность заблокировать применение террористами другого оружия резко ограничена, усилия США по борьбе с терроризмом следует направить на террористов, а не на оружие. Действительно, такая постановка вопроса предполагает войну, тайную или открытую, а война сопряжена с расходами и обязательствами, которые необходимы, чтобы преодолеть угрозу. У США много угроз и интересов, и Америка не может реагировать только на угрозу терроризма. Один лишь страх не должен определять стратегию.

Как было сказано выше, президент всегда должен успокаивать общественность и демонстрировать свою преданность делу пресечения терроризма. В то же время президент обязан противиться соблазну пытаться делать невозможное или совершать действия, которые могут оказаться дорогостоящими и неэффективными. Президент может лгать народу, но никогда не имеет права лгать самому себе. Прежде всего, он должен понимать реальные угрозы для страны и бороться с ними.

Если не считать убийств, совершенных в 2009 г. в Форт-Худе¹⁶, события 11 сентября были единственной атакой, успешно совершенной в США за 10 лет войны. Скоординированные удары по Нью-Йорку и Вашингтону были результатом многолетней трансконтинентальной операции, стоившей «Аль-Каиде» 19 ее самых преданных и способных бойцов. В результате этой операции в Нью-Йорке были разрушены 2 небоскреба и нанесен ущерб зданию Пентагона в Вашингтоне. Погибло 3 тыс. американцев. Но для нации, насчитывающей 300 млн жителей, материальные последствия атаки были, в сущности, минимальны.

Я не хочу преуменьшать жертвы или ужас пережитый американцами в тот кошмарный день. Я подчеркиваю лишь то, что если вам и мне дозволена роскошь страдания, то президенту в этой роскоши отказано. Президент обязан принимать во внимание чувства граждан, управлять гражданами и руководить ими, но не имеет права поддаваться личным эмоциям. Его задача — сохранять безжалостное чувство пропорций и холодность ума. Если президент подчинится эмоциям, он будет принимать решения, противоречащие долгосрочным интересам США. Президент должен признать потери и двигаться дальше. Когда японцы атаковали Перл-Харбор, Рузвельт призвал к отмщению, но про себя принял решение сосредоточить военные усилия на Германии, а не на Японии. Он понимал, что президент не может позволить себе превращать эмоции в стратегию.

Как говорит фон Клаузевиц, цель войны — навязывать свою волю другой стране, делая ее неспособной к сопротивлению. Основное средство достижения этого — сокрушение военной мощи другой страны или подрыв воли населения данной страны к сопротивлению. Вкушение ужаса может уничтожить армию; например, монголы парализовали противников демонстрацией своей кровожадности и безжалостности. Греческие города-государства всегда вели войну до последней капли крови, опасаясь порабощения, которое ожидало их в случае поражения. Так что чистый эффект террора предсказать трудно.

Во время Второй мировой войны ни немцы, ни англичане не скрывали целей того, что англичане называли «ночными бомбардировками по площадям». Удары по гражданскому населению были тактикой создания страха и ужаса в народе. К этой тактике прибегали в надежде, что гражданские лица будут по меньшей мере не слишком эффективно работать в военной экономике, а в идеальном случае даже восстанут против режимов собственных стран. В Японии американцы преследовали те же самые цели, применяя зажигательные бомбы и пользуясь тем, что большая часть японских домов построена из древесины. За три дня бомбардировок Токио, производившихся обычными

бомбами, ВВС США убили 100 тыс. гражданских жителей Японии, а это больше числа погибших при ядерной бомбардировке Хиросимы. И все же до появления атомной бомбы стратегия террора терпела неудачу, как она потерпела неудачу в Германии и Великобритании. Вместо того чтобы разрушать веру народа в правительство, бомбардировки гражданских площадей спланировали общественность на поддержку военных усилий. Варварство этих ударов вызывало ярость и позволяло правительствам стран, подвергавшихся ударам, представлять последствия поражения как слишком ужасные для того, чтобы даже помышлять о них. Если враг готов идти на подобные зверства и отвлекать во время войны ресурсы просто для того, чтобы убивать гражданских лиц. представьте, что он сделает, когда закончится война. Террор позволил легко демонизировать врага и сделать капитуляцию невыносимой.

В войне, которую ведут обычными видами оружия, ужас достигается сосредоточением сил. Но ужас также можно вызвать и в результате тайных операций, совершенных малым числом лиц — с помощью диверсантов. Некогда такие операции, в общем, сводились к убийствам, но с изобретением мощной взрывчатки и средств умножения ее силы (например, самолетов) диверсанты сосредоточили свою деятельность на гражданских объектах, стремясь нанести человеческие потери и уничтожить сами объекты.

Здесь важно с предельной осторожностью провести различие между диверсантами, которые действуют против военных, и диверсантами, действующими против гражданских лиц и объектов и стремящимися вызвать ужас. В 1944 г. французское Сопротивление нападало на немецкие транспортные объекты, пытаясь непосредственно подорвать способность немцев вести войну. Однако террористический аспект действий диверсантов заключался не в причинении ущерба немецким военнослужащим, а в подрыве морального духа в результате появления у них чувства уязвимости. Иногда людьми, которым адресован террористический акт, являются даже не жители страны, где этот террористический

акт совершают, а мировая общественность. Именно это имело место 11 сентября.

Вызывая страх, чувство беспомощности и ярость, терроризм трансформирует общественное мнение, которое начинает требовать от правительства защиты от террористов и их наказания за совершенные злодеяния. Чем эффективнее террористическая акция, тем сильнее испуг населения и тем больше правительство вынуждено реагировать на теракты агрессивно и зримо. И снова подчеркну; президент, сталкивающийся с террористическими актами, должен убедить родовых граждан в том, что он разделяет их чувства, и предпринимать меры, которые, по-видимому, удовлетворяют потребность граждан в безопасности и отмщении.

Одной из таких, в сущности, символических мер была предпринятая после 11 сентября попытка усилить систему безопасности в аэропортах. Несмотря на то, что на данную меру были потрачены миллиарды долларов и она вызывала невероятное недовольство у пассажиров, подготовленный террорист все равно может придумать множество способов пронести взрывчатку и другие устройства через систему безопасности. Некоторых террористов эта система может удержать или обнаружить. Но хотя усовершенствованная система безопасности в аэропортах, возможно, испугала некоторых террористов, террористическую угрозу она не устранила.

Системы безопасности, которая достаточно четко находила бы террористов и при этом была бы настолько эффективна, чтобы воздушный транспорт мог работать, попросту нет. Часто в пример приводят израильскую авиакомпанию El Al, но у нее только 35 самолетов. По данным Бюро транспортной статистики США, общее количество пассажирских самолетов, эксплуатируемых американскими авиакомпаниями, составляет почти 8 тыс. самолетов, которые ежедневно совершают 26 тыс. рейсов. Управление безопасности на транспорте сообщает, что в среднем в 2009 г. американские авиакомпании перевозили 1,8 млн пассажиров за день. Это ошеломляющие цифры!

Ограничения, связанные с проверкой пассажиров в аэропортах, дают понять, что если «Аль-Каида» не смогла нанести новый удар по США в течение первого десятилетия XXI в., то никак не из-за мер безопасности в американских аэропортах. Вызывает сомнение даже то, что люди, конструировавшие системы безопасности для аэропортов, ожидали, что их изобретения будут работать. На самом деле эти системы должны были успокоить американцев наглядной демонстрацией того, что меры принимаются. Чем больше суеты и неудобств, тем утешительнее выглядела система. Но появление все более мощных взрывчатых веществ позволяет убивать десятки людей с помощью устройств, переносить которые может один человек, сотни — устройствами, установленными в легковых или грузовых автомобилях, и тысячи — самолетами, груженными взрывчаткой. В мире полно таких веществ, а протяженность континентальных границ составляет примерно 14,5 км¹⁷. Кроме того, США — торговая страна, в которую ежедневно сотнями прибывают суда, самолеты и грузовики. Любое из этих транспортных средств может перевозить людей и взрывчатку для убийства других людей. Правда и то, что среди 300 млн американцев может быть сколь угодно много доморощенных террористов, готовых нанести удар в любое время.

По этим причинам подлинная внутренняя безопасность в странах вроде США невозможна, и задача создания системы такой безопасности останется невыполнимой и в течение следующего десятилетия. «Серебряных пуль» не существует. Столь же невозможно и уничтожение исламского терроризма. Можно снизить угрозу, но чем большего снижения этой угрозы мы хотим достичь, тем выше будут расходы, связанные со снижением угрозы. Учитывая неограниченные возможности и ограниченность ресурсов, можно обоснованно сказать, что независимо от предпринятых усилий террористические удары по территории США будут продолжаться.

Президент США должен понимать это с кристальной ясностью и всегда действовать на основе данного знания, но никогда публично не признавать границы безопасности,

которые можно обеспечить. Президенту необходимо постоянно демонстрировать, что он делает все, что в его силах, для уничтожения врага и защиты территории США. Президент должен внушать американцам чувство того, что уничтожение исламского терроризма возможно, при этом совершенно точно зная, что это невозможно.

Переходя к политическим решениям, которые необходимо принять в следующем десятилетии, следует подчеркнуть самое важное: направлять все ресурсы Америки на одну недостижимую цель, на устранение угрозы, которая может и будет сохраняться, не только бессмысленно, но и сама постановка такой цели — нечто такое, что может создать окно возможностей для других врагов и других ударов.

Хотя террористы могут убивать американцев и создавать чувство глубокой уязвимости, маниакальное стремление уничтожить терроризм может подорвать (и уже подорвало) стратегические позиции США. Это — важное обстоятельство, которое должны учитывать лидеры наступающего десятилетия. Вот почему терроризм не следует возводить в статус вопроса, венчающего все остальные вопросы, даже если террористы могут убить тысячи американцев, в том числе меня самого и моих близких. Стратегия всегда должна оставаться пропорциональной угрозе.

Терроризм и оружие массового уничтожения

Другая бросающая тень на следующее десятилетие, неприятная реалия, которую надо рассмотреть отдельно, — оружие массового уничтожения. Существование такого оружия будет время от времени вызывать у президентов США резкие реакции. По сравнению с ущербом, который может причинить ядерное устройство, ущерб от террористических актов, совершенных с помощью обычных средств, выглядит просто ничтожным. Если террористические акты, совершаемые с помощью обычных ядерных средств, редко имеют стратегическое значение, то применение оружия массового уничтожения может оказать глубокое воздействие на материальное и психологическое состояние подвергшейся удару страны.

Снова обращаясь к Бушу, отмечу, что в его реакции на события 11 сентября было, в сущности, нечто большее, чем ковбойское понимание справедливости и попытка успокоить американцев. После того памятного дня администрация Буша-младшего получила разведывательные данные, что «Аль-Каида» располагает ядерным устройством, говоря точнее, украденной бомбой в чемоданчике советского образца. Таким образом, в последние месяцы 2001 г. администрацию преследовал призрак того, что в любой момент какой-нибудь американский город может быть уничтожен ядерным оружием.

Именно эта угроза определила первые шаги, предпринятые Бушем после событий 11 сентября. Президент и вице-президент никогда не находились в одном и том же городе в одно и то же время, и усилия всех разведывательных и секретных служб были направлены на поиск ядерного устройства. Как выясняется, эти поиски ни к чему не привели, а ядерного устройства, возможно, никогда и не существовало. После многих лет неправильного обращения с этим устройством оно могло и не сработать. Или же оно было перехвачено, но правительство предпочло не сообщать о его существовании.

Как бы там ни было, оружие массового уничтожения, особенно ядерные устройства, представляет собой тот вид угроз, которые нетерпимы. Для действительного уничтожения инфраструктуры и населения США потребуются много ядерного оружия, но единственный удар, нанесенный таким оружием, может дестабилизировать настроения общественности до такой степени, что это парализует страну на очень долгое время.

При мелких террористических актах, в результате которых гибнут десятки людей, как это происходит в Израиле во время подрывов террористов-смертников, вероятность того, что один человек из 300 млн населения США станет жертвой теракта, мала. Вероятность погибнуть в обыкновенной аварии или от заболевания в следующем десятилетии будет гораздо выше вероятности гибели в результате теракта, совершенного террористом-смертником. События 11 сентября на время исказили восприятие опасности. Люди избегали летать на самолетах и, возможно, стали сторониться мест скопления народа. Но время шло, и чувство уязвимости стало ослабевать. Большинство людей вспоминали об опасности, лишь направляясь в аэропорт или, возможно, входя в Сирс-Тауэр, Эмпайр Стейт Билдинг или Капитолий. Но со временем ощущение риска, связанного с пребыванием не в том месте не в то время, превратилось в общий фоновый шум. Когда это произошло, для многих людей требование предпринять все меры защиты от терроризма превратилось в нечто нагоняющее уныние всеми своими эксцессами, неудобствами и вторжениями в частную жизнь граждан. Готовность мириться с нарушениями прав человека снижалась по мере того, как снижался страх смерти в результате террористического акта.

Если речь идет об оружии массового уничтожения, вероятность страха и его устойчивость оказываются иными. Предположим, что какой-то американский город уничтожен ядерным устройством. Как только это случится, число целей, которые террористы захотят уничтожить следующим ударом, будет сравнительно невелико. Но у любого живущего в одном из десяти крупнейших городов Америки возникнет личный

обоснованный страх того, что у врага есть другие ядерные устройства и что в любой момент он может нанести новый удар, который уничтожит самого человека и его семью.

С точки зрения террористов, нет смысла расходовать ядерные боеприпасы для уничтожения Спокана, Вашингтона или Бангора в штате Мэн. Смысл есть в уничтожении 10 крупнейших городов, являющихся центрами политической, экономической и общественной жизни. Эвакуация испуганных граждан из таких городов приведет не только к хаосу, но и к полному прекращению работы экономических и коммуникационных систем в то время, как миллионы беженцев будут уходить практически в никуда. Эта реакция на страх массового уничтожения, которое может случиться в совершенно неведомый момент, станет конечной целью террористов, использующих оружие массового уничтожения.

Террористы всех мастей (палестинские, европейские, японские) действуют с конца 60-х годов XX в., и большинство террористических групп с удовольствием воспользовались бы шансом нанести ущерб, который может причинить только оружие массового уничтожения. Многие из этих групп в техническом отношении намного более продвинуты, чем террористы «Аль-Каиды». Так почему же они так никогда и не нанесли эффективного удара оружием массового уничтожения?

Простой ответ на этот вопрос таков: хотя создание и развертывание оружия массового уничтожения легко вообразить, практически сделать это очень трудно. Такого оружия существует немного, его надежно охраняют, его трудно перевозить, и оно, вероятно, убьет террористов прежде, чем им представится возможность убить других с его помощью. Есть много донесений о ядерном оружии из запасов СССР, о биологическом и химическом оружии, которое можно купить на черном рынке, но большинство предложений о продаже такого оружия делают разведывательные ведомства, пытающиеся заманить террористов в ловушку. Если бы вы были террористом, которому бывший советский полковник предложил купить ядерное устройство в чемоданчике, каким образом вы бы

определили, является ли предмет, который вы разглядываете, настоящим ядерным устройством или просто металлической трубкой, начиненной проводами и мигающими лампочками? Такая же неопределенность должна удерживать и возможных покупателей химического и биологического оружия.

Разведывательным службам не надо знать, кто продает оружие массового уничтожения для того, чтобы отпугнуть покупателей, и очарование приобретения такого оружия существенно уменьшается, если число сотрудников спецслужб, предлагающих этот товар в качестве капкана, превышает число настоящих продавцов оружия массового уничтожения в пропорции 100:1.

Разумеется, есть еще один вариант: оружие можно сделать самому. Ежегодно несколько выпускников университетов публикуют схемы создания ядерного устройства. Но между схемой и ее успешным воплощением в материале придется сделать следующие шаги. Сначала следует приобрести расщепляющиеся материалы, необходимые оболочки и обслуживающие устройство электронные схемы. Затем надо найти оборудование для обработки расщепляющихся материалов с теми точными допусками, которые нужны для детонации. Потом привлечь специалистов, действительно способных выполнить все эти работы с приобретенными материалами и оборудованием. А еще подобрать очень надежный уединенный объект, где могли бы работать и жить эти специалисты и т. д. На каждой стадии этого мучительного процесса шансы быть обнаруженным возрастают. Даже если вы смогли приобрести строго охраняемые расщепляющиеся материалы, оборудование для производства ядерного оружия весьма специализировано, а производителей такого оборудования очень немного, и они очень рассредоточены. Когда частное лицо предъявляет свою карточку American Express для оплаты одной из таких машин, шансы на то, что его выследят, очень высоки.

Если речь идет о биологическом и химическом оружии, к упомянутым выше рискам следует добавить вероятность, что единственной жертвой этого оружия окажется сам террорист и его непосредственные подручные. Химическое и

биологическое оружие создает дополнительную сложность: такие вещества надо распылять. Когда японская группа ¹⁸ применила смертоносный нервнопаралитический газ зарин в токийском метрополитене, зона заражения осталась узкой, и погибло всего несколько человек, тогда как террористы рассчитывали на многочисленные жертвы. Всегда говорят, что применение того или иного химического или биологического оружия может уничтожить население целого города. Да, может, но сначала надо придумать, как распылить отравляющие вещества на большой площади.

Только одна страна в истории создала ядерное оружие «с нуля» — это США. Великобритания получила секреты производства ядерного оружия в вознаграждение за вклад, внесенный британскими учеными в исследования по осуществлению американского атомного проекта. Французы тоже получили технологию производства ядерного оружия от американцев и потом поделились этими знаниями с Израилем. Русские украли секреты производства атомного оружия у американцев и позднее передали эти знания китайцам и индийцам. Китайцы поделились технологией производства атомного оружия с пакистанцами. Независимая исследовательская программа разработки и создания такого оружия — дело за пределами трудное. Иран до сих пор пытается решить эту задачу, а Северная Корея вряд ли когда-нибудь с нею справится.

Точно так же, как финансовый кризис вызвал нарушение внутреннего равновесия в США, события 11 сентября 2001 г. вызвали нарушение стратегического равновесия. Эту проблему предстоит решить в следующем десятилетии, когда придется принимать трудные решения. Стратегия поддержания баланса сил должна быть направлена на предотвращение появления угрожающих американским интересам региональных гегемонов. Проведение такой стратегии требует американского присутствия во многих регионах.

Таким образом, события следующего десятилетия будут вращаться вокруг такого изменения американской стратегии, которое позволило бы США преследовать свои интересы. А

это означает выход за пределы войны с терроризмом и новое определение американских интересов в каждом регионе и во всем мире. Израиль — подходящая точка для начала этого переосмысления.

Глава 6

Новая политика:

Израиль

Отношения США ни с одной другой страной не характеризуются такой сложностью, как отношения с Израилем, причем ни израильтяне, ни американцы не вполне понимают ее природу. По сути, американо-израильские отношения отравляют отношения США с исламскими странами и усложняют прекращение вооруженных столкновений на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, есть люди, считающие, что Израиль контролирует внешнюю политику США, и это мнение разделяют не только исламские фундаменталисты. Сложная действительность, а также еще более сложные представления об узах, связывающих США и Израиль, будут оставаться фундаментальной проблемой глобальной стратегии США на протяжении следующего десятилетия.

Американо-израильские отношения также являются примером вечного спора реалистов и идеалистов о внешней политике. Тесные отношения Америки с Израилем основаны как на национальных интересах, так и на моральном убеждении в том, что США должны оказывать поддержку режимам, которые подобны режиму, существующему в самой Америке. Разумеется, последнее убеждение стало ареной острой философской дискуссии. Идеалисты сосредоточивают внимание на характере израильского режима, который они представляют островком демократии в море автократий. Но есть и те, кто утверждает, что из-за своей политики по отношению к палестинцам Израиль утратил всякие права на моральные притязания. Среди реалистов есть не только люди, утверждающие, что Израиль улучшает отношения с арабами, но и те, кто считает, что Израиль является союзником США в борьбе с терроризмом.

Если существует какая-то точка, в которой труднее всего найти непротиворечивый план, включающий стратегические и моральные интересы, то нельзя не назвать Израиль. Но для того чтобы действительно понять сложное положение вокруг Израиля, необходимо обратиться к истории.

Учитывая древность Ближнего и Среднего Востока, хорошо, что для понимания нынешней политической географии этого региона нам не надо заходить далее XIII в. н. э. То было время постепенного исчезновения Византийской империи, когда контроль над территориями между Черным морем и восточной частью Средиземного моря перешел к туркам-османам. В 1453 г. турки взяли Константинополь и к XVI в. стали господствовать на большей части территории, некогда завоеванной Александром Великим. Со времен Колумба и до XX в. турки господствовали на большей части Северной Африки, в Греции, на Балканах, а также на восточном побережье Средиземного моря.

Всему этому пришел конец, когда турки, бывшие союзниками Германии, потерпели поражение в Первой мировой войне. Победителям достались трофеи, в числе которых была и обширная провинция Османской империи, известная как Сирия. По секретному соглашению Сайкса — Пико¹⁹ эта территория была поделена между союзниками по линии, проходящей от горы Хермон строго на запад, к морю. Территория к северу от этой разграничительной линии отошла под контроль французов, к югу — под контроль англичан. В результате дальнейшего дробления этих земель, кроме современной Сирии, возникли еще Ливан, Иордания и Израиль.

Французы со времен Наполеона стремились обрести влияние в этом регионе. Кроме того, они обязались защищать немногочисленных христиан-арабов от большинства населения, исповедовавшего ислам. Во время гражданской войны, бушевавшей в регионе в 60-х годах XIX в., французы действовали в союзе с фракциями, ориентировавшимися на Францию. Париж желал сохранения этих союзнических отношений, и в 20-х годах XX в., когда французы наконец обрели контроль над этими территориями, они превратили

часть Сирии, населенную преимущественно христианами-маронитами, в отдельную страну, именованную по названию господствующей топографической особенности — горы Ливан. Таким образом, как государство или хотя бы единая этно-конфессиональная сущность Ливан никогда прежде не существовал. Главной чертой, сплачивающей эту страну, было то, что ее население испытывало влечение к Франции.

Британская зона к югу от линии Сайкса — Пико также была разделена по аналогичным произвольно проведенным линиям. Во время Первой мировой войны хашимиты²⁰ поддерживали британцев. В благодарность за поддержку британцы обещали после войны сделать этот клан правителями всей Аравии. Но у Лондона были обязательства и по отношению к другим арабским кланам и родам.

Саудида²¹, опиравшиеся на Кувейт, соперничали с хашимитами и с 1900 г. вели войну с турками за контроль над восточными и центральными районами Аравийского полуострова. В борьбе, вспыхнувшей вскоре после окончания Первой мировой войны, победили саудида, которым британцы и отдали Аравию. Хашимиты получили утешительный приз в виде Ирака, в котором они и правили до 1958 г., когда монархия была свергнута в результате военного переворота.

Хашимитов, остававшихся в Аравии, также переместили в более северный район, раскинувшийся вдоль восточного берега реки Иордан. Этот новый протекторат, центром которого стал город Амман и в котором не было иных явных поселений, получил название Трансиордания, буквально «территория за рекой Иордан». После ухода англичан в 1948 г. Трансиордания стала Иорданией, страной, которой никогда прежде не было, как не существовало в прошлом Ливана и Саудовской Аравии.

Западный берег реки Иордан и территория к югу от горы Хермон были еще одним районом, некогда входившим в качестве административной единицы в состав османской Сирии. Большую часть этой территории называли Филистинией (отсюда и филистимляне). Герой этого племени Голиаф в библейские времена сражался с Давидом.

Британцы дали слову «Филистиния» древнегреческую транскрипцию и получили слово «Палестина», которое и использовали в качестве названия этого нового района. Его столицей был Иерусалим, а жителей с тех пор стали называть палестинцами.

Ни одно из этих новообразований не было страной или народом. За исключением самой Сирии, ни у одного из них не было общей истории или национальной идентичности, которые могли бы претендовать на восходящую к библейским временам генеалогию. Ливан, Иордания и Палестина были изобретениями французов и англичан, которые создали эти страны для собственного политического удобства. История этих стран не простирается дальше соглашения Сайкса — Пико и ряда двуручнических пактов, заключенных англичанами с арабскими шейхами.

Но все сказанное не означает, что у жителей этих стран не было исторических связей с землей, на которой они жили. Даже если эта земля не была их родиной, она определенно была их домом, но и здесь возникали сложности. В Османской империи собственность на землю, особенно в Палестине, была полуфеодальной. Землевладельцы, не жившие в своих поместьях, взимали арендные платежи с феллахов — крестьян, в действительности обрабатывавших землю.

Пришествие евреев началось с 80-х годов XIX в., когда в Палестину стали переселяться представители еврейской диаспоры. Переселенцы присоединялись к сравнительно небольшим еврейским общинам, которые веками существовали в Палестине (как и в большинстве других арабских регионов). Эта иммиграция была частью сионистского движения, которое, вдохновляясь европейской идеей образования еврейского государства, стремилось к созданию национального очага в регионе, которым евреи владели в библейские времена.

Приезжавшие малыми группами евреи селились на землях, купленных на собранные ими в Европе средства. Нередко эти земли покупались у отсутствовавших землевладельцев, продававших землю, на которой жили

арендаторы-арабы. С точки зрения евреев, это было законным приобретением земли. С точки зрения арабов-арендаторов, это было прямым посягательством на главное условие их существования и сносом с земель, которые возделывали их семьи на протяжении многих поколений. Чем больше прибывало евреев, тем менее законным становилось приобретение земли, права на которую зачастую были в любом случае сомнительны, и, соответственно, тем чаще при выяснении прав на землю прибегали к насилию.

Хотя арабы в общем (но не всецело) считали евреев иноземными захватчиками, среди них не было согласия по вопросу, который был, пожалуй, наиболее важным: к какому государству и к какому народу относятся жители Палестины?

Сирийцы относились к Палестине, а также к Ливану и Иордании как к неотъемлемым частям исторической Сирии. Сирийцы возражали против независимой Палестины, как впоследствии возражали против существования независимого еврейского государства: по их мнению, соглашение Сайкса — Пико нарушало историческую территориальную целостность Сирии.

У пришедших с Аравийского полуострова хашимитов с палестинцами возникли еще большие проблемы. В конце концов, хашимиты были арабским племенем, переселенным на восточный берег Иордана. В 1948 г., после ухода англичан, хашимиты, так сказать, по умолчанию стали правителями местности, ныне называемой Западным берегом реки Иордан. Хотя хашимиты в этническом отношении были близки палестинцам (автохтонным жителям этого района) и также исповедовали ислам, они резко отличались от палестинцев своей культурой и историей. Собственно говоря, эти две группы арабов были враждебны друг другу. Хашимиты (ныне иорданцы) считают, что Палестина принадлежала им по праву, по крайней мере та ее часть, которая не была занята евреями до образования государства Израиль. Действительно, со времени, когда евреи стали численно преобладать в Палестине и обрели в ней могущество, хашимитские правители Иордании рассматривали еврейских

переселенцев из Восточной Европы как союзников в борьбе с палестинскими арабами.

К юго-западу от Израиля находится Египет, в котором в разные периоды тоже господствовали французы и англичане, а также турки. В 1956 г. в Египте произошел военный переворот, в результате которого к власти пришел Гамаль Абдель Насер. Насер выступал против существования Израиля, но его подход к проблеме весьма существенно отличался от подхода палестинцев. Насер мечтал о создании единого арабского государства, Объединенной Арабской Республики. На очень короткое время он добился успеха, создав объединенное государство с сирийцами. По мнению Насера, все страны арабского мира были незаконными порождениями империализма, и им всем надо объединиться в единое государство под руководством крупнейшей и самой мощной арабской страны, Египта. В рамках такого замысла никакой Палестины не могло существовать: палестинцы — это просто арабы, занимающие некую плохо очерченную территорию.

Все арабские страны региона, за исключением Иордании, желали уничтожить Израиль, но ни одна из этих стран не поддерживала и даже не обсуждала создание независимой Палестины. Сектором Газа, оккупированным Египтом во время войны 1948 г., в течение последующих 20 лет управляли как частью Египта. Западный берег реки Иордан оставался частью Иордании. Сирийцы хотели, чтобы и Иордания, и Палестина, как и Ливан, были возвращены Сирии. Вопрос был довольно сложным, но Шестидневная война 1967 г. снова в корне изменила ситуацию.

В 1967 г. Египет изгнал силы ООН по поддержанию мира с Синайского полуострова и ремилитаризовал эту территорию. Египтяне также ввели блокаду Баб-эль-Мандебского и Тиранского ²² проливов, отрезав израильский порт Эйлат от Красного моря. В ответ на эти действия израильтяне атаковали не только Египет, но и принадлежавший Иордании Западный берег реки Иордан, с которого арабы вели обстрел Иерусалима, и Голанские

высоты в Сирии, откуда также обстреливали израильские поселения.

Успехи Израиля. в том числе оккупация Западного берега реки Иордан, преобразили весь регион. Впервые в современной истории под властью Израиля неожиданно оказалось много палестинских арабов, населявших земли, оккупированные в результате войны. По-видимому, первоначально Израиль намеревался обменять захваченные им территории на соглашение о прочном и длительном мире со своими арабскими соседями. Однако на встрече, состоявшейся в Хартуме после войны 1967 г., арабские государства ответили знаменитыми тремя «нет», заявив, что не будут вести с Израилем никаких переговоров, не признают Израиль и не заключат с ним мира. С этого момента израильская оккупация бывших палестинских территорий стала постоянной.

Именно в этот момент палестинцев впервые стали рассматривать как особый народ. Египтяне спонсировали группу, известную под названием «Организация освобождения Палестины» (ООП), во главе которой поставили молодого человека по имени Ясир Арафат. Насер все еще грезил арабской федерацией, но ни одна другая страна не хотела соглашаться с его лидерством. Насер был не готов уступать место кому-либо, что по умолчанию сделало ООП и входившие в нее группы вроде «Фатх» единственными защитниками палестинского государства.

В Иордании были рады, что палестинцы теперь оказались на территории Израиля и стали проблемой Израиля. Иорданцы с радостью признали ООП представителем палестинского народа и также радовались, что израильтяне не допускают независимости Палестины. Сирийцы поддерживали другие, созданные ими самими организации вроде «Народного фронта освобождения Палестины», который требовал уничтожения Израиля и включения палестинцев и Палестины в состав Сирии. Таким образом, признание палестинского национализма в арабском мире не было ни всеобщим, ни дружественным. Действительно, поддержка, оказываемая арабскими странами

палестинцам, по-видимому, возростала пропорционально степени удаленности той или иной арабской страны от Палестины.

Из этой краткой сводки становится очевидным, что моральные доводы, касающиеся прав Израиля (а любой американский президент должен разбираться с подобными доводами), крайне сложны. Помимо перемещения значительных масс населения, произошедшего в результате создания современного Израиля, иммиграция евреев из Европы не означала уничтожения палестинского народа, потому что такого народа просто не существовало. Собственно говоря, палестинский народ как особая сущность возник только в 1967 г. в результате сопротивления израильской оккупации. А враждебность к национальным притязаниям палестинцев среди арабов стала же сильна, как и среди израильтян. Внешняя политика Израиля сформирована этими реалиями и использует предоставляемые ими преимущества для установления нынешнего политического порядка в регионе. Но что бы там ни было в прошлом, несомненно, что сегодня существует палестинский народ, обладающий национальным самосознанием, и существование этого народа должно получить определенное отражение во внешней политике США в будущем.

Помимо крайне осторожного обращения с невероятно сложной историей, которая влияет на любые моральные суждения, политика США в этом регионе должна учитывать два основополагающих факта. Прежде всего, каковы бы ни были исторические притязания израильтян, если судить с позиций XX в., евреи — переселенцы с другого континента, вытеснившие местных жителей. И снова американцам, которые сами еще более жестко и жестоко вытеснили индейцев, трудно предъявлять моральные претензии Израилю, обвиняя его в узурпации палестинских земель и изгнании с них арабского населения.

Более сильным является моральный довод, выдвинутый Рузвельтом в пользу поддержки Франции и Великобритании в войне с нацистской Германией: Израиль (за

исключением Западного берега реки Иордан и сектора Газа) — демократическое государство, а США — «арсенал демократии». Это означает, что у США есть особые отношения с демократическими государствами и что США несут обязательства, которые выше геополитических соображений. Таким образом. Америка должна поддерживать демократический Израиль и делать это независимо от каких-либо иных моральных и даже геополитических соображений.

Реалисты не согласятся с подобной позицией и снова напомнят, что выдвигаемые всеми сторонами моральные притязания не могут влиять на США, которые должны разрабатывать свою политику соответственно собственным национальным интересам. Однако я утверждаю, что преследование национальных интересов, не связанное с моральными целями, делает национальные интересы мелкими и неполными. Еще более важно то, что определение национального интереса на Среднем Востоке само по себе чрезвычайно усложнено. Моральный компас необходим, но его стрелка может указывать самые разные направления. Преследование национальных интересов — дело менее очевидное, чем может казаться.

Моральные доводы, имеющие корни в исторических претензиях, можно подогнать под сиюминутные потребности, что все и делают. Поэтому простые моральные суждения не затрагивают реальностей, а достижение простой, непротиворечивой моральной позиции — ошеломляюще трудное дело. Что касается реалистической позиции, то определить, какой она может быть, крайне тяжело.

Итак, перед нами стоит вопрос: как сформулировать реалистичную внешнюю политику, которая в наступающем десятилетии служила бы высшей моральной цепи США и их национальным интересам? Чтобы на него ответить, необходимо рассмотреть историю взаимоотношений США и Израиля.

США и Израиль

США признали независимость Израиля в 1948 г., но эти две страны вряд ли были союзниками в каком-либо смысле этого слова. Хотя США всегда признавали право Израиля на существование, это обстоятельство на самом деле никогда не было движущим мотивом американской политики. В 1948 г., когда возник Израиль, главный интерес США заключался в сдерживании СССР, и усилия США были сосредоточены главным образом и прежде всего на Турции и Греции. В Греции шла борьба с греческими повстанцами-коммунистами. Греции и Турции извне угрожал Советский Союз. Для США Турция была ключом к региону. Единственный узкий пролив Босфор, контроль над которым принадлежал Турции, блокировал проход крупных соединений ВМФ СССР из Черного моря в Средиземное. Если бы СССР установил контроль над этим проливом, то смог бы бросить вызов могуществу США и создать угрозу средиземноморским странам Европы.

Серьезным препятствием для американской стратегии сдерживания на Среднем Востоке оказалось то, что англичане и французы пытались восстановить свое влияние в регионе, которым они владели до Второй мировой войны. Стремясь установить более тесные связи с арабским миром, СССР мог эксплуатировать (и эксплуатировал) враждебность, которую вызывали у арабов махинации европейцев. После того как к власти в Египте пришел Насер, который в 1956 г. национализировал Суэцкий канал, ситуация обострилась.

Ни англичане, ни французы (которые в то время силой подавляли антиколониальное восстание в Алжире и стремились восстановить свое влияние в Ливане и Сирии) не хотели, чтобы канал контролировал Египет. Не хотел этого и Израиль. В 1956 г. эти три государства составили заговор, позволивший Израилю вторгнуться в Египет, но сложность данной интриги заключалась в том, что как только израильские войска выйдут к каналу, англо-французские силы должны будут вступить в войну и захватить канал для предотвращения израильского вторжения и возможного

конфликта с Египтом Это один из тех планов, которые имеют смысл тогда, когда они составляются на салфетке после нескольких коктейлей.

С точки зрения американцев, такого рода авантюра была не только обречена на провал, но и загоняла Египет в советский лагерь, что давало египтянам сильного стратегического союзника. Поскольку все, что могло увеличить советскую мощь, было неприемлемо для США, администрация президента Эйзенхауэра выступила против Суэцкой авантюры, заставив Израиль отойти на линию границы 1948 г. Как и раньше, в конце 50-х годов в отношениях между Израилем и США никакого охлаждения не произошло.

Для Израиля стратегической проблемой было то, что потребности его национальной безопасности всегда превосходили его индустриальные и военные возможности. Говоря иначе, учитывая угрозы, которые представляли для Израиля Египет и Сирия, а возможно, и Иордания (не говоря уже об СССР), Израиль не мог производить оружие, необходимое для самозащиты. Для того, чтобы обеспечить надежный источник получения вооружений, Израиль нуждался в мощном покровителе в лице другой державы.

Первым кандидатом на эту роль в Израиле считался СССР. В СССР Израиль рассматривали как страну, которая была настроена против Великобритании и с которой можно было заключить союз. СССР поставлял оружие Израилю через Чехословакию, но эти отношения быстро развалились. Затем в роли благодетеля Израиля вместо СССР выступила Франция, которая все еще вела боевые действия в Алжире. Арабские страны поддерживали алжирских повстанцев, поэтому привлечение сильного Израиля к противодействию арабам соответствовало интересам Франции, в связи с чем французы предоставили Израилю военные самолеты, танки и основы технологии производства ядерного оружия.

В то время США все еще рассматривали Израиль как помеху, которая главным образом способствовала отчуждению арабов. Но после Суэцкого кризиса у США не было особых надежд на установление хороших отношений с

арабскими странами. Американцы вмешались в кризис на стороне Египта, но египтяне все равно перешли в советский лагерь. Французам и англичанам оставалось стоять за кулисами нескольких режимов, прежде всего в Сирии и Ираке, но эти режимы по природе своей были нестабильными и крайне подверженными воздействию выдвинутой Насером доктрины воинственного арабского национализма. Сирия перешла в советский лагерь еще в 1956 г., но в 1963 г военный переворот, совершенный левыми офицерами, закрепил ориентацию Сирии на СССР. В том же году похожий переворот произошел в Ираке.

К 60-м годам XX в. американская поддержка арабов начала казаться все более сомнительным предприятием. Несмотря на то, что единственной помощью, которую США оказывали Израилю, было продовольствие, арабский мир решительно качнулся к антиамериканизму. СССР был готов финансировать проекты, которые не хотели финансировать США, и советская модель была более привлекательна для арабских социалистов. Причин для этого было много, и существование Израиля было далеко не единственной из них. Какое-то время США сохраняли отстраненность от событий на Ближнем и Среднем Востоке и довольствовались тем, что разрешали французам поддерживать близкие отношения с Тель-Авивом. Но когда США начали поставки систем ПВО антисоветским режимам региона, в список получателей этой помощи был включен и Израиль.

В 1967 г. Шарль де Голль положил конец войне в Алжире²³. Стремясь возобновить прежние отношения Франции с арабским миром, он не хотел, чтобы Израиль нападал на своих соседей. Когда израильтяне пренебрегли его требованиями и начали Шестидневную войну, они лишились поставок оружия из Франции. Победа Израиля над соседними арабскими странами в этом скоротечном, но решающем конфликте была хорошо воспринята в США, которые в то время увязли во Вьетнаме. Израиль, казалось бы, предоставил модель быстрых и решительных боевых действий, которая оказала гальванизирующее воздействие на дух американцев. Израильтяне извлекли выгоду из этих

настроений и стали энергично добиваться расположения США.

Президент Линдон Джонсон, удрученный войной во Вьетнаме, с радостью воспользовался возможностью опереться на общественное мнение для сближения с Израилем, но улучшение отношений с засверкавшим новым блеском еврейским государством служило и стратегическим интересам США. Во-первых, стимулирование поддержки обществом любой войны можно было использовать и для поддержки войны во Вьетнаме. Во-вторых, победа Израиля усилила и без того мощное советское влияние в Египте и Сирии. В этих условиях Израиль становился полезным союзником. У американо-израильских отношений появилась стратегическая основа. В середине 60-х годов СССР проник в Сирию и Ирак и всюду наращивал военную мощь обеих стран. Принятая СССР стратегия преодоления кольца союзников США заключалась в перепрыгивании этого кольца, приобретении новых сторонников в тылу союзников США и в последующих попытках оказывать на последних военное и политическое давление. Турция, которая всегда находилась в центре американского стратегического мышления, для СССР, как и для США, была ключом к региону. Перевороты в Сирии и Ираке задолго до 1967 г. усугубили стратегическую проблему для США. Турция теперь оказалась зажатой между могучим Советским Союзом с севера и двумя клиентами СССР с юга. Если бы СССР развернул собственные силы в Ираке и Сирии, Турция попала бы в беду, а вместе с нею и вся американская стратегия сдерживания СССР.

Теперь Израиль представлял стратегический актив, позволявший США перепрыгивать СССР и страны, где было сильно советское влияние. Для того чтобы связать силы Ирака, США вооружили Иран, который был важен и сам по себе, поскольку имел границу с СССР. У Израиля границы с СССР нет, но он граничит с Сирией, и проамериканский Израиль связывал сирийцев, а также делал развертывание советских сил в Сирии более сложным и рискованным предприятием. Кроме того, Израиль был противником Египта. СССР не только вооружал Египет, но и использовал порт

Александрии в качестве своей военно-морской базы, что могло представлять угрозу Шестому флоту США в Средиземном море.

Вопреки распространенному мнению, египтяне и сирийцы не стали просоветски настроенными из-за поддержки Израиля американцами. В сущности, события развивались в противоположном направлении. Сдвиг в Египте и переворот в Сирии произошли до того, как США сменили Францию в роли поставщика оружия Израилю, что стало процессом, вызванным, в сущности, политикой Египта и Сирии. Как только Египет и Сирия примкнули к СССР, вооружение Израиля стало дешевым решением проблемы сдерживания этих двух стран и принуждения СССР перейти в данном регионе к обороне, что позволило сохранить Средиземноморье за США и ослабить давление на Турцию. Именно тогда — именно по стратегическим, а не моральным причинам — США начали оказывать Израилю значительную помощь.

Стратегия США оказалась успешной. В 1973 г. египтяне отказались от военной помощи Советского Союза. В 1978 г. Египет подписал мирный договор с Израилем, тем самым устранив исходившую из Александрии советскую угрозу. Хотя Сирия сохраняла ориентацию на СССР, вынужденный уход советских военных из Египта притупил советскую угрозу в Средиземноморье. Тем временем появилась и другая угроза: палестинский терроризм.

ООП была создана Насером в качестве элемента его затяжной борьбы с монархиями Аравийского полуострова, в попытке свергнуть королевские династии и интегрировать их в придуманную им Объединенную Арабскую Республику. Советская разведка, стремившаяся ослабить США посредством нагнетания нестабильности в Аравии, подготовила боевиков ООП и помогла их развертыванию. В сентябре 1970 г., когда Ясир Арафат организовал восстание против правивших в Иордании хашимитов, бывших главными союзниками США и скрытыми союзниками Израиля, ситуация стала критической. Одновременно Сирия двинула свои бронетанковые войска в Иорданию, намереваясь

воспользоваться хаосом и восстановить свое господство над этой страной. Последовало вмешательство ВВС Израиля, которые блокировали движение сирийцев, а США по воздуху перебросили пакистанские войска на поддержку иорданских сил, подавлявших восстание. В боях погибло около 10,000 палестинцев. Арафат бежал в Ливан.

Этот конфликт породил группу, известную под названием «Черный сентябрь», которая, наряду с прочим, в 1972 г. совершила убийство израильских спортсменов во время Олимпийских игр в Мюнхене. «Черный сентябрь» был тайным филиалом подчиненного Арафату движения «Фатх», но особо важным эту организацию делало то, что она служила также интересам СССР в Европе. В 70-х годах СССР проводил кампанию по дестабилизации, мобилизуя террористические группы (в числе других стран, во Франции, Италии и Германии) и оказывая поддержку таким организациям, как «Ирландская республиканская армия» (ИРА).

В этом «террористическом интернационале» палестинцы заняли важное место, что способствовало еще большему укреплению связей между США и Израилем. Чтобы предотвратить дестабилизацию НАТО, США стремились разгромить террористические организации, члены которых проходили подготовку в Ливии и Северной Корее. Со своей стороны, израильтяне стремились к уничтожению тайных сил палестинцев. В течение следующих 20 лет ЦРУ и внешняя разведка Израиля «Моссад» тесно сотрудничали в деле подавления террористических движений, которые не ослабевали до середины 80-х годов, когда СССР перешел к более примирительной политике по отношению к Западу. В это время ЦРУ и «Моссад» сотрудничали в деле обеспечения безопасности Аравийского полуострова от тайных операций СССР и ООП.

Развал СССР (и, на самом деле, сдвиг в политике, произошедший после смерти Леонида Брежнева) радикально изменил эту динамику. Турции более ничто не угрожало. Египет приходил в упадок, превращаясь в слабую страну, неспособную угрожать Израилю. Кроме того, Египет был

крайне враждебен по отношению к Хамас». Созданная в 1987 г. организация «Хамас» была производной от «Братьев-мусульман», угрожавших режиму президента Египта Хосни Мубарака. Сирия была изолирована и сосредоточена на Ливане. Иордания во многих отношениях превратилась в израильский протекторат. Угроза со стороны светского, социалистического палестинского движения, некогда образовавшего ООП и оказывавшего поддержку террористическим движениям в Европе, значительно сократилась. Американская помощь Израилю не снижалась, тогда как экономика Израиля переживала подъем. В 1974 г., когда помощь начала поступать в существенных объемах, она составляла около 21% от ВВП Израиля. Сегодня, по данным Исследовательского управления конгресса США, американская помощь составляет 1,4% ВВП Израиля.

И здесь снова очень важно понимать, что антиамериканские настроения в арабском мире не порождены американо-израильским сотрудничеством, но являются его результатом. Интересы, связывавшие Израиль и США в течение 1967-1991 гг., были ясными и значительными. Столь же важно понимать, что после 1991 г. основа этих отношений стала менее очевидной. Нынешнее положение дел диктует необходимость поставить четко сформулированный вопрос: что США нужно от Израиля и, наоборот, что нужно Израилю от США? Поскольку мы рассматриваем внешнюю политику, которую США будут проводить в следующем десятилетии, столь же важно спросить, насколько сильно узы с Израилем служат национальным интересам США

Что до морального аспекта прав израильтян и палестинцев, то тут прошлое хаотично. Утверждение, что у евреев нет никаких прав в Палестине, можно отстаивать только в том случае, если люди, выдвигающие этот тезис, готовы утверждать, что у европейцев нет никаких прав в Америке или Австралии. В то же время нельзя не признать, что между правом Израиля на существование и правом Израиля оккупировать родину большого числа палестинцев, не желающих жить в оккупации, пролегает значительная

дистанция. С другой стороны, как можно требовать, чтобы Израиль уступил контроль над этой территорией, если очень многие палестинцы не признают за Израилем права на существование? Споры о морали начинают вызывать головокружение и тошноту и не могут быть основой внешней политики ни одной из сторон. Поддержка Израиля потому, что США поддерживают демократию, — довод, намного более убедительный, но даже он должен быть помещен в контекст национальных интересов. И следует помнить, что США применяют этот принцип, мягко говоря, непоследовательно.

Современный Израиль

В настоящее время Израиль находится в стратегической безопасности. Израиль стал господствующей в регионе державой, построив баланс сил со своими соседями, основанный как на взаимной враждебности, так и на зависимости от Израиля некоторых арабских стран.

Самым важным элементом этой системы является Египет, некогда представлявший наибольшую стратегическую угрозу Израилю. В 70-х годах египетское руководство решило, что продолжение вражды с Израилем и сближение с СССР не в интересах Египта, и это привело к заключению мирного договора с Израилем. Договор предусматривал создание демилитаризованной зоны на Синайском полуострове, что разводило в разные стороны египетские и израильские силы. После устранения угрозы со стороны Египта Израиль достиг безопасности, так как Сирия сама по себе не представляла опасности, с которой израильтяне не могли бы справиться.

Мир между Египтом и Израилем всегда казался зыбким, но в действительности он построен на очень мощных геополитических основаниях. По географическим и технологическим причинам Египет не может разгромить Израиль. Для выполнения этой задачи Египту надо создать систему снабжения войск, пролегающую через весь Синайский полуостров и способную обеспечивать сотни тысяч военнослужащих, а такую систему сложно построить и трудно оборонять.

Израиль не может разгромить Египет, как не может и вести затяжную войну на истощение. Для того чтобы победить, Израилю необходимо победить быстро, ибо постоянная израильская армия мала и вынуждена черпать живую силу из гражданских резервов, что невозможно делать в течение продолжительного времени. Даже в 1967 г., когда Израиль одержал победу за несколько дней, потребности боевых действий в живой силе парализовали израильскую экономику, и, если бы удалось разгромить египетскую армию, Израиль не смог бы оккупировать лежащие в долине реки Нил внутренние районы Египта. На этой территории проживает

более 70 млн человек, и у израильской армии не хватит ресурсов, чтобы даже начать контролировать внутренние районы Египта.

Вследствие этой патовой ситуации Египет и Израиль, воюя друг с другом, многим рискуют и мало что выигрывают. Кроме того, правительства обеих стран ныне борются с одним и тем же противником — радикальным исламизмом. Современный египетский режим все еще в значительной мере остается наследником светской, социалистической и милитаристской революции Гамалы Абдель Насера. Этот режим никогда не был исламистским. Ему всегда бросали вызов истинно правоверные мусульмане, особенно группы, сплотившиеся вокруг «Братьев-мусульман» — суннитской организации, которая является самой сильной из группировок, оппозиционных существующим в арабских странах режимам. Египетское правительство подавило эту организацию. Египетские руководители боятся, что успех «Хамас» может создать угрозу дестабилизации их собственного режима. Таким образом, как бы ни ворчали египетские руководители на политику Израиля по отношению к палестинцам, они разделяют враждебность Израиля к «Хамас» и предпринимают энергичные действия для сдерживания «Хамас» в пределах сектора Газа.

Соглашение Израиля с Египтом действительно является самым важным из отношений Израиля с другими странами. До тех пор, пока соглашение между Египтом и Израилем сохраняется, национальная безопасность Израиля гарантирована, так как никакая другая комбинация соседних арабских стран не может угрожать этой безопасности. Даже если светский египетский режим падет, пройдет поколение, прежде чем Египет сможет стать угрозой для Израиля — и то только в том случае, если заручится покровительством какой-нибудь крупной державы.

Несмотря на то, что граница по реке Иордан — самая уязвимая граница Израиля, не представляет для него угрозу и Иордания. Протяженность границы между Израилем и Иорданией составляет несколько сотен миль, а расстояние от этой границы до коридора Тель-Авив — Иерусалим менее

80.5 км. Однако иорданская армия и спецслужбы охраняют границу в интересах Израиля. Это любопытное обстоятельство существует по двум причинам.

Во-первых, иордано-палестинская вражда — это угроза хашимитскому режиму, и, подавляя палестинцев, Израиль действует в интересах национальной безопасности Иордании. Во-вторых, иорданцы немногочисленны и так легко могут быть разгромлены Израилем, что не представляют опасности. Единственный случай, когда граница по реке Иордан будет опасной, может возникнуть, когда какая-то третья страна (такой страной, скорее всего, могут стать Ирак или Иран) послала бы свои войска в Иорданию и развернула бы их вдоль реки Иордан. Так как Иордан отделен от этих стран пустынями, развертывание и обеспечение войск — трудная задача. Но еще более важно, что такое развертывание войск третьей страны означало бы конец хашимитского королевства Иордания, которое будет делать все возможное, чтобы предотвратить размещение значительных иностранных сил на своей территории, и получит в этом поддержку Израиля. Таким образом, Израиль и Иордания связаны, как сиамские близнецы.

Остается Сирия, которая сама по себе не создает угрозы Израилю. Сирийская армия малочисленнее полностью отмобилизованной армии Израиля, а участки, на которых сирийцы могли бы атаковать, слишком узки для достижения успеха. Намного более важным обстоятельством является то, что Сирия — государство, ориентированное на Запад, на Ливан. А это не только страна, которую сирийцы считают своей. Ливан — это государство, с которым у правящей в Сирии элиты, алавитов²⁴, имеются тесные исторические узы.

Ливан — перекресток, где встречаются северный арабский мир и Средиземноморье. Банки и недвижимость Бейрута, а также торговля контрабандой и наркотиками в долине Бекаа представляют для сирийцев намного больший практический интерес, чем любые мечтания об объединении в составе Сирии всех территорий, которые входили в Сирию во времена, когда она сама была провинцией Османской империи. На практике сирийцы заинтересованы в

установлении своего неформального господства над Ливаном и в его неформальной интеграции в национальную экономику Сирии.

После заключения Кэмп-Дэвидского соглашения²⁵ между Египтом и Израилем в 1978 г. Сирия, столкнувшись с враждебностью Ирака, оказалась в регионе в изоляции. Сирийцы также враждебно относились к руководимому Арафатом движению «Фатх» и зашли в этой вражде настолько далеко, что в 1975 г. начали войну с палестинцами. Тем не менее сирийцы заметили свою уязвимость. Иранская революция 1979 г. создала новые отношения, пусть и дальние, но позволившие сирийцам усилить свое влияние в Ливане с помощью идеологических и финансовых ресурсов Ирана. После израильского вторжения в Ливан в начале 80-х годов в этой стране было сформировано антиизраильское ополчение, получившее название «Хезболла». Отчасти «Хезболла» — просто элемент расстановки сил в Ливане, отчасти — сила, созданная для борьбы с Израилем. Но в обмен на получение от Израиля «свободы рук» в Ливане Сирия пообещала обуздать действия «Хезболлы» против Израиля. Это соглашение было разорвано в 2006 г., когда США вынудили сирийских военных уйти из Бейрута, что стало наказанием за поддержку джихадистов в Ираке. В результате Сирия отказалась от всех своих обещаний Израилю.

Чем сильнее погружаешься в подробности, тем более сильное головокружение вызывают этот сложный, проникнутый двусмысленностями регион, и попытки вкратце изложить стратегические отношения в нем. Израиль находится в состоянии мира с Египтом и Иорданией, причем в силу важных взаимных причин этот мир отнюдь не хрупок. Если Египет и Иордания живут в мире с Израилем, Сирия оказывается слишком слабой и изолированной, чтобы быть опасной для Израиля. Угрозу представляет «Хезболла», но эту угрозу нельзя считать значительной.

Основная угроза Израилю исходит изнутри, от живущих в условиях оккупации и враждебно настроенных палестинцев. Но хотя главное орудие палестинцев — терроризм — может причинять страдания, он, в конечном счете, не может

уничтожить Израиль. Даже если к террористической деятельности палестинцев, живущих в Палестине, присоединятся «Хезболла» и другие группы, действующие из-за рубежа, государству Израиль не угрожает серьезная опасность: во-первых, ресурсы, которые эти группы могут применить, неадекватны; во-вторых. Сирия, опасаясь возмездия Израиля, ограничивает деятельность этих групп.

Действительно, раскол среди палестинцев снижает трудности Израиля. До 90-х годов главной силой в палестинском сообществе была организация Арафата — «Фатх». Подобно насеровскому движению, от которого произошла «Фатх», она была светской и социалистической, а не исламистской группировкой. В 90-х годах возникла группировка «Хамас», что вызвало раскол среди палестинцев, вылившийся в гражданскую войну. «Фатх» контролирует правый берег реки Иордан, «Хамас» контролирует сектор Газа. Израильтяне, ведущие по отношению к палестинцам и в регионе в целом игру в баланс сил, теперь дружелюбно относятся к «Фатх» и поддерживают ее, но враждебно относятся к «Хамас». Вероятность столкновения «Хамас» и «Фатх» столь же велика, как и вероятность их совместного выступления против Израиля.

Помимо личных трагедий, которые вызывает терроризм, для израильтян опасность заключается в том, что терроризм может сместить внешнюю политику со стратегических вопросов к простому управлению угрозами. Убийство израильтян террористами-самоубийцами никогда не станет приемлемым, и ни одно правительство Израиля, игнорирующее эту проблему, не сможет устоять. Но баланс сил защищает Израиль от угроз со стороны арабских национальных государств, а угроза терроризма, исходящая с оккупированных территорий, лишь вторична.

С библейских времен Израиль сталкивается с одной и той же проблемой. Израиль всегда мог контролировать Египет и любые державы, находящиеся к северу и востоку от него. Только отдаленные государства вроде Вавилона, Персии, Греции времен Александра Македонского и Рима могли завоевать древнее царство евреев. Эти империи были

соперниками, управлять которыми Израиль не мог. Израиль порой вступал в конфликты с крупными державами, но такие конфликты оборачивались для него катастрофами, потому что Израиль либо переоценивал свою силу, либо недооценивал необходимость изоциренной дипломатии.

В подобное положение ныне ставит Израиль терроризм. Угроза насилия — не та угроза, которая может подорвать режим, но она может заставить режим действовать так, что это вынудит какую-нибудь крупную державу сосредоточиться на Израиле. Если Израиль будет слишком ярко высвечен на глобальном радаре, из этого ничего хорошего для Израиля не получится.

С точки зрения Израиля, недовольство, волнения или даже терроризм палестинцев — это то, с чем можно жить. Вмешательство крупной державы, вызванное действиями израильтян по отношению к палестинцам, — вот с чем Израиль не может справиться. Великие (имперские) державы могут позволить себе трату малой доли собственных огромных ресурсов на вопросы, которые могут удовлетворить второстепенные интересы или просто успокоить общественное мнение. Но эта малая доля ресурсов великой державы может во много раз превзойти ресурсы страны вроде Израиля. Вот почему Израиль должен поддерживать дипломатические отношения с другими странами региона, благоразумно управляя палестинцами и палестинским терроризмом.

На сегодня единственной подобной имперской державой являются США, имеющие разнообразные глобальные интересы. Некоторыми из них США пренебрегают в период сосредоточения усилий на борьбе с терроризмом и радикальным исламом. США должны отказаться от этого сосредоточения своей внешней политики на терроризме и установить прочные отношения со странами, которые не считают терроризм важнейшей проблемой мировой политики, перестав думать, что израильская оккупация территории, где проживает много палестинцев соответствует американским интересам.

В то же время существует много региональных держав (таких, как Россия и некоторые страны Европы), которые могут оказывать огромное воздействие на Израиль, и Израиль не может позволить себе быть безразличным к этим интересам. Если Израиль не пересмотрит свое отношение к терроризму и палестинцам, он может оказаться в изоляции и потерять многих своих традиционных союзников, включая США. Это не уничтожит Израиль, но станет предпосылкой его уничтожения.

Как мы видели, поддержка, которую США оказывают Израилю, не является главным фактором, определяющим враждебность мусульман к США, и никакое развитие событий в Израиле не окажет прямого влияния на главные интересы Америки. Соответственно, США не получают серьезных выгод от разрыва союзнических отношений с Израилем или от того, что заставят израильтян изменить политику в отношении палестинцев. В сущности, чистым результатом отчуждения в американо-израильских отношениях станет паника соседей Израиля. Как уже говорилось выше, поддержка палестинцев возрастает по мере удаленности от Палестины, а поддержка в арабском мире носит преимущественно риторический характер.

Если не считать столкновений в Ливане, Израиль сохраняет устойчивое положение и делает это без американской помощи. Египет и Иордания во многих отношениях фактически зависят от Израиля. В том же положении находятся и другие арабские страны. Палестинцы не в силах справиться с Израилем, и этот сложный баланс сил в регионе восточного Средиземноморья сохранится независимо от действий США. Все это приводит к выводу, что, пока израильско-палестинский конфликт продолжается, американцам не следует «будить спящих собак».

Наилучшим вариантом действий для президента США является маргинализация конфликта, превращение его в проблему, в отношении которой не надо предпринимать что-либо означавшее существенный сдвиг. США следует спокойно, незаметно перейти к политике отдаления от Израиля. На деле это будет выглядеть просто признанием

существующего ныне неравновесия сил. Однако в более отдаленной перспективе целью такой политики должно быть восстановление баланса сил, сдерживание Израиля в его нынешнем положении без создания угрозы его существованию. Но подобная политика заставит Израиль пересмотреть свои национальные интересы.

Публичное отдаление США от Израиля, по-видимому, не только откроет возможности для Сирии и Египта, но и вызовет внутривнутриполитические проблемы в самих США. Электоральный вес еврейского населения США незначителен, но благодаря тщательно организованной и хорошо финансируемой лоббистской деятельности еврейское политическое влияние непропорционально велико. Добавьте к этой смеси консерваторов-христиан, считающих, что интересы Израиля имеют большое теологическое значение, — и поймете, что президенту придется столкнуться с могущественным блоком, бороться с которым ему не захочется. По этим причинам президенту США следует и дальше направлять своих специальных представителей, которые будут разрабатывать дорожные карты, ведущие к миру, а также по-прежнему осуждать все стороны ближневосточного конфликта за совершаемые ими преступления. Президенту следует и дальше выступать с речами в поддержку Израиля. Однако президент должен отказаться от любых притязаний на установление «прочного мира», ибо любые попытки достичь такого урегулирования могут в действительности привести к дестабилизации в регионе.

Того, в чем США нуждались прежде, и того, что давал им в свое время Израиль, более не существует. США не нуждаются в Израиле для сдерживания просоветских режимов в Египте и Сирии в то время, когда США заняты в других регионах. Однако Израиль сохраняет ценность как источник разведывательной информации и перевалочная база на путях снабжения американских войск, ведущих боевые действия в других странах.

В ближайшее время Израиль вряд ли столкнется с вероятностью крупной войны с применением обычных

вооружений. Израилю не потребуются масштабные и незамедлительные поставки танков или самолетов, как в 1973 г. Не нуждается Израиль и в финансовой помощи, которую оказывали ему США после 1974 г. Помощь, размер которой достигал 3 млрд долл., в год, составляла почти 25% ВВП Израиля. В настоящее время американская финансовая помощь составляет менее 2% ВВП Израиля, экономика которого полна сил и продолжает расти.

Для Израиля иностранная помощь значит меньше, чем тесные связи с американскими хедж-фондами. В финансовом отношении Израиль вполне самодостаточен. В Израиле, у которого нет формального договора с США, иностранная помощь означает публичное признание обязательств США по отношению к Израилю. Израиль использует это обстоятельство как карту в игре, которую он ведет и в отношении соседей, и в отношении израильской общественности. Некогда в обмен на эту помощь США получали надежного союзника в регионе; союзника, который не мог справиться со своими проблемами без американской финансовой помощи. Теперь США имеют партнера независимо от помощи. Говоря о негативных аспектах, следует отметить, что помощь, предоставляемая США Израилю, создавала основания для утверждений исламистов, которые говорили, что причиной всех проблем исламского мира, включая безжалостность израильтян, являются США. Учитывая незначительность американской помощи, такая ее цена непомерно высока. Отказ от обязательства оказывать помощь Израилю, по сути дела, поможет Израилю, устранив один из плавных аргументов антиизраильского лобби в США.

Разумеется, все это — «элементы украшения» основной, ключевой политики, состоящей в том, чтобы позволить балансу сил восстанавливаться. Во время второй половины холодной войны Израиль имел огромную ценность для США. С окончанием холодной войны выгоды отношений с Израилем для США снизились, а связанные с ними издержки возросли. Стратегическое уравнение не требует разрыва отношений с Израилем, но требует переоценки в свете нынешних реальностей. Израиль не нуждается в иностранной

помощи. Ему не угрожают оснащенные обычным оружием арабские армии. Существует взаимная необходимость обмена разведывательными данными и сотрудничества в разработке вооружений, но это в целом вполне спокойный процесс.

Здесь нет моральных проблем. Америка не бросает на произвол судьбы ни одну из союзных демократий, и существованию Израиля нет даже смутной угрозы. В то же время, хотя урегулирование на Западном берегу реки Иордан, возможно, соответствует коренным национальным интересам Израиля, такое урегулирование не в интересах США. Израиль и США — суверенные государства, а это значит, что оба государства должны определять содержание взаимных отношений. Любые отношения следует рассматривать с точки зрения их ценности для национальных интересов в широком смысле. То, что США было нужно от Израиля 35 лет назад, — не то, в чем нуждаются США теперь.

Со стороны Израиля главный импульс к достижению соглашения с палестинцами исходит из озабоченности отчуждением от США и Европы, которое вызывает отношение израильтян к палестинцам. Экономические отношения важны для Израиля, но столь же важны для него и культурные узы. Но у израильтян имеются внутренние проблемы. Учитывая неорганизованность палестинцев, мысль о достижении урегулирования с Палестинским государством, неспособным или не желающим контролировать террористов на своей территории, не находит широкой поддержки в израильском обществе. Любое урегулирование потребует уступок палестинцам, а израильтяне не хотят идти на эти уступки из-за слабости палестинцев.

Равновесие сил арабов и Израиля обусловлено внешними обстоятельствами. Египет и Иордания предпочли выйти из этого уравнения, и у Израиля есть полная возможность создавать реальности в регионе. Свобода действий Израиля (или любой другой страны) в регионе не соответствует интересам США. Как я уже говорил, определяющим принципом США должен быть принцип баланса сил. США следует переформатировать региональный

баланс сил, отчасти путем сближения с арабскими странами, отчасти путем отдаления от Израиля. Такая политика не представляет опасности для существования Израиля, что могло бы создать моральную проблему. Израилю не грозит падение, и его выживание не зависит от США. Все эти угрозы остались в прошлом. США нужна дистанция, и они ее получают. Да, это вызовет сопротивление в самих США, но отношения между двумя странами нельзя замораживать в режиме, который устарел.

Осложняющим фактором в этом прогнозе является позиция остального исламского мира, в частности и в особенности Ирана и Турции. Иран угрожает стать ядерной державой, а Турция может превратиться в могущественную региональную державу и отойти от тесных отношений с Израилем. Мы начали с сосредоточения внимания на Израиле. Теперь нам надо расширить поле зрения. Именно так и действует баланс сил в империи, и мы рассматриваем всего лишь частный пример этого действия.

Глава 7

Новая стратегия: США, Иран, Ближний и Средний Восток

Огромный район, простирающийся от восточного побережья Средиземного моря до Гиндукуша (за исключением особой зоны, где господствует Израиль), по-прежнему создает исключительные трудности для политики США. Как уже отмечалось, в этом районе у американцев три основных интереса: поддержание регионального баланса сил, обеспечение бесперебойных поставок нефти и разгром сосредоточенных там исламистских групп, которые угрожают США. Любой ход, совершаемый США ради достижения одной из указанных целей, должен предприниматься с учетом двух других целей, что существенно усложняет достижение каждой из них.

Сложность достижения баланса усугубляется тем, что в этом регионе существуют три противоборствующие пары: арабы и израильтяне, индийцы и пакистанцы, иракцы и иранцы. Баланс сил в этих парах соперников нарушен, но самый важный баланс, между иранцами и иракцами, совершенно разрушен в результате вызванного американским вторжением 2003 г. развала иракского государства и иракской армии. Не слишком отстают в плане нарушения равновесия и баланс сил Индии и Пакистана, поскольку война в Афганистане продолжает дестабилизировать Пакистан.

Из материала предыдущей главы следует, что слабость арабов создала ситуацию, в которой израильтянам не надо более беспокоиться по поводу реакции противников. В последующие десятилетия израильтяне постараются извлечь преимущество из этой ситуации и создать в регионе новые

реальности, тогда как США, стремящиеся к стратегическому равновесию, попытаются ограничить приобретения Израиля.

Баланс сил в трех регионах

Равновесие сил Индии и Пакистана дестабилизируют события в Афганистане, крайне сложной зоне боевых действий, где американские войска преследуют две противоречащие друг другу (по крайней мере в том виде, в каком они официально заявлены) цели. Первая из них — необходимо предотвратить использование этой отсталой территории «Аль-Каедой» в качестве оперативной базы. Вторая цель — создание стабильного демократического правительства в Афганистане. Но попытки лишить террористов в этой стране убежища ни к чему не привели, поскольку группировки, следующие принципам «Аль-Каиды» (собственно «Аль-Каиды», группы, сложившейся вокруг Усамы бен Ладена, более не существует), могут появиться где угодно, от Йемена до Кливленда. И это особенно важный фактор в условиях, когда попытки разгромить «Аль-Каиду» требуют дестабилизации страны, управления зарождающейся афганской армией и состоящей из афганцев полицией, а также постоянного вмешательства в афганскую политику. Если в какой-либо стране приходится выполнять подобную силовую роль, способа успешной стабилизации положения в такой стране нет.

Распутывание этой сложности начинается с признания факта, что у США нет никакой жизненной заинтересованности в том, какая форма правления возникнет в Афганистане, а также того, что президент не может допустить, чтобы борьба с терроризмом стала главной силой в формировании национальной стратегии.

Но для того чтобы в течение следующего десятилетия обеспечить баланс сил, еще более важно признать, что Афганистан и Пакистан образуют в действительности одну сущность. В обеих странах проживают различные этнические группы и племена, а политическая граница между этими странами имеет самое малое значение. В совокупности население этих стран превышает 200 млн человек, и США, военный контингент которых в регионе составляет приблизительно 100-тысячную армию, никогда не смогут напрямую диктовать там свою волю и устанавливать порядок, соответствующий американским пристрастиям.

Более того, главной стратегической проблемой является на самом деле не Афганистан, а Пакистан, а истинно важным балансом сил в регионе является в действительности степень противостояния Пакистана и Индии. Со времен обретения независимости отношения между этими двумя государствами, выделенными из одной части Британской империи, характеризуются напряженностью и порой приводили к военным столкновениям. И Индия, и Пакистан — ядерные державы, относящиеся друг к другу с маниакальной подозрительностью. Индия сильнее, но рельеф местности облегчает Пакистану оборону, хотя внутренние районы Пакистана более уязвимы для вторжения. Тем не менее Индия и Пакистан находятся в состоянии статичного противостояния, а именно это и нужно от них США.

Очевидно, конфликты, внутренне присущие поддержанию такого сложного баланса сил, в следующем десятилетии будут огромными. Пакистан будет проигрывать в противостоянии Индии в той мере, в какой будет рассыпаться под давлением США, требующих от него помощи в борьбе с «Аль-Каидой» и сотрудничества с американскими войсками в Афганистане. В результате Индия превращается в единственную державу, господствующую в регионе. Война в Афганистане неизбежно распространится на Пакистан, вызвав в этой стране внутренние конфликты, которые могут ослабить пакистанское государство. Но такая перспектива не является несомненной. Ее легко отвести. Не имея серьезных противников, кроме китайцев, изолированных по другую сторону Гималаев, Индия получит все возможности использовать свои ресурсы для установления господства над акваторией Индийского океана. Велика вероятность, что для достижения этой цели Индия использует свой ВМФ. Торжество Индии уничтожит баланс сил, которого так желают США. Поэтому проблема Индии в действительности намного важнее проблем борьбы с терроризмом и государственного строительства в Афганистане.

Вот почему в течение ближайшего десятилетия американская стратегия в этом регионе должна заключаться прежде всего в создании сильного и жизнеспособного

Пакистана. Самым важным шагом в этом направлении станет ослабление давления на Пакистан в результате прекращения войны в Афганистане. Хотя концентрация энергии базирующихся в Пакистане террористических групп на Индии, а не на США была бы гораздо более предпочтительным вариантом, идеология пакистанского правительства на самом деле значения не имеет.

Усиление Пакистана не только поможет восстановлению баланса сил с Индией, но и восстановит Пакистан как государственную структуру для афганцев и их собственного государства. В обеих этих мусульманских странах много разных, подчас враждующих группировок и разных, зачастую противоречащих друг другу интересов, с которыми США не могут справиться, прибегая к тем или иным формам внутреннего порядка. Однако США могут проводить ту же самую стратегию, которую они избрали после падения СССР. В той мере, в какой это возможно, США могут позволить восстановиться в Афганистане естественному балансу, который существовал в этой стране до американского вторжения. Затем США могут направить ресурсы на содействие созданию сильной пакистанской армии, которая и будет поддерживать восстановленный баланс внутренних сил.

Скорее всего, джихадистские группы в Пакистане и Афганистане по-прежнему будут возникать, но это столь же вероятно и при продолжении американского военного вмешательства в дела Афганистана, и при выводе американских войск оттуда. Война просто не оказывает воздействия на эту динамику. Существует ничтожная вероятность, что пакистанские военные, стимулируемые поддержкой США, могут несколько успешнее вести борьбу с террористами, но эта вероятность неопределенна и в конечном счете не важна. И снова повторю: главной, выдвигающейся на первый план целью является поддержание равновесия сил Индии и Пакистана.

Как и в случае постепенного отдаления от Израиля, президент США не сможет открыто декларировать свою стратегию в отношении Афганистана, Пакистана и Индии.

Разумеется, нет способа создать видимость триумфа США, и война в Афганистане закончится, в общем, так же, как закончилась война во Вьетнаме, — переговорами, которые позволят повстанцам (в данном случае талибам) восстановить свой контроль над Афганистаном. У нарастившей мощь пакистанской армии не будет никакой заинтересованности в сокрушении движения «Талибан»; она довольствуется установлением контроля над ним. Пакистан сохранится как государство, которое будет уравнивать Индию. Это позволит США сосредоточиться на других балансах сил в регионе.

Внутренние районы Ближнего и Среднего Востока: Аравия, Иран и Турция

Ранее мы уже обсуждали Иран в контексте его длительного соперничества с Ираком. Между этими государствами существовало равновесие сил, разрушенное в 2003 г., когда в результате американского вторжения были уничтожены армия и правительство Ирака. С тех пор главной силой сдерживания Ирана остаются США. Но американцы заявили, что намереваются выйти из Ирака. Учитывая состояние иракского правительства и вооруженных сил, вывод американских войск из Ирака сделает Иран державой, господствующей в районе Персидского залива. Это создает фундаментальную угрозу и американской стратегии, и крайне сложному региону. Рассмотрим союзы, которые могут сложиться после вывода войск США из Ирака.

Население Ирака составляет примерно 30 млн человек, население Саудовской Аравии — около 27 млн человек. Население всего Аравийского полуострова достигает примерно 70 млн человек, но это количество делится между разными государствами, прежде всего Саудовской Аравией и Йеменом. Население Йемена составляет примерно треть совокупной численности населения Аравийского полуострова, и Йемен находится на удалении от уязвимых аравийских нефтепромыслов. Напротив, в одном Иране проживает 65 млн человек. В Турции насчитывается около 70 млн человек. В самом широком смысле эти цифры и то, как население может объединяться в те или иные союзы, определит будущую геополитическую реальность в районе Персидского залива. Население и богатство Саудовской Аравии, объединенные с населением Ирака, могут стать противовесом либо Ирану, либо Турции, но не обеим этим странам одновременно. Во время ирано-иракской войны 80-х годов именно поддержка со стороны Саудовской Аравии позволила Ираку добиваться успехов.

Хотя Турция является державой с большим населением и набирает силу, мощь Турции все еще ограничена, и эта страна не способна проецировать свое влияние на довольно

отдаленный от нее район Персидского залива. Турция может оказывать давление на Ирак и Иран с севера, отвлекая внимание этих стран от Персидского залива, но не способна осуществить прямое вмешательство и защитить аравийские нефтепромыслы. Более того, стабильность Ирака в его нынешнем виде в значительной степени зависит от Ирана. Возможно, Ирану не по силам установить в Багдаде проиранский режим, однако вполне по силам по своему усмотрению дестабилизировать любое багдадское правительство.

Поскольку Ирак в сущности нейтрализован и развалился, его 30-миллионное население ведет междоусобную войну, а не уравнивает другую страну. Иран впервые за многие века избавлен от внешней угрозы со стороны соседей. Ирано-турецкая граница проходит по гористой местности, вести в которой наступательные действия очень трудно. На севере Иран защищен от России буферной зоной, в которую входят Армения, Азербайджан и Грузия, а на северо-востоке — Туркменистан. К востоку от Ирана лежат Афганистан и Пакистан, но обе эти страны ввергнуты в хаос. Если США уйдут из Ирака, Иран будет избавлен от непосредственной угрозы со стороны американских войск. Таким образом, Иран, по меньшей мере в настоящий момент, находится в исключительном положении: защищенный от сухопутных вторжений, Иран имеет абсолютную свободу действий на юго-западе.

В отсутствие США Иран уже является господствующей военной державой в районе Персидского залива. После развала Ирака страны Аравийского полуострова не могут сопротивляться Ирану, даже если будут действовать согласованно. Учтите, что ядерное оружие к этой реальности отношения не имеет. Даже если ядерное оружие Ирана будет уничтожено, Иран все равно будет господствовать в Персидском заливе. Действительно, удар, нанесенный исключительно по ядерным объектам Ирана, может привести к крайне нежелательным последствиям и заставить Иран прибегнуть к очень неприятным для его соседей и США ответным мерам. Хотя Иран и не может установить

собственное правительство в Багдаде, будучи спровоцирован, он может помешать установлению там любого другого правительства, создав в Ираке хаос, даже если в этой стране будут находиться американские войска, которые попадут в ловушку нового витка внутренней войны, располагая меньшим числом военнослужащих, чем раньше.

Крайней формой ответа на удар по ядерным объектам Ирана станет попытка этой страны блокировать узкий Ормузский пролив, через который проходит около 45% мировых перевозок нефти морским путем. У Ирана есть противокорабельные ракеты и, что еще важнее, мины. Если Иран минирует пролив, а США не смогут достаточно надежно разминировать этот морской путь, линия поставок может оказаться перекрытой, что вызовет резкое повышение цен на нефть и наверняка сорвет выздоровление мировой экономики.

Любой отдельный удар по ядерным объектам Ирана (а такой удар мог бы совершить собственными силами Израиль) обречен на неудачу и сделает Иран еще более опасным, чем когда-либо в прошлом. Единственный способ нейтрализовать эти объекты, избегая при этом побочных последствий, — нанесение одновременного удара по ВМС Ирана и использование военной мощи для ослабления обычного военного потенциала Ирана. Для осуществления подобного удара потребуется несколько месяцев (если удар будет нанесен и по иранской армии), а эффективность удара (как и любых боевых действий) неопределенна.

Для того чтобы достичь своих стратегических целей в этом регионе, США должны найти способ уравновесить мощь Ирана и сделать это без наращивания американских сил, развернутых в данном районе. Масштабное использование ВВС против Ирана — нежелательная перспектива. Не могут США рассчитывать и на восстановление Ирака как противовеса Ирану, так как Иран этого не допустит. США необходимо уйти из Ирака, чтобы заняться обеспечением своих интересов в других районах мира. Но при выводе войск США должны провести радикальное переосмысление своей внешней политики.

Аравийский полуостров и Персидский залив

Самым желательным для США вариантом действий по отношению к Ирану в следующем десятилетии является ход, представляющийся сегодня немыслимым. Это вариант, который избрали и Рузвельт, и Никсон. Оказавшись в почти невероятных стратегических ситуациях, каждый из них вступил в союз со странами, к которым прежде было отношение как к источникам стратегических и моральных угроз. Рузвельт заключил союз со сталинской Россией, а Никсон — с маоистским Китаем. Обе страны блокировали третью державу, считавшуюся более опасной. В обоих случаях у США были острые идеологические разногласия с новыми союзниками, которых многие обвиняли в крайностях и предельной негибкости. Тем не менее, когда США сталкивались с неприемлемыми альтернативами, стратегические интересы брали верх над моральным отвращением. Для Рузвельта альтернативой была победа Германии во Второй мировой войне, для Никсона — использование СССР слабости Америки после войны во Вьетнаме для изменения мирового баланса сил.

Условия, сложившиеся в регионе сегодня, ставят США в аналогичную позицию по отношению к Ирану. США и Иран презирают друг друга. Ни США, ни Иран не могут легко уничтожить друг друга. Однако некоторые интересы США и Ирана совпадают. Говоря попросту, ради достижения стратегических целей американскому президенту необходимо установить контакты с Ираном.

Кажущаяся невозможной стратегическая ситуация, подталкивающая США к такому ходу, — уже рассмотренная выше необходимость поддерживать поставки нефти через Ормузский пролив и сделать это в момент, когда США должны сократить свое военное присутствие в районе Персидского залива.

Главная причина, по которой Иран может пойти на примирение, состоит в том, что иранское руководство считает США опасной и непредсказуемой державой. Действительно, менее чем за десятилетие Иран оказался окруженным американскими войсками, находящимися на его восточных и западных границах. Главным стратегическим интересом

Ирана является сохранение режима. Для этого Ирану надо избежать сокрушительного американского вмешательства и гарантировать, что Ирак никогда вновь не станет угрозой. Тем временем Иран должен наращивать свой авторитет в исламском мире, где он соперничает с суннитами, которые иногда угрожают шиитскому Ирану.

Пытаясь вообразить сближение США и Ирана, стоит обратить внимание на совпадение целей этих стран. США ведут войну не со всеми, а лишь с некоторыми суннитами, и именно эти сунниты являются также врагами шиитского Ирана. Иран не хочет, чтобы на его восточных и западных границах находились американские войска (но ведь, в сущности, этого не хотят и США). Точно так же, как США хотят беспрепятственных поставок нефти через Ормузский пролив, Иран хочет получать прибыль от этих поставок, а не прерывать их. Наконец, в Иране понимают, что только США создают величайшую угрозу их безопасности: надо лишь решить проблему США — и выживание иранского режима будет гарантировано. США осознают (или должны осознать), что восстановление Ирака как противовеса Ирану, некогда считавшееся «Планом А», в краткосрочной перспективе не является вариантом. Если США не хотят идти на долгосрочное присутствие крупного воинского контингента в Ираке (а США явно не хотят этого), очевидное решение американских проблем в регионе заключается в договоренности с Ираном.

В случае если Иран преступит свои границы и попытается оккупировать нефтедобывающие страны Персидского залива, это станет главной угрозой, которая может возникнуть из стратегии примирения с Ираном. Учитывая слабость системы снабжения иранской армии, можно сказать, что осуществить такую операцию Ирану будет трудно. Следует учитывать и то, что агрессия Ирана моментально вызовет американское вмешательство. Поэтому агрессия Ирана будет бессмысленной и обреченной на провал. Иран уже является господствующей в регионе державой, и США не надо блокировать косвенное влияние, которое Иран оказывает на своих соседей. У статуса Ирана

есть много аспектов: это и финансовое участие в региональных проектах, и сильное влияние на квоты ОПЕК, и определенное влияние на внутреннюю политику арабских стран. Проявляя лишь малую сдержанность, Иран сможет приобрести безусловное господство и снова вывести свою нефть на рынок после длительного эмбарго. Иранцы смогут также увидеть, как в их страну вернутся иностранные инвестиции.

Даже при сближении с Америкой господство Ирана в регионе должно иметь пределы. Иран будет обладать сферой влияния в зависимости от своего сближения с США по другим вопросам, что означает соблюдение любых линий, нарушение которых вызовет прямую американскую оккупацию. Со временем рост мощи Ирана в рамках таких ясных договоренностей принесет выгоды как США, так и Ирану. Подобно соглашениям со Сталиным и Мао Цзэдуном, американо-иранский союз отвратителен, но необходим, вдобавок он будет временным.

Больше всего от этого союза пострадают, конечно, сунниты Аравийского полуострова, в том числе и Саудовская династия. Без Ирака они не способны защитить себя, и поскольку ни одна держава не контролирует весь регион и его нефтепромыслы, у США нет долгосрочной заинтересованности в экономическом и политическом благополучии Саудовской Аравии. Таким образом, американо-иранское сближение приведет также к переформатированию исторических отношений США с Саудовской Аравией и правящей в ней династией. Саудовской Аравии необходимо начать рассматривать США как гарантию своих интересов и добиться какого-то политического урегулирования с Ираном. Геополитическая динамика Персидского залива изменится для всех.

Угроза возникнет и для Израиля, хотя эта угроза не будет настолько сильной, как угроза для Саудовской Аравии и других монархий Персидского залива. Со временем антиизраильская риторика иранского руководства стала предельно острой, но действия Ирана характеризуются осторожностью. Иран ведет игру на выжидание, прикрывая

свое бездействие риторикой. В конце концов американское решение загонит израильтян в ловушку. Неядерные силы Израиля недостаточны для ведения обширной воздушной кампании, которая необходима для уничтожения иранской ядерной программы. Разумеется, Израилю не хватает военной мощи, чтобы определять геополитические союзы в районе Персидского залива. Более того, Иран, грезящий о безопасности своих западных границ и господстве в Персидском заливе, вполне может пойти на примирение. По сравнению с такими возможностями Израиль становится мелким, отдаленным вопросом символического порядка.

До сегодняшнего дня у израильтян все еще был выбор: они могли нанести удар по Ирану самостоятельно, в надежде, что он вызовет ответные действия Ирана в Ормузском проливе. Такой сценарий предусматривал бы вовлечение в конфликт США. Но если США и Иран достигнут взаимопонимания, у Израиля больше не будет прежнего влияния на политику США. Удар, нанесенный Израилем, может вызвать совершенно нежелательный отзыв США, а не цепную реакцию, на которую мог некогда рассчитывать Израиль.

Американо-иранское сближение вызовет величайшее потрясение в политике обеих сторон. Во время Второй мировой войны советско-американское соглашение глубоко шокировало американцев (в СССР потрясение было меньшим, ибо советские люди уже смирились с пактом о ненападении, который Сталин заключил с Гитлером незадолго до войны). Сближение Никсона и Мао Цзэдуна, считавшееся в то время совершенно невероятным, потрясло всех, однако когда оно стало фактом, то стало казаться вполне мыслимым, даже удобным.

Когда Рузвельт заключил союз со Сталиным, он подвергся резкой критике справа. Наиболее крайние представители правого крыла считали Рузвельта социалистом, благосклонно относящимся к СССР. Никсону как правому противнику коммунизма было легче. Президент Обама займет место Рузвельта, но не будет иметь никакого идеологического прикрытия и не сможет сослаться на

подавляющую угрозу, которую представляет гораздо большее зло (во времена Рузвельта таким большим злом была нацистская Германия).

Политическую позицию президента Обамы усилил бы удар по иранским объектам с воздуха, а не циничная сделка. Для президента США сближение с Ираном будет особенно трудным потому, что в этом сближении будут видеть слабость, а не хитрость и непреклонность. Президенту Ирана Ахмадинежаду будет легче примирить свой народ с таким поворотом дел. Но если предстоит делать выбор между ядерным Ираном, затяжной воздушной войной, долгосрочным и крайне нежелательным присутствием американских войск в Ираке, то такой «нечестивый» союз представляется вполне разумным.

Политика Никсона в отношении Китая показала, что серьезные сдвиги во внешней политике могут происходить неожиданно. Нередко прорыву, вызванному изменившимися обстоятельствами или талантами переговорщиков, предшествуют долгие закулисные переговоры.

Нынешнему президенту потребуется значительное политическое искусство, чтобы представить союз как необходимость в рамках войны с «Аль-Каидой». Для этого Обаме надо показать, что шиитский Иран так же враждебен американцам, как и суннитам. Президент столкнется с противодействием двух могущественных лобби — саудовского и израильского. Израиль будет раздражен шагом США, тогда как Саудовская Аравия окажется напуганной до смерти и этот испуг станет большим достоинством маневра. С недовольством израильтян во многих отношениях легче справиться, просто потому, что израильские военные и секретные службы издавна рассматривали иранцев как потенциальных союзников в борьбе с арабской угрозой, несмотря на то, что иранцы поддерживают «Хезболлу» в Израиле. Саудовская Аравия осудит ход США, но давление, которое США окажут на арабский мир, будет привлекательно для Израиля. Напротив того, еврейская община в США мыслит не так изощренно или цинично, как мыслят в Израиле, и представители этой общины будут выступать с громкой

критикой действий США. Еще большие трудности возникнут с саудовским лобби, которое пользуется поддержкой американских компаний, ведущих бизнес в королевстве.

В общем, описанный выше поворот во внешней политике супит США много преимуществ. Во-первых, этот шаг, не создавая фундаментальных угроз интересам Израиля, продемонстрирует, что Израиль не контролирует США. Во-вторых — станет предупреждением непопулярной в США Саудовской Аравии (государству, привыкшему находить поддержку в Вашингтоне) о том, что у США есть и другие варианты. Тогда как Саудовской Аравии некуда обращаться, кроме как к США, и она будет цепляться за любые гарантии, которые ей предоставят США в связи со своим сближением с Ираном.

Помня о своей 30-летней вражде с Ираном, американская общественность будет возмущена. Президенту придется сбивать американцев с толку рассуждениями об общей сложности отношений между Израилем и Саудовской Аравией и о защите территории самих США от большей угрозы. Разумеется, президент будет использовать сближение США с Китаем в качестве примера успешного примирения с непримиримым.

Прикрытие президента будет заключаться в отчаянной, вынесенной на публику борьбе иностранных лобби. Но в конце концов президент должен сохранить нравственные ориентиры, помня о том, что Иран не в большей степени друг Америки, чем в свое время друзьями Америки были Сталин или Мао Цзэдун.

Если когда-либо существовала необходимость в тайном достижении секретных договоренностей, то эта необходимость явно присутствует в американо-иранских отношениях, причем большая часть соответствующих договоренностей останется невысказанной. Ни иранское руководство, ни руководство США не захотят нести внутривнутриполитические издержки, сопряженные с известными общественности встречами и рукопожатиями иранских и американских представителей. Но в конечном итоге США необходимо найти выход из ловушки, в которой они

оказались, а Ирану — избежать подлинной конфронтации с США.

В сущности, Иран обороняется. Он недостаточно силен для того, чтобы стать опорой американской политики в регионе или долгосрочной проблемой. Население Ирана сосредоточено в горных районах, лежащих вдоль внешних границ страны, тогда как в значительной части центральных районов население минимально, а то и вовсе отсутствует. При определенных условиях (например, таких, какие предоставляются в настоящий момент) Иран сможет проецировать свою мощь, но в долгосрочной перспективе Иран либо становится жертвой внешних сил, либо остается в изоляции.

Союз с США временно даст Ирану возможность взять верх в отношениях с арабами, но через несколько лет США придется восстановить баланс сил на Ближнем и Среднем Востоке. Пакистан не может распространить свое влияние на запад. Израиль слишком мал и отдален, чтобы уравновесить Иран. Аравийский полуостров слишком раздроблен, США, поощряя страны Аравийского полуострова наращивать военную мощь, проводят явно двуличную политику, так как эти страны никогда не смогут стать реальным противовесом Ирану. Более реалистичной альтернативой является поощрение России к усилению ее влияния на границах с Ираном. Такое развитие событий произойдет в любом случае, но, как мы еще увидим, это вызовет серьезные проблемы в других районах мира.

Единственная страна, способная быть противовесом Ирану и в долгосрочной перспективе, возможно, господствующей державой в регионе, — Турция, которая достигнет статуса региональной державы в течение 10 лет независимо от того, что будут предпринимать США. Экономика Турции — семнадцатая экономика мира и крупнейшая экономика Среднего Востока. Турецкая армия — самая сильная армия в регионе и (если не считать армии России и, возможно, Великобритании) сильнейшая армия Европы. Как и в большинстве исламских стран, в настоящее время Турцию раздирает конфликт между сторонниками

светского развития и исламистами. Но их борьба протекает в гораздо более сдержанных формах, чем в других исламских странах.

Господство Ирана над Аравийским полуостровом не в интересах Турции. Турция нуждается в нефтяных богатствах региона, которые позволят ей снизить зависимость от поставок российской нефти. К тому же Турция не желает, чтобы Иран стал могущественнее, чем она сама. И хотя курдов в Иране мало, в юго-западной Турции проживает множество курдов, которые считают этот район своей родиной. Иран может воспользоваться этим обстоятельством. Региональные и мировые державы используют поддержку курдов для давления на Ирак, Турцию и Иран или для дестабилизации обстановки в этих странах. Курдский вопрос разыгрывают давно, и он представляет постоянную угрозу для указанных государств.

В следующем десятилетии Ирану придется отвлекать значительные ресурсы на противодействие Турции. Тем временем арабский мир будет искать защитника от шиитского Ирана, и, несмотря на тяжелые воспоминания о турецком господстве при Османской империи, суннитская Турция — наилучший кандидат на эту роль.

США в течение следующего десятилетия должны гарантировать, что Турция не будет враждебна американским интересам и что Иран и Турция не вступят в союз с целью господства и раздела арабского мира. Чем больше боятся Америки в Турции и Иране, тем выше вероятность, что такой союз состоится. В краткосрочной перспективе иранцев успокоит сближение с США, но они будут хорошо понимать, что это союз, заключенный ради удобства, а не долговременная дружба. Турки же открыты для более продолжительных отношений с США, и Турция может представлять ценность также в других районах, в особенности на Балканах и на Кавказе, где Турция блокирует поползновения России.

Иран будет представлять угрозу для Турции до тех пор, пока США будут соблюдать основные условия своего соглашения с Ираном. Каковы бы ни были склонности турок,

им придется защищать себя. Делая это, они непременно станут предпринимать действия, направленные на подрыв иранского господства на Аравийском полуострове и в арабских странах, лежащих к северу, — в Ираке, Сирии и Ливане. Турки будут поступать таким образом не только для сдерживания Ирана, но и для улучшения доступа к находящимся к югу от Турции источникам нефти, потому что нуждаются в нефти и захотят получать от нефти прибыль.

Если Турция и Иран будут соперничать в следующем десятилетии, то Израиль и Пакистан окажутся заняты местным равновесием сил. В долгосрочной перспективе Иран не сможет сдерживать Турцию. В экономическом отношении Турция — гораздо более динамичная страна, которая благодаря этому качеству может содержать более совершенные в техническом отношении вооруженные силы. Еще более важный момент: если возможности Ирана самой географией ограничены регионом, Турция имеет выходы на Кавказ, Балканы, в Среднюю Азию и, наконец, к Средиземному морю и Северной Африке, что дает Турции возможности и союзников, в которых отказано Ирану. В наступающем десятилетии мы увидим начало восхождения Турции к региональному господству. Интересно отметить, что, хотя в США не могут представить XXI в. без Турции, играющей весьма важную роль, следующее десятилетие станет временем подготовки Турции к выполнению этой роли. Турция не станет ввязываться в конфликты и продолжит проводить ту осторожную внешнюю политику, которая ей свойственна в последнее время. Турция, таким образом, будет оказывать влияние на регион, хотя оно и не будет определяющим. США должны рассматривать Турцию в долгосрочной перспективе и избегать давления, которое могло бы подорвать ее развитие.

В качестве решения сложных проблем Ближнего и Среднего Востока президент США должен решиться на временную договоренность с Ираном, договоренность, которая даст Ирану то, чего хочет Иран, а США — возможность вывести войска из региона. Такие договоренности легли бы в основу отношений, построенных

на враждебности США и Ирана к суннитским фундаменталистам. Другими словами, президент США должен оставить Аравийский полуостров в сфере иранского влияния, но ограничить прямой контроль Ирана над полуостровом, что поставит Саудовскую Аравию в числе прочих в крайне невыгодное положение.

Такая стратегия означает признание реальности, заключающейся в могуществе Ирана, и одновременно попытку оказать влияние на эту реальность. Независимо от результата, более отдаленным решением проблемы равновесия сил в регионе окажется возвышение Турции. Мощная Турция станет противовесом и Ирану, и Израилю и стабилизирует Аравийский полуостров. Со временем Турция начнет реагировать на иранское преобладание и бросать ему вызов. Это приведет к восстановлению баланса главных сил и стабилизации положения в регионе, что создаст новый региональный баланс сил — но не в этом десятилетии.

Я утверждаю, что в данных обстоятельствах проведение подобной политики предпочтительно. Но, кроме того, я утверждаю, что такая политика предопределяет наиболее логичный результат. Альтернативы неприемлемы для обеих сторон, так как чреваты слишком большим риском. Поэтому, если альтернативы нежелательны, остающийся вариант, каким бы противоречащим здравому смыслу он ни казался, становится наиболее вероятным решением проблемы.

Для того чтобы понять, как это решение скажется на более отдаленных от Ближнего и Среднего Востока державах и балансе их сил, обратимся к следующей проблеме — равновесию сил стран Европы и России.

Глава 8

Новая Россия: возрождение

Развал Советского Союза, казалось, стал сигналом, что России как игрока на мировой арене более не существует. Однако сообщения об этой кончине оказались преждевременными. Такая большая, богатая ресурсами и занимающая столь важное стратегическое положение страна не может просто растаять в воздухе. В 90-х годах падение СССР все же потрясло огромную империю, собранную царями и сохраненную в целостности коммунистами. Москва сохранила контроль лишь над частью территории, которой управляла в 1989 г. Центр России, регион, ставший некогда ядром империи, не потерял своей целостности. И пока это ядро сохраняется, игра не закончена. Жестоко ослабленная, Российская Федерация все-таки выжила, и в следующем десятилетии она станет играть все более важную роль.

Если Россия потеряла отколовшиеся регионы, а экономика России оказалась в руинах, то США превратились в единственную мировую державу, которая может господствовать на планете небрежным, почти ленивым образом. Однако падение СССР предоставило США лишь ограниченное время для того, чтобы вогнать кол в сердце своего старого соперника и гарантировать, что он не воспрянет к жизни. Оказав поддержку сепаратистским движениям или усилив экономическое давление, США, возможно, вызвали напряженность в российской системе. Такие действия США вполне могли бы вызвать полное разрушение России, позволив бывшим младшим партнерам по СССР растащить то, что осталось от России, и создать новый баланс сил в Евразии.

Однако в то время такие усилия, казалось, не стоили риска, главным образом потому, что, как представлялось,

Россия на протяжении жизни многих поколений не восстанет из хаоса. Уничтожение остатков российской державы даже не казалось необходимым, поскольку США могли создать такой региональный баланс сил, какой хотели, просто расширив НАТО и систему своих союзов на восток.

Но США были также глубоко обеспокоены будущим советского ядерного арсенала, который был даже внушительнее американского. Усугубление хаоса в регионе сделало бы это оружие доступным для террористов и дельцов черного рынка, не говоря уже о подверженности другим бедам. США хотели, чтобы ядерное орудие на территории бывшего СССР было поставлено под контроль одного государства, за которым США могли бы следить и на которое США могли бы оказывать определяющее влияние, а таким государством была Россия, а не Украина или Беларусь (или любая из остальных бывших советских республик). Таким образом, хотя российский ядерный потенциал и не сохранил Советский Союз, он спас Российскую Федерацию — по крайней мере, от американского вторжения.

В 90-е годы страны вроде Казахстана и Украины, члены бывшего СССР, отчаянно бились за достижение собственной организованности. Быстро и энергично интегрировав их в НАТО, США смогли бы увеличить силу и сплоченность этих окружавших Россию стран и «закупорить» Россию, а вместе с нею и прочие бывшие советские республики. Остановить этот процесс Россия не смогла бы.

И хотя у американцев имелись такие планы, США действовали недостаточно быстро. В НАТО были интегрированы только государства Восточной Европы и Балтии, что было существенным стратегическим сдвигом. Значение этого факта возрастает, если принять во внимание следующее: когда СССР еще контролировал Восточную Германию, расстояние между силами НАТО и Санкт-Петербургом составляло около 1500 км, а после того, как в НАТО были приняты страны Балтии, это расстояние сократилось примерно до 170 км. С тех пор ощущение того, что Россия окружена, уменьшилась в размерах и на нее посягают, формирует поведение россиян.

Опасения россиян

Обнаружив, что войска НАТО стоят у самых границ России, россияне, понятное дело, встревожились. С их точки зрения. НАТО — прежде всего и главным образом, военная организация, и сколь добрыми ни были бы намерения НАТО в настоящий момент, будущие ее намерения непредсказуемы. В России слишком хорошо знают, как легко и быстро могут меняться настроения. Память питают горькие воспоминания о том, как Германия, которая в 1932 г. пребывала в хаосе, была бедной и почти безоружной страной, через 6 лет превратилась в господствующую в Европе военную державу. В России не видели причин для расширения НАТО, кроме того, что Запад раньше или позже пожелает, чтобы НАТО заняла позиции для нанесения удара. В конце концов, утверждали в России, они-то точно не собираются вторгаться в Европу.

Среди членов НАТО были страны, в частности, США и бывшие союзники СССР, которые желали воспользоваться преимуществом, которое предоставляла Западу возможность расширяться по стратегическим соображениям. Но были и другие, в частности, страны Западной Европы, которые начали думать о НАТО иначе. Вместо того чтобы считать НАТО военным союзом, созданным на случай войны, они рассматривают НАТО как какую-то региональную ООН, задуманную для включения дружественных либеральных демократий в организацию, главной функцией которой является поддержание стабильности.

Включение стран Балтии было высшей точкой экспансии НАТО, после которой стали возникать события, препятствующие процессу. Приход к власти Владимира Путина создал другую Россию, совершенно отличающуюся от России 90-х годов, когда во главе этой страны стоял Борис Ельцин. Между тем единственным институтом, никогда не прекращавшим функционировать, оставались разведывательные и секретные российские службы. Эти службы, обеспечивавшие единство России и российской империи на протяжении жизни многих поколений, кое-как

пережили 90-е годы и вышли из них как автономное государство или преступная организация. Путин, прошедший подготовку в КГБ, представляет мир скорее в геополитических категориях, нежели в категориях идеологии. По его мнению, непременным условием стабильности России является сильное государство. Поэтому с момента своего прихода к власти в 2000 г. он начал процесс восстановления российской мощи.

Более столетия Россия пыталась стать промышленной державой, способной конкурировать с Западом. Понимая, что России никогда не нагнать Запад, Путин сместил акцент в экономической стратегии страны на развитие добывающих отраслей и экспорт природных ресурсов (таких, как металлы, зерно, и особенно энергии и энергоносителей). Это была блистательная стратегия, блистательная в том смысле, что ее реализация создала экономику, которую Россия может поддерживать и которая, в свою очередь, может поддерживать Россию. Такая стратегия усилила российское государство, превратив «Газпром» в филиал российского правительства, который обладает монополией на природный газ. А «Газпром» привил Европе зависимость от российской энергии, что снизило вероятность стремления европейцев, особенно немцев, к конфронтации. Поворотный момент в отношениях США и России наступил в 2004 г., когда события на Украине убедили Россию в том, что США намерены уничтожить Россию или, по меньшей мере, установить над нею контроль. Большая страна Украина занимает всю юго-западную границу России, и, с российской точки зрения, Украина — ключ к национальной безопасности России.

Расстояние между границами России с Украиной и Казахстаном — всего лишь около 500 км, и в этом коридоре сосредоточено все российское влияние на Кавказе (а также нефтепроводы, ведущие на юг). В центре этой полосы находится Волгоград, бывший Сталинград. Во время Второй мировой войны СССР пожертвовал жизнью миллиона солдат, чтобы не позволить немцам перекрыть эту горловину.

Виктор Янукович, поначалу вроде бы победивший на выборах президента Украины 2004 г., был обвинен в

масштабной подтасовке результатов выборов (в чем он был, безусловно, виновен). Произошли демонстрации, участники которых требовали отмены результатов выборов. Янукович ушел, и выборы были проведены заново. Это возмущение, получившее название «оранжевой революции», Москва сочла прозападным, антироссийским выступлением, которое было задумано для того, чтобы втянуть Украину в НАТО. В России также утверждали, что это выступление было не народным восстанием, а тщательно спланированным переворотом, профинансированным ЦРУ и британской МИ-6. К тому же Украину наводнили западные неправительственные организации и группы западных консультантов, которые организовывали демонстрации, сместили пророссийски настроенное правительство и создали прямую угрозу национальной безопасности России.

Американцы и британцы определенно поддерживали эти неправительственные организации, а консультанты, руководившие кампаниями ряда прозападных кандидатов на Украине, ранее руководили избирательными кампаниями в США. На Украину действительно поступали деньги из многих западных источников, но, с точки зрения американцев, ничего тайного или угрожающего в таком финансировании не было. США просто делали то, что делали и раньше, со времен падения Берлинской стены: США сотрудничали с демократическими группами в деле построения демократии.

Именно здесь США и Россия глубоко разошлись. Украина была разделена на пророссийскую и антироссийскую фракции, но американцы считали, что они просто поддерживают демократов. То, что фракции, которые американцы считали демократическими, одновременно были антироссийскими, для американцев было несущественным, второстепенным обстоятельством.

Для России это обстоятельство было не второстепенным. Еще была свежа память о политике сдерживания, которую США долгое время проводили в отношении СССР, только теперь казалось, что сдерживающая сторона более компактна и намного более опасна. В Москве рассматривали действия США как умышленную попытку

лишить Россию способности обороняться и как посягательство на жизненно важные интересы на Кавказе, регионе, в котором США уже установили двусторонние союзнические отношения с Грузией.

Расстояние между Украиной и Казахстаном

Действительно, сдерживание было американской стратегией, однако эта стратегия была, к счастью, выражена в самых благих терминах. Фундаментальный интерес Америки всегда заключается в силовом равновесии, и США, удержавшиеся от уничтожения Российской Федерации в 90-е годы, в 2004 г. стали создавать региональный баланс сил, основой которого должна была стать Украина, причем существовало явное намерение включить в противовес российской мощи большинство бывших советских республик.

Опасения России усилились, когда стало видно, что США творят в Центральной Азии. Несмотря на это, когда США сразу после 11 сентября решили быстро разгромить режим талибов, Россия сотрудничала с ними в двух отношениях. Во-первых, американцам был предоставлен доступ к «Северному альянсу», пророссийской афганской группировке, возникшей еще в годы советского военного присутствия в Афганистане и выстоявшей в гражданской войне, последовавшей за выводом советских войск. Во-вторых, Россия использовала свое влияние для получения баз военно-воздушных и сухопутных вооруженных сил в трех граничащих с Афганистаном странах, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Используя эти базы, США смогли оказывать поддержку своим силам вторжения. Россия также предоставила право пролета над своей территорией, что было очень полезно для самолетов, летящих в Афганистан с тихоокеанского побережья США или из Европы.

В России полагали, что эти базы в приграничных странах будут временными, но прошло три года, а американцы не подавали никаких признаков того, что покинут эти места в каком-либо обозримом будущем. Тем временем, вопреки российским возражениям, произошло американское вторжение в Ирак, и теперь США увязли в том, что явно оказывается долговременной оккупацией. Кроме того, США были глубоко вовлечены в дела Украины и Грузии и наращивали заметное присутствие в Средней Азии. Хотя эти действия, возможно, не казались такими уж опасными для интересов Москвы, если рассматривать их по отдельности, в

совокупности они выглядели согласованным усилием по удушению России.

В частности, американское присутствие в Грузии может рассматриваться только как преднамеренная провокация, поскольку Грузия граничит с российским регионом — Чеченской Республикой (Чечня). В России опасались, что, если Чечня выйдет из состава Российской Федерации, развалится вся структура российского господства на Северном Кавказе, ибо за Чечней могут последовать другие регионы. Кроме того, Чечня находится на северных склонах Кавказского хребта, а Россия уже отступила на сотни миль от своих первоначальных границ и перенесла границу глубоко в горы. Если граница отодвинется еще хоть на пядь, Россия будет полностью вытеснена с Кавказа на плоскую равнину, которую трудно оборонять. Более того, через столицу Чечни Грозный проходит важный нефтепровод (ныне бездействующий из-за вылазок чеченских диверсантов), и потеря этого нефтепровода окажет сильное воздействие на российскую стратегию экспорта энергоносителей.

В 90-х годах в России были уверены, что Грузия пропускает в Чечню оружие через проход, называемый Панкисским ущельем. Кроме того, считалось, что США, советники из специальных сил которых находились в Грузии, в лучшем случае бездействуют а в худшем — способствуют переброске оружия в Чечню.

Исходя из своей главной политики США пытались установить дружественные отношения со странами региона, особенно с Грузией, но становилось очевидно, что США более не способны к серьезному проецированию мощи. У США еще имелись военно-морские и военно-воздушные силы в резерве, но все силы сухопутных войск были связаны боевыми действиями в Ираке и Афганистане.

В психологическом отношении это выглядело довольно серьезно, но затем война в Ираке вызвала и сильное политическое воздействие. Раскол, возникший между США и Францией и Германией по вопросу политики в Ираке, и общая антипатия европейцев к администрации Буша-младшего означали, что европейцы, особенно Германия, намного менее

чем раньше, склонны поддерживать американские планы расширения НАТО или конфронтации с Россией. Кроме того, Германия оказалась в зависимости от поставок российского природного газа. Поставки газа из России обеспечивают почти половину потребностей Германии в энергии, так что немцы не готовы идти на столкновение с Россией. Сочетание военного дисбаланса и дипломатической напряженности жестко ограничило возможности США для маневра, однако американцы по привычке продолжали попытки усилить свое влияние.

25 апреля 2005 г. Путин в своем обращении о положении страны заявил, что падение СССР «было величайшей геополитической катастрофой столетия». Обращение стало публичным заявлением Путина о том, что он намеревается обратить вспять некоторые последствия этой катастрофы. Хотя Россия более не была мировой державой, в пределах своего региона (и при отсутствии там США) Россия сохраняла подавляющую мощь. США, поглощенные войнами в Ираке и Афганистане, теперь отсутствовали. В свете этого Путин начал наращивать мощь российских вооруженных сил. Он также начал укреплять свой режим, увеличивая поступления от российского экспорта. Это случайное решение вызвало скачок цен на сырьевые товары. Путин использовал разведывательные возможности ФСБ и СВР²⁶, наследниц КГБ, для выявления и управления ключевыми фигурами в бывшем СССР. Поскольку большинство этих людей были политически активны при советском режиме, они были либо бывшими коммунистами, либо по меньшей мере хорошо известны ФСБ по архивам этой службы. У всех есть уязвимые места, и Путин использовал свой самый мощный ресурс для эксплуатации человеческих слабостей.

В августе 2008 г. грузинское правительство по причинам, которые никогда не были полностью раскрыты, совершило нападение на Южную Осетию. Некогда бывшая частью Грузии, Южная Осетия от нее отделилась. С 90-х годов XX в. Южная Осетия стала фактически независимой и по-прежнему поддерживала союзнические отношения с

Россией. Путин отреагировал на действия Грузии так, словно в России ожидали атаки: несколько часов спустя российская сторона нанесла ответный удар по грузинской армии.

Главной целью этого удара была демонстрация способности России к решительным действиям. Российская армия в 90-х годах развалилась, и необходимо было рассеять впечатление, что она более не имеет значения. Но Путин хотел также продемонстрировать странам бывшего СССР, что американская дружба и американские гарантии ничего не значат. Августовская война 2008 г. была маленьким налетом на маленькую страну, но на самом деле удар был нанесен по стране, которая слишком сильно полагалась на помощь США. Операция ошеломила и Кавказский регион, и Восточную Европу. Такое же впечатление произвело отсутствие американского ответа и фактическое безразличие стран Западной Европы. Бездействие США, ограничившихся дипломатическими нотами, показало очевидное: что Америка далеко, а Россия очень близко, и пока сухопутные силы США будут связаны на Среднем Востоке, до тех пор сохранится неспособность США действовать. Сторонники России на Украине с помощью российских спецслужб начали процесс свертывания и ликвидации результатов «оранжевой революции». Выборы 2010 г. привели к смещению прозападного правительства Украины и его замены человеком, которого свергла «оранжевая революция».

Действуя слишком медленно, США позволили России восстановить равновесие, в то время как сами США теряли свой стратегический баланс в Ираке. В тот самый момент, когда США надо было сосредоточить силы на окраинах России и запечатать Россию в системе сдерживания, силы США оказались занятыми в других местах, а союзы США в Европе слишком слабы, чтобы иметь значение. В наступающем десятилетии американскому президенту необходимо перейти к новой, более последовательной стратегии, чтобы избежать подобных оплошностей и не упускать возможностей.

Возрождение России

В долгосрочной перспективе Россия — слабая страна. Путинская стратегия сосредоточения на производстве энергии и экспорте энергоносителей — очень хороший, хотя и недолговечный инструмент, но он окажется эффективным только в том случае, если создаст основу масштабной экономической экспансии. Чтобы добиться этой более важной цели. Россия должна устранить свои глубинные структурные слабости, укоренившиеся в географических проблемах, преодолеть которые непросто.

В отличие от большей части индустриально развитых стран мира, население России невелико по сравнению с размерами территории страны, и это население очень широко рассеяно, а его единство мало чем обеспечено, кроме аппарата служб безопасности и общей культуры.

Оставляя без обсуждения факт сокращения населения России, скажу, что нынешнее распределение жителей по территории страны делает существование современной экономики или даже эффективное распределение продовольствия затруднительным, а то и невозможным. Инфраструктура, связывающая аграрные районы с городами, развита столь же слабо, как и инфраструктура, связывающая промышленные и коммерческие центры.

Плотность населения в России

Проблемы сообщения обусловлены тем, что российские реки нерационально используются. В отличие от американских рек, которые соединяют аграрные районы с портами, через которые можно распределять продовольствие, российские реки просто создают препятствия. Ни царские железнодорожные займы, ни советские проекты никогда даже не приближались к преодолению этой проблемы, а стоимость создания транспортной сети (обширной системы железных и автомобильных дорог) остается ошеломляющей. Военная мощь России всегда превосходила возможности российской экономики, но такое положение не может существовать вечно.

Россия должна сосредоточить свои силы на краткосрочных целях, пока она пользуется двойным преимуществом, которое дают ей зависимость Германии от российской нефти и российского газа и отвлечение внимания и сил Америки на проблемы Среднего Востока. Россия должна попытаться построить долговременные структуры (некоторые из них внутриполитические, некоторые — внешнеполитические), которые можно поддерживать даже в условиях экономических ограничений.

Такая внутриполитическая структура уже складывается: Россия, Беларусь и Казахстан заключают соглашение об экономическом союзе и теперь обсуждают введение единой валюты. Армения, Кыргызстан и Таджикистан выразили заинтересованность в присоединении к этому союзу, и Россия запустила в оборот предложение о возможном присоединении Украины. Такая структура превратится в того или иного рода политический союз, в подобие Европейского Союза, и в данной группировке в значительной степени возродятся главные особенности бывшего СССР.

Необходимая России международная структура, пожалуй, более важна и вызывает не меньше вопросов. Эта структура зиждется на отношениях с Европой, особенно с Германией. Россия нуждается в доступе к технологиям, которыми в изобилии обладают немцы, а Германия — в доступе к природным ресурсам России. Германия дважды воевала за обладание этими ресурсами, но потерпела поражение. Заинтересованность немцев не уменьшилась, но

теперь Германия удовлетворяет этот интерес дипломатическими, а не военными средствами. Стремление эксплуатировать эти взаимодополняющие отношения составит сущность стратегии, проводимой Россией в следующем десятилетии.

Германия — движущая сила Европейского Союза, участие в котором, как мы увидим, сопряжено с неожиданными и тяжелыми обязательствами. У Германии нет ни малейшего интереса в американских действиях на Среднем Востоке и никакой заинтересованности в расширении НАТО, а вместе с НАТО и американского влияния в этой организации, на границах России. Германия хочет держаться на расстоянии от США и нуждается в других, выходящих за рамки Европейского Союза вариантах действий. С точки зрения Германии, более тесное сотрудничество с Россией — неплохая мысль, а с точки зрения России, это и вовсе замечательная мысль. Путин знает немцев достаточно хорошо, чтобы понимать их опасения и недоверие к России. К тому же ясно, что немцы переросли послевоенный мир, сталкиваются с серьезными экономическими проблемами и нуждаются в российских ресурсах.

Одновременное воссоздание сферы влияния, в которой господствует Россия, и создание структурных отношений с Германией — вот мысль, которую необходимо продвигать России, и продвигать быстро, поскольку время работает не на Россию. Россия должна убедить Германию, что может быть надежным партнером, и при этом не предпринимать никаких шагов, направленных на разрушение Европейского Союза или отношений Германии с этим союзом. Эти балетные па станут процессом, поддержанным реальной, хотя и временной мощью.

Чтобы иметь какие-либо возможности для маневра в ближайшем десятилетии, России надо отколоть США от Европы и в то же время сделать все возможное, чтобы удержать США в трясине войн в Ираке, Афганистане и, если возможно, в Иране. С российской точки зрения, война США с джихадистами подобна войне во Вьетнаме: такая война

избавляет Россию от бремени военного противостояния с США и, по сути дела, ставит американцев в зависимость от сотрудничества с Россией в таких вопросах, как введение санкций в отношении стран вроде Ирана. Российская сторона может бесконечно долго играть с американцами, угрожая поставками оружия антиамериканским группировкам и странам вроде Ирана и Сирии. Такая политика блокирует действия США и прельщает Россию, которая желает лишь одного: чтобы американцы навечно увязли в войнах.

Эта российская стратегия раскрывает цену чрезмерной приверженности американцев так называемой войне с терроризмом. Она также показывает, что настоящей необходимостью для США является нахождение эффективного ответа как радикальному исламу, так и России. За каждым российским ходом кроется возможность геополитического кошмара для американцев.

Американская стратегия

В Евразии (а это понятие охватывает Россию и Европейский полуостров) у США тот же интерес, что и повсюду: нигде не должно быть столь сильной державы или коалиции, что могла бы господствовать. Объединение России и Европы создаст общность, население, технологический и промышленный потенциал и природные ресурсы которой будут по меньшей мере равны соответствующим показателям Америки и, по всей вероятности, превзойдут потенциал США.

В XX в. США трижды срывали российско-германское сближение, которое могло бы объединить Евразию и создать угрозу фундаментальным американским интересам. В 1917 г. сепаратный мир, заключенный Россией с Германией, изменил соотношение сил не в пользу англо-французских союзников, но тут в Первую мировую войну вступили США. То же самое США сделали во время Второй мировой войны, сначала снабжая Великобританию и особенно СССР необходимыми ресурсами, а затем, в 1944 г., осуществив вторжение в Западную Европу, блокировав не только немцев, но и советские войска. С 1945 по 1991 гг. США выделяли огромные ресурсы на предотвращение советского господства над Евразией.

Ответ США на российско-германское сближение в следующем десятилетии должен стать таким же, каким он был в XX в. США следует продолжать делать все возможное, чтобы блокировать российско-германское сближение и ограничить воздействие, которое российская сфера влияния может оказать на Европу. Ибо самое присутствие мощной в военном отношении России меняет образ поведения европейцев.

Германия — центр тяжести Европы, и, если этот центр смещается, неизбежно происходит соответствующее смещение и остальных европейских государств. Возможно, в заданном Германией направлении пойдет достаточно стран, чтобы изменить баланс сил во всем регионе. По мере восстановления и упрочения своих позиций в странах бывшего СССР Россия сможет установить и господство в

большинстве этих стран. Сколь бы неформальными ни были эти отношения поначалу, со временем они превратятся в нечто более серьезное и прочное, поскольку части просто отлично соединяются, и иначе быть не может. Это стало бы историческим пересмотром отношений США и Европы, глубинным, тектоническим сдвигом не только в региональном, но и в глобальном балансе сил. Последствия такого сдвига крайне непредсказуемы.

Хотя я считаю образование конфедерации Беларуси и России вполне вероятным событием, такой союз приведет российскую армию на границы Европы. И действительно, у России уже есть военный союз с Беларусью. Добавьте к этому союзу Украину — и российские войска окажутся на границах Румынии. Венгрии. Словакии, Польши и стран Балтии (все эти государства прежде были союзниками России), что фактически станет воссозданием Российской империи, пусть и в другой институциональной форме.

И все же страны, находящиеся за линией соприкосновения России и Европы, более озабочены поведением США, нежели действиями России. В Европе американцев рассматривают скорее как конкурентов, чем как партнеров в экономике, и как силу, втягивающую Европу в конфликты, в которых европейцы не хотят участвовать. В то же время российская сторона, кажется, создает экономическую синергию²⁷ с передовыми европейскими странами.

Европейские страны также рассматривают бывших советских сателлитов как физический буфер, ограждающий их от Москвы, что еще больше гарантирует возможность сотрудничества с Россией в условиях безопасности, обеспечиваемой силами самой Европы. В Западной Европе понимают озабоченность жителей Восточной Европы, но считают, что экономические блага отношений с экономикой остальной Европы и усиление зависимости Восточной Европы от этой экономики должны удерживать Россию от крайностей. Европейцы могут сократить свои отношения с американцами, построить новые, взаимовыгодные отношения с российской стороной и по-прежнему пользоваться преимуществами

стратегического буфера в качестве страховки. Такое развитие событий создало бы фундаментальный риск для США. Поэтому американский президент должен действовать и сдерживать Россию, давая время на то, чтобы проявились постоянные слабости, внутренне присущие России. Ждать, пока закончится война США с джихадистами, нельзя. Действовать надо незамедлительно.

Если Германия и Россия продолжают сближение, страны, лежащие между Балтийским и Черным морями, приобретут исключительное значение для США и американской политики. Польша — крупнейшая из этих стран, занимающая наиболее важное стратегическое положение. К тому же это страна, которая может больше всего потерять от сближения России и Германии, и в Польше существует острое осознание возможности потерь. Членство в Европейском Союзе для поляков одно, а капкан русско-германского сближения, в котором может оказаться Польша, — совершенно другое. Поляки и другие жители Восточной Европы страшатся перспективы вновь быть втянутыми в сферы влияния одного из этих своих исторических противников или даже их обоих.

Большинство этих стран не были независимыми до тех пор, пока в результате Первой мировой войны не рухнули Австро-Венгерская, Российская, Османская и Германская империи. В общем страны Восточной Европы были раздроблены, подчинены и подвергались эксплуатации. В некоторых случаях (например, в Венгрии) угнетение было слабым. В других случаях угнетение было свирепым. Но во всех этих странах помнят о нацистской оккупации и последовавшей затем советской оккупации. Действительно, ныне режимы, существующие в Германии и России, различны, но для жителей Восточной Европы оккупация — недавнее прошлое, и память о том, что значит попасться в поле взаимодействия мощи Германии и России, сформировала их национальный характер. И именно память будет формировать их поведение в наступающем десятилетии.

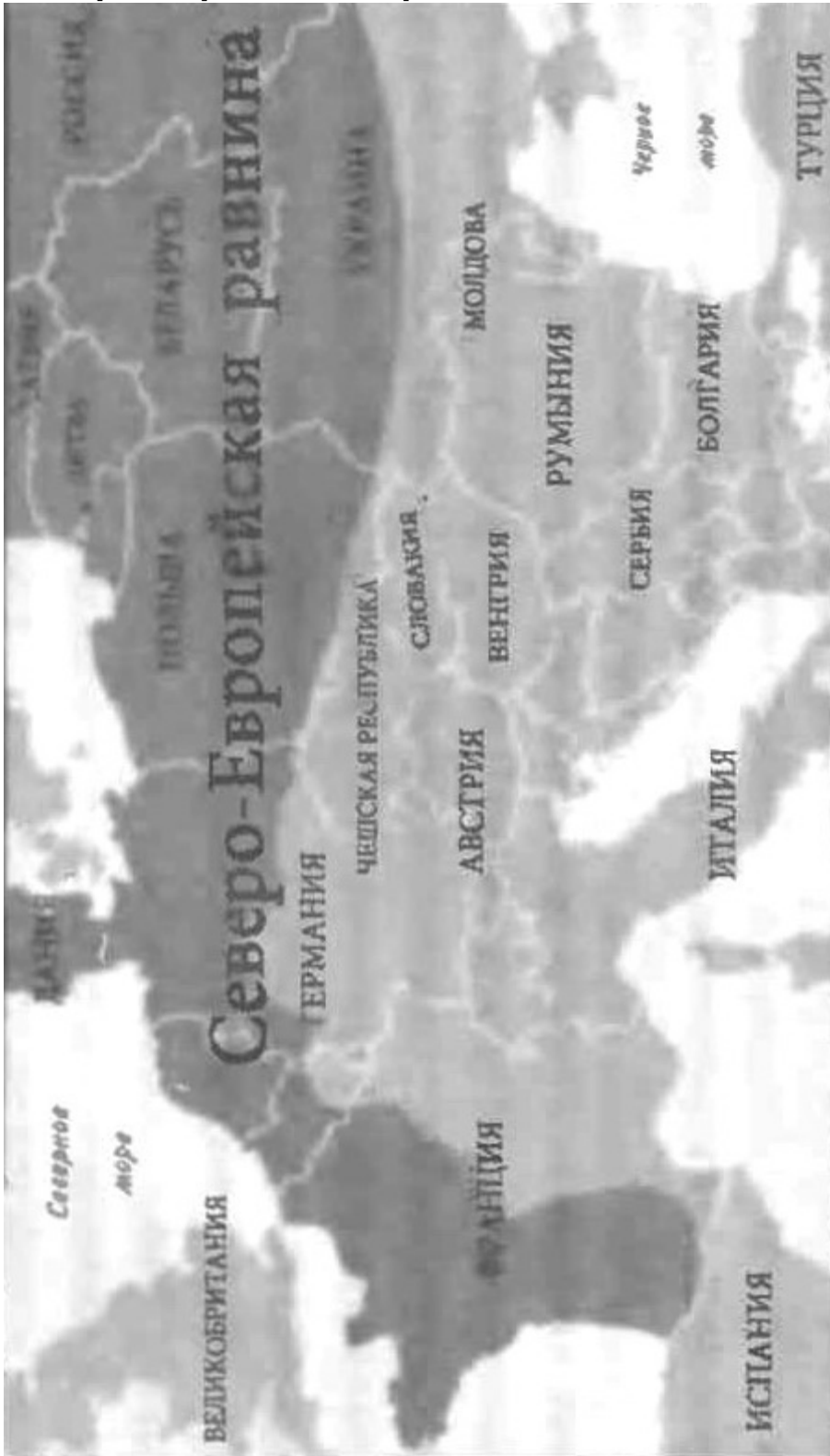
Это особенно справедливо в отношении Польши, которую в разные периоды поглощали Германия, Россия и Австрия. Когда дело доходило до исторических

компромиссов, они попросту сводились к разделу Польши, что остается кошмаром, который преследует поляков. Когда после Первой мировой войны Польша обрела независимость, ей пришлось вести войну для отражения советских посягательств. Через 20 лет после этого нацистская Германия и СССР одновременно вторглись в Польшу в соответствии с общим секретным планом. Последующие полвека господства коммунизма времен холодной войны стали тяжелыми временами.

Страдания поляков находятся в прямой зависимости от стратегической важности положения Польши, которая граничит и с Германией, и с Россией и расположена на Северо-Европейской равнине, сплошной полосой простирающейся от атлантического побережья Франции до Санкт-Петербурга. Другие восточноевропейские страны разделяют мнение поляков, но находятся в географически более безопасном положении, за Карпатами.

Открытой с обеих сторон Польше практически не остается выбора: она должна выполнять любые совместные решения Германии и России, что было бы катастрофой для США. Таким образом, в интересах США гарантировать безопасность Польши от России и Германии и сделать это не только формально, но и путем создания жизнеспособной, полной энергии польской экономики и вооруженных сил, которые стали бы образцом и двигателем всей Восточной Европы. Польша — именно та кость, которая исторически торчит в глотке и у Германии, и у России, и Америка заинтересована в том, чтобы Польша и в дальнейшем прочно занимала это положение. Польша в союзе с Германией — угроза для России, и наоборот. Польша должна оставаться угрозой для обеих этих стран, поскольку США не могут допустить, чтобы какая-то из них чувствовала себя в надежной безопасности.

Северо-Европейская равнина

В течение последующих 10 лет отношения Америки с Польшей должны выполнять две функции: предотвращать или ограничивать российско-германское сближение, но если это окажется невозможным — создать противовес. Польша крайне необходима США, потому что альтернативной стратегии уравнивания российско-германского союза нет. С точки зрения поляков, дружба с американцами поможет Польше защититься от обоих соседей, однако здесь есть определенный нюанс. Национальный менталитет поляков ожесточен неспособностью Великобритании и Франции стать на защиту Польши от немцев в начале Второй мировой войны, хотя обе эти страны гарантировали Польше защиту. Сверхчувствительное отношение к предательству приводит к тому, что Польша отдает предпочтение договоренностям с враждебными державами, а не союзам с ненадежными партнерами. Учитывая это обстоятельство, американский президент должен принять меры к тому, чтобы позиция США не казалась условной или неопределенной. Это означает, что США должны принять стратегическое решение, которое в некоторых отношениях будет незащищенным. Такие решения всегда неудобны, поскольку хорошие президенты всегда стремятся сохранить для США свободу действий. Но попытки настоять на слишком большой свободе для маневра могут сразу же закрыть возможность соглашения с Польшей.

Когда администрация Джорджа У. Буша решила создать систему противоракетной обороны для Восточной Европы, США застраховались. Было решено создать систему, которая может защитить от небольшого количества баллистических ракет, запущенных с территории стран-изгоев, прежде всего Ирана. Американский план предусматривает развертывание систем радаров в Чешской республике и противоракетных в Польше. Это было дополнением к передовым системам оружия вроде истребителей F-16 и ракет Patriot, которые США поставили Польше. Система противоракетной обороны могла быть размещена где угодно, но было решено развернуть ее в Польше, чтобы всем стало ясно: Польша имеет исключительное значение для американских стратегических интересов, и США наращивает сотрудничество с Польшей вне

рамок НАТО. В России поняли это и попытались сделать все, чтобы заблокировать сближение США и Польши.

Россия выступила против размещения ракет в Польше, хотя эта система ПРО может перехватить весьма ограниченное количество ракет, а Россия обладает огромным их количеством. На самом деле с российской точки зрения проблема заключалась не в ПРО, а в том, что США размещали системы стратегических вооружений на польской земле. Стратегические системы надо оборонять, и российская сторона осознала, что развертывание американской системы ПРО — всего лишь начало существенных американских обязательств перед Польшей.

Когда к власти пришел Обама, лидеры его администрации захотели осуществить «перезагрузку» в российско-американских отношениях. Российские лидеры вполне определенно заявили, что не желают возвращаться к противостоянию времен холодной войны и что прогресс в российско-американских отношениях может быть достигнут только в том случае, если система ПРО будет выведена из Польши. К тому времени поляки стали рассматривать эту систему как символ американских обязательств перед Польшей. И это несмотря на то, что система ПРО не только не защищала Польшу от какой-либо угрозы, но и могла превратить Польшу в объект удара. Тем не менее поляки, чувствительные к предательству, сразу же захотели установления более определенных отношений с Вашингтоном. Когда Обама решил развернуть систему ПРО не в Польше, а на кораблях, поляки ударились в панику, сочтя, что США собираются заключить сделку с Россией. В действительности США не изменили своего отношения к Польше, но поляки были убеждены в обратном.

Если Польша считает себя разменной монетой, она станет ненадежной, и это может побудить США в течение следующего десятилетия пойти на охлаждение отношений с Польшей, только раз предав ее. О таком ходе можно размышлять лишь в том случае, если он принесет какие-то явные и серьезные преимущества, но трудно представить, какими могут быть эти преимущества, учитывая, что

сохранение мощного клина между Германией и Россией имеет решающий интерес для США.

Положение стран Балтии — другой вопрос. Эти страны подобны штыку, направленному на Санкт-Петербург, и представляют собой превосходный плацдарм, с которого американцы могут развернуть наступление. Санкт-Петербург — второй по численности населения город России. А от восточной границы Литвы до столицы Беларуси Минска — около 170 км.

Тем не менее у США нет сил для вторжения в Россию (или нет заинтересованности в таком вторжении). Поскольку позиция США стратегически агрессивна и в тактическом отношении носит оборонительный характер, страны Балтии становятся бременем. Протяженность территорий этих республик с севера на юг составляет около 500 км, а в ширину нигде не превышает 320 км. Защищать эту территорию почти невозможно. Но эти страны способствуют блокированию российского ВМФ в Санкт-Петербурге. Поэтому страны Балтии остаются активом, содержание которого, однако, может оказаться слишком дорогим. Следовательно, американский президент должен внешне проявлять крайнюю приверженность этим странам, чтобы сдерживать Россию, и добиваться от нее максимальных уступок за согласие американцев уйти из региона. Учитывая польский нрав, данный маневр следует откладывать на как можно более далекий срок. К несчастью, в России осознают реальное положение дел и могут оказать давление на страны Балтии скорее раньше, нежели позже, преждевременно превратив их в точку очевидных трений.

Что бы ни случилось с Германией, для США крайне важно сохранять прочные двусторонние отношения с Данией, которая представляет собой пробку, запечатывающую выход из Балтийского моря. Для США ценны Норвегия, где на Нордкапе размещены технические средства, позволяющие блокировать российский флот в Мурманске, и Исландия, отличная платформа для ведения поиска российских подводных лодок и борьбы с ними. Ни одна из этих стран не является членом Европейского Союза, а Исландия к тому же

обижена на Германию за экономические меры, предпринятые немцами во время финансового кризиса 2008 г. Таким образом, США могут привлечь на свою сторону Норвегию и Исландию относительно дешево.

Остальную границу с Россией образуют Карпатские горы, за которыми лежат Словакия, Венгрия и Румыния. Поддержание дружественных отношений с этими тремя странами — стратегический императив для США, которые должны помогать наращиванию военных потенциалов Словакии, Венгрии и Румынии. Однако, учитывая препятствие, которое создают для вторжения Карпаты, необходимый этим странам военный потенциал минимален. Так как угроза этим странам меньше, а их возможности маневрировать больше, то выше и степень политической сложности. Но до тех пор, пока россияне не перейдут Карпаты, а немцы не превратят эти три страны в придатки экономики Германии, США могут управлять ситуацией при помощи простой стратегии: укреплять экономики и вооруженные силы этих стран, делать сохранение ориентации на Америку выгодным и ждать. Не предпринимать ничего, что провоцировало бы Россию в сфере ее влияния. Не делать ничего, что могло бы подорвать экономические отношения России с остальной Европой. никоим образом не беспокоить остальных европейцев тем, что США пытаются втянуть их в войну.

На Кавказе США в настоящее время имеют союзнические отношения с Грузией, страной, остающейся под давлением России. Внутренняя политика Грузии в долгосрочной перспективе, мягко говоря, непредсказуема. Вызывают вопросы и страны второго эшелона, Армения и Азербайджан. Армения — союзница России, Азербайджан тяготеет к Турции. Вследствие давней враждебности к туркам Армения всегда стремится к сближению с Россией. Азербайджан пытается балансировать между Турцией, Ираном и Россией.

Одно дело — обозначение США своей позиции в Польше, стране с 40-миллионным населением. Сохранение обязательств по отношению к Грузии, население которой

всего лишь 4 млн человек и которая является страной, намного менее развитой, чем Польша, — более трудное дело. И поражение в Грузии, принимающее форму пророссийски настроенного правительства, которое потребует удаления из страны американских советников и военных, не только развалит позиции США на Кавказе, но и спровоцирует кризис доверия к США в Польше.

С ситуацией на Кавказе может справиться только Турция. Если границы России сместились на север, в результате чего на мировой арене вновь появились три древних государства (Армения, Азербайджан и Грузия), то границы Турции остались неизменными. США неважно, где находится граница России и сфера ее влияния, — до тех пор, пока эта граница находится где-то на Кавказе. Единственным катастрофическим результатом была бы оккупация Турции Россией, что невероятно, или российско-турецкий союз, который представляется более реальной угрозой.

Турция и Россия — давние исторические соперники. Это две черноморские империи, конкурирующие друг с другом на Балканах и Кавказе. Более важное обстоятельство: Россия рассматривает Босфор как запертую дверь, ведущую в Средиземноморье. В следующем десятилетии Турция вполне может сотрудничать с Россией, особенно потому, что Турция зависит от российской нефти, но мысль о том, что Турция сместит свою границу к югу или откажется от Босфора, в любом случае даже не обсуждается. Таким образом, Турция самим своим существованием служит интересам Америки в ее отношениях с Россией. И поскольку у США нет каких-то конкретных пожеланий о рубежах сдерживания России на Кавказе (до тех пор, пока такое сдерживание существует), огромные американские обязательства по отношению к Грузии, по большому счету, неоправданны. Грузия попросту стала причиной расходов США, расходов, которые не приносят особых выгод. Поэтому США должны полностью изменить свою нынешнюю политику по отношению к Грузии. Эта задача — наследие периода, когда американцы считали, что такие позиции не сопряжены с рисками и серьезными расходами. В период, когда риски и расходы растут, США

должны управлять своей уязвимостью с большей осторожностью и рассматривать Грузию скорее как пассив, чем как актив.

В следующем десятилетии появятся несколько возможностей, которые позволят США уйти из Грузии и с Кавказа, не нанося сколь-нибудь значительного психологического вреда своей новой коалиции. Но, скорее всего, отдаление США от Грузии вызовет немалую нервозность в Польше и во всей Восточной Европе, что может очень быстро привести к пересмотру этими странами своих внешнеполитических позиций. Ожидание столкновения Польши и России лишь увеличит силу стресса. Поэтому пересмотр политики США в отношении Грузии, произведенный как можно скорее, имеет четыре преимущества. Во-первых, этот пересмотр даст США время, необходимое для стабилизации настроений в странах Восточной Европы. Во-вторых — ясно покажет, что США руководствуются собственными причинами, а не действуют под давлением России. В-третьих — продемонстрирует туркам, что США могут менять свою позицию, а это вынудит Турцию, демонстрирующую все большую уверенность в своих силах, проявлять большую осторожность в отношениях с США. (Осторожность — это иногда неплохо.) В-четвертых — в обмен на отступление на Кавказе США могут попросить у России уступок в Средней Азии.

Пока США продолжают войну в Афганистане, Америка нуждается в нестесненном доступе к соседним странам, на которые США полагаются в деле снабжения своей группировки в Афганистане. Доступ к среднеазиатским запасам нефти и газа нужен и американским нефтяным компаниям. В долгосрочной перспективе США уходят из Афганистана. В той же перспективе США не метут быть господствующей в регионе силой: американское господство в Средней Азии исключено самой географией, и в России об этом знают.

США сделали Грузии обещания, которые ныне не собираются выполнять. Но в широком смысле предательство, совершаемое США в отношении Грузии, повышает

способность Америки выполнять другие обязательства. Для США Грузия имеет очень небольшое значение, тогда как для России она очень и очень важна для гарантии безопасности южных российских границ. Российская сторона готова дорого заплатить за Грузию, а готовность США уйти из Грузии добровольно и быстро принесет Америке премию.

Ценой, которую Россия готова заплатить за такую сделку, станет не только отказ от поставок оружия Ирану и присоединение к режиму санкций в том случае, если попытки США примириться с Ираном окажутся неудачными. Если же эти попытки окажутся успешными, США могут потребовать, чтобы Россия прекратила поставки оружия на Средний и Ближний Восток и прежде всего в Сирию. Если такое соглашение будет обсуждаться одновременно и параллельно с попытками добиться сближения с Ираном, это придаст иранским инициативам США большой вес и расширит их возможности. То же соглашение поможет также выиграть время, необходимое для наращивания американских активов в Польше.

В качестве американского плацдарма на Кавказе Грузия гораздо менее жизнеспособна, чем Азербайджан, который граничит с Россией и Ираном, поддерживает тесные отношения с Турцией и является крупной нефтедобывающей страной. Если Армения — союзница России, а Грузии не хватает прочного экономического фундамента, то Азербайджан располагает экономическими ресурсами и может стать платформой для развертывания американских операций. Так что в следующем десятилетии возникнет необходимость в стратегии ухода и перегруппировки. Нынешняя стратегия станет ненужной.

Если США убедят Россию, что их уход из Грузии избирателен, будет осуществляться поэтапно, и что этот уход прежде всего обратим — США смогут добиться уступок, которые имеют реальное значение и позволят Америке рационализировать свое стратегическое положение. В известном смысле это будет блефом, но хороший президент должен уметь и блефовать, и придавать разумный смысл предательству.

Как справляться с Россией

Россия не угрожает позициям США в мире, но сама возможность сотрудничества России с Европой и особенно с Германией создает самую существенную угрозу наступающего десятилетия, долгосрочную угрозу, которую необходимо подавить в зародыше. США не могут рассчитывать, что Германия сыграет роль, которую она играла в годы холодной войны, став барьером, преграждающим путь советской империи. В следующем десятилетии США придется приложить усилия к превращению Польши в то, чем в 50-х годах XX в. была Германия, хотя российская угроза будет не столь значительной, мощной и однозначно страшной, какой была во времена холодной войны. Однако несмотря на то, что геополитическая конфронтация продолжается, США и Россия будут сотрудничать экономически и политически в других регионах. Это не холодная война времен наших отцов. Сталкиваясь в Польше и в зоне Карпат, США и Россия могут отлично сотрудничать в Средней Азии или даже на Кавказе.

В долгосрочной перспективе Россия будет испытывать серьезные трудности. Она не сможет нести бремя, сопряженное с исполнением важной роли в международных отношениях. Зависимость от экспорта сырья позволяет России пополнять казну, но не развивать экономику. Население России резко сокращается. География страны остается неизменной. Но десятилетие — не дальняя перспектива с точки зрения геополитики. Только развал СССР занял целое десятилетие. В новом десятилетии сохранится угроза, исходящая от России и Европы, которая будет занимать мысли американского президента, пытающегося восстановить равновесие в глобальной стратегии США.

Глава 9

Новая Европа: возвращение в историю

Современная Европа ищет выход из ада. Оглядываясь на прошедший XX в., можно сказать, что его первая половина, от Вердена до Аушвица, для европейцев была настоящей бойней, а последующие полвека Европа пребывала в страхе перед возможностью советско-американской ядерной войны, которая шла бы на ее территории. Истощенная кровопролитиями и беспорядками, Европа начала мечтать о мире, в котором существовали бы только экономические конфликты, управляемые бюрократами из Брюсселя. Европейцы даже стали говорить о «конце истории» — в том смысле, что все гегелевские конфликты идеологий разрешились. В течение 20 лет после развала СССР европейцам казалось, что они обрели свою утопию. Но теперь будущее представляется гораздо менее определенным. Заглядывая в следующее десятилетие, я не вижу возвращения Европы к траншеям и концентрационным лагерям, но я вижу усиление геополитической напряженности на континенте, а вместе с этим — и корни более серьезного конфликта.

В ближайшем десятилетии Европа столкнется с двумя взаимосвязанными проблемами. Первая — выяснение характера отношений Европы с возрождающейся Россией. Вторая — определение роли, которую будет играть самая динамичная экономика Европы, экономика Германии. Парадокс России (слабость экономики и значительная военная мощь) сохранится, как сохранится и динамичность Германии. Остальные европейские государства должны определить свои отношения с этими двумя державами, ибо это станет предпосылкой определения европейскими странами взаимных отношений. Напряженность данного

процесса приведет к возникновению в следующем десятилетии совсем другой Европы, которая бросит вызов США. Для того чтобы понять, что следует США предпринимать в политике, сначала надо рассмотреть историю, которая привела Америку к нынешнему положению.

Европа всегда была площадкой для кровопролитных сражений. После 1492 г., когда географические открытия вызвали конкуренцию между широко раскинувшимися империями, Европа стала местом борьбы за мировое господство между Испанией, Португалией, Францией, Нидерландами и Британией — странами, имевшими выход к Атлантическому океану или Северному морю. Австро-Венгрия и Россия не участвовали в борьбе колониальных империй, а Германия и Италия оставались раздробленными и бессильными совокупностями феодальных княжеств.

В течение двух следующих веков Европа состояла из трех слагаемых — атлантической Европы, Юго-Восточной Европы и России. Буферная зона между этими регионами проходила по центру континента, от Дании до Сицилии. Эта буферная зона состояла из крошечных королевств и герцогств, которые были не способны защищать себя, но непреднамеренно и невольно обеспечивали Европе определенную стабильность.

Европа в 1815 г.

Затем устоявшийся порядок нарушил Наполеон, который, двинувшись на восток, в Германию, и на юг, в Италию, разрушил сложный баланс сил, существовавший в этих несформировавшихся странах. Хуже того, именно Наполеон дал импульс Пруссии, побудив ее стать одной из главных европейских держав. Именно пруссаки внесли самый крупный вклад в поражение Наполеона в битве при Ватерлоо. Полвека спустя, после короткой и успешной войны с Францией в 1871 г., Пруссия объединила остальные германские княжества в целостное государство. Примерно в то же время в общем завершилось и объединение Италии.

Неожиданно на просторах между Северным и Средиземным морями сложилась новая геополитическая реальность. Вследствие своей огромной производительности и стремительного развития (а также и своего географического положения, делавшего страну уязвимой) особое беспокойство проявляла Германия. История поместила Германию во главе Северо-Европейской равнины, в районе, где текут несколько рек, создающих преграды, но некоторые наиболее производительные части этого нового национального государства находились на другом берегу реки Рейн и были совершенно незащищенными. На западе от Германии находилась Франция, на востоке — Россия. В обеих этих странах помнили о временах, когда Германия была раздробленной и слабой, но теперь приходилось иметь дело с новым сильным, пугающим соседей государством. В экономическом отношении Германия была самой динамичной страной в Европе, обладала мощными вооруженными силами и чувством опасности.

Германия, в свою очередь, испытывала страх перед страхами соседей. Руководители Германии знали, что, если на их страну одновременно нападут Франция и Россия, Германии не выжить. Они также считали, что подобное нападение обязательно когда-нибудь да произойдет, так как понимали, насколько путающей казалась Германия своим соседям. Германия не могла позволить Франции и России начать войну в тот момент, когда они сами решат сделать это, и там, где они сами пожелают нанести удар. Так Германия,

подгоняемая собственными опасениями, разработала стратегию упреждения и соединила эту стратегию с союзами.

Положение Европы в XX в. определяли опасения, которые, будучи продиктованы географией, представлялись разумными и неизбежными. Никого не удивляет, что та же география существует и ныне. Европейцы попытались упразднить последствия географии, уничтожив национализм, но, как мы уже начали понимать, подавить национализм нелегко, а географические особенности вообще неустранимы. Эти вопросы сохраняют особую настоятельность в Германии, которая, как и в XIX-XX вв., остается локомотивом Европы, окруженным потенциальными врагами и глубоко уязвимым. Возникает вопрос: будет ли та геополитическая логика, которая в прошлом приводила к войнам, иметь столь же унылые результаты в будущем или же Европа сможет пройти испытание на прочность, которое ранее так часто заканчивалось неудачами.

Обе мировые войны были начаты по одному сценарию: Германия, считавшая себя незащищенной в силу географического положения, наносила молниеносный удар, стремясь рассечь Францию. В обоих случаях целью был быстрый разгром Франции, после чего на очереди была Россия. В 1914 г. Германия начала блицкриг, но ее войска увязли, стали окапываться, и война превратилась в войну на истощение. На обоих фронтах, и на Западном, и на Восточном, войска сидели в траншеях. Когда показалось, что большевистская революция спасла Германию выходом России из войны, в войну ввязались США, впервые сыгравшие крупную роль на мировой арене.

В 1940 г. германским войскам удалось разгромить Францию, но лишь для того, чтобы обнаружить, что они не могут справиться с Советским Союзом. Одной из причин этой неудачи стал второй акт впечатляющего возвышения США. Америка предоставила СССР помощь, которая позволила советскому государству продержаться 4 года в войне, продержаться до тех пор, пока англо-американское вторжение не помогло второму за четверть века поражению Германии.

Из Второй мировой войны Германия вышла униженной не только поражением, но и беспрецедентным варварством нацистов, совершивших зверства, никак не обусловленные геополитическими обстоятельствами. Расчлененная и оккупированная победителями Германия посвятила себя восстановлению суверенитета и единства и недопущению возвращения на свою территорию кошмара постыдного прошлого.

Германия была разгромлена, но ее действия привели к серьезным разрушениям чего-то более важного. В течение 500 лет Европа господствовала в мире. До волны самоуничтожения, начавшейся в августе 1914 г., Европа непосредственно управляла огромными территориями в Азии и Африке и осуществляла косвенное господство над большей частью остального мира. Крошечные европейские страны вроде Бельгии и Нидерландов правили такими огромными территориями, как современные Конго или Индонезия.

Колониальные империи накануне первой мировой войны (1900 г.)

Войны, последовавшие за объединением Германии, уничтожили колониальные империи. Кроме того, кровопролития двух мировых войн, уничтожение поколений рабочих и огромных капиталов истощили Европу. Империи европейских стран распались, и за их обломки сражались лишь две державы, вышедшие из мирового пожара со стремлением создать собственные империи, — США и СССР, хотя обе эти державы стремились создать империи в форме системы союзов и коммерческих отношений, а не в виде формального господства над подчиненными странами.

Из центра мировой империи Европа превратилась в поле возможного военного столкновения, третьей мировой войны. В основе напряженности, питавшей холодную войну, лежал страх перед тем, что советская армия, дошедшая до центра Германии, захватит весь континент. Для Западной Европы опасность была очевидной. Для США величайшей угрозой была перспектива объединения многочисленности и ресурсов советской стороны с европейской промышленностью и технологиями, в результате чего возникла бы держава, потенциально более могучая, чем США. Опасаясь угрозы своим интересам, США сосредоточились на сдерживании СССР по всему его периметру и особенно в Европе.

Сошлись две проблемы, и их сочетание создало сцену, на которой на протяжении следующих 20 лет и разыгрывались события. Первой проблемой был вопрос о роли Германии в Европе. Со времени объединения Германии в XIX в. этот вопрос провоцировал войны. Второй проблемой стало сокращение мощи Европы. К концу 60-х годов ни одна европейская страна (за исключением России) не была действительно мировой державой. Все европейские страны были низведены до уровня региональных держав, причем в этом регионе их коллективная мощь была ничтожной по сравнению с мощностью СССР или США. Если Германии предстояло найти свое новое место в Европе, то Европе предстояло найти свое новое место в мире.

Две мировые войны и последовавшее за ними драматическое снижение статуса оказали глубокое

психологическое воздействие на Европу. Германия вступила в период глубокого отвращения к себе самой, а остальную Европу, по-видимому, раздирало противоречие между тоской по утраченным колониям и облегчением, вызванным тем, что с европейских стран было снято имперское бремя и даже бремя суверенитета. Одновременно с истощением наметился и упадок Европы, но некоторые внешние атрибуты статуса великих держав (такие, как постоянные места Великобритании и Франции в Совете Безопасности ООН) сохранились. Однако ядерное оружие, которым обладали эти старые метрополии, не имело особого значения. Европа была поймана в ловушку созданного двумя сверхдержавами поля битвы.

Реакция Германии на снижение ее статуса было уменьшенной копией реакции европейцев: Германия признала свою коренную проблему, заключающуюся в том, что она как независимый субъект была зажата между потенциально враждебными державами. Угроза, исходившая от СССР, была постоянной. Впрочем, если бы Германии удалось по-новому определить свои отношения с Францией (а через это — и со всей остальной Европой), ей удалось бы освободиться от тисков. С точки зрения Германии, решение состояло в интеграции с остальной Европой и особенно с Францией.

Для Европы в целом интеграция была предрешенным делом. С одной стороны, необходимость интеграции была продиктована советской угрозой, с другой — позицией США. Американская стратегия противодействия СССР заключалась в организации европейских союзников для нанесения при необходимости упреждающего удара и в гарантировании безопасности этих союзников с помощью войск, уже развернутых на континенте. США обещали также прислать дополнительные войска в случае войны и, в качестве последнего средства, применить ядерное оружие, если его применение станет совершенно необходимым. Однако ядерное оружие должно было находиться под американским контролем. Обычные вооруженные силы были подчинены объединенному командованию, которое, в свою очередь, подчинялось вновь образованной «Организации

Североатлантического договора». Эта организация, в сущности, и создала многосторонние объединенные силы обороны Европы, контролируемые США.

Американцы были также кровно заинтересованы в процветании Европы. С помощью «Плана Маршалла»²⁸ и других механизмов США создали благоприятные условия для возрождения европейской экономики, одновременно закладывая основы военного потенциала Европы. Чем больше было процветание, генерируемое через связь с США, тем привлекательнее становилось членство в НАТО. Чем больше был контраст между условиями жизни в советском блоке и в Западной Европе, тем выше становилась вероятность, что этот контраст вызовет недовольство на Востоке. США по идеологическим и практическим причинам веровали в свободу торговли, но помимо этого они хотели большей интеграции экономики европейских стран как самой по себе, так и для сплочения потенциально непрочного союза.

Американцы рассматривали европейский экономический союз как опору НАТО. Европейцы рассматривали такой союз не только как способ послевоенного восстановления, но и как способ поиска своего места в мире, в котором Европа была низведена до уровня статиста. Если европейцы стремились снова обрести мощь и власть, их следовало искать в какой-то форме федерации. Это было единственным способом создать равновесие между Европой и двумя сверхдержавами. Такая федерация решала также германскую проблему путем интеграции Германии в Европу, что превращало великолепную экономику Германии в часть европейской системы. Один из главных вопросов следующего десятилетия звучит так: станут ли США рассматривать европейскую интеграцию, находясь на прежних позициях.

Маастрихтский договор 1992 г.²⁹ формально учредил Европейский Союз (Евросоюз; ЕС), но его концепция была на самом деле старой европейской мечтой. Идеи, предвосхищающие идею создания ЕС, впервые сформулировали в начале 50-х годов XX в., когда было основано «Европейское объединение угля и стали»,

узкоспециализированная организация, лидеры которой уже тогда говорили о своем детище как об основе будущей европейской федерации.

Совпадающим, но крайне важным обстоятельством было то, что, хотя идея Евросоюза возникла во время холодной войны, она зародилась как ответ на окончание холодной войны. На Западе вездесущность НАТО, управлявшей внешней и оборонной политикой, резко ослабла. На Востоке падение Берлинской стены и развал СССР создали суверенные государства, вышедшие из тени. Именно в этот момент Европа вновь обрела утраченную суверенность и ныне ведет борьбу за новое ее определение.

Предполагалось, что ЕС послужит достижению двух целей. Первой целью была интеграция Европы в ограниченную федерацию, что решало проблему Германии: ее связывали с Францией, что ограничивало угрозу войны. Второй целью было создание инструмента реинтеграции Восточной Европы в европейское сообщество. ЕС превратился из института холодной войны, обслуживавшего Западную Европу в условиях напряженности между Востоком и Западом, в институт эпохи, наступившей после холодной войны; институт, задуманный для того, чтобы связать воедино обе части Европы. Кроме того, Евросоюз рассматривали как шаг к возвращению Европы на ее прежнее место мировой державы, пусть не в лице отдельных стран, но зато как коллективное целое, равное США. Однако, вынашивая эти устремления, ЕС наткнулся на неприятности.

Кризис Европейского Союза

В конце XVIII в. освободившиеся от власти британской короны 13 колоний создали Североамериканскую конфедерацию, что стало практическим решением экономических и политических проблем. Соединенные Штаты Америки (а именно под таким названием получила известность конфедерация бывших британских колоний) рассматривали данный шаг и как моральную миссию, посвященную более высоким целям, включая понятие, что «все люди созданы равными и наделены творцом определенными неотчуждаемыми правами». США также связаны корнями с идеей, что вместе с благами свободного общества приходят риски и обязательства. Бенджамин Франклин как-то сказал, что «люди, способные отказаться от сущностной свободы ради получения малой временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности», и это высказывание характеризует самую суть национального менталитета США, в котором материальное благополучие и моральные цели стоят рядом.

Кроме того. США были созданы как федерация независимых стран, говорящих на одном языке, но глубоко различных в других отношениях. Когда эти различия привели к сецессии южных штатов, большинство штатов, оставшихся в составе США, начали войну ради сохранения целостности союза. Эта готовность к жертвам была бы невозможна, если бы США не рассматривали как моральный, а не просто практический проект.

Напротив, в ЕС все еще господствует модель конфедерации. Суверенитет остается в руках каждого государства-члена. Таким образом, даже на уровне основных принципов своего существования ЕС налагает жесткие ограничения на свои же притязания на власть и право требовать жертв. Этот союз становится еще более странным потому, что в него входит не вся Европа. У некоторых членов ЕС общая валюта, другие сохраняют собственные валюты. У Евросоюза нет единой оборонной политики. Тем более нет европейской армии. Более того, каждая из стран-членов ЕС

имеет собственную историю, собственную уникальную сущность и собственное отношение к идее жертв. Полномочия военных на действия за рубежами ЕС, необходимый и неотъемлемый элемент мировой мощи, также остаются в руках отдельных государств. Евросоюз остается комплексом избирательных отношений, созданным для удобства членов этого объединения, и если членство в нем становится неудобным, страны могут выйти из него. Никакого запрета на выход нет.

В сущности, ЕС — экономический союз, а экономика, в отличие от обороны, — средство увеличения благосостояния. Это ограничение означает, что принесение безопасности в жертву высшей цели — логическое противоречие, несуразица, поскольку Евросоюз соединяет безопасность и благосостояние в единой моральной цели. Для какой-то вдохновляющей риторики, которая могла бы побудить кого-то сражаться и умирать ради сохранения идеалов ЕС, просто нет никакой основы.

Заглядывая в следующее десятилетие, мы видим, что хрупкий баланс сил, созданный, чтобы сдерживать Германию, начинает разваливаться. Не потому, что этого развала хочет Германия, а потому, что этого требуют радикально изменившиеся обстоятельства.

Развал начался во время финансового кризиса 2008 г. С 60-х годов XX в., когда Запад успешно оправился от опустошений, причиненных Второй мировой войной, Германия является одной из ведущих экономических держав. Коллапс коммунизма в 1989 г. вынудил процветающий Запад поглотить обнищавший Восток, ставший для Запада экономическим бременем. Хотя этот процесс был болезненным, Западная Германия за 10 лет вобрала в себя бедную Восточную Германию и осталась самой мощной страной в Европе, удовлетворенной экономическими и политическими отношениями, установившимися в ЕС. Германия — ведущая держава Евросоюза, но все-таки остающаяся всего лишь одним из многих членов этого объединения. Германию не влечет к еще большему господству, да у нее нет и необходимости добиваться такого господства.

Когда разразился финансовый кризис 2008 г., он больно ударил по Германии, как и по другим европейским странам, но немецкая экономика была достаточно сильной и выдержала шок. Первая волна опустошения сильнее всего ударила по Восточной Европе, региону, который лишь недавно освободился от советского господства. Банковская система многих восточноевропейских стран была создана или скуплена странами Западной Европы, в частности, австрийскими, шведскими и итальянскими банками, но среди финансовых институтов, контролировавших финансовую систему восточноевропейских стран, были и некоторые немецкие банки. В Чешской Республике банковская система на 96% принадлежала другим европейским странам. Поскольку в Евросоюз были приняты многие восточноевропейские страны (Чешская Республика, Польша, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, а также балтийские государства — Латвия, Литва и Эстония), казалось, что нет причин беспокоиться об этом. Но хотя восточноевропейские страны были членами ЕС, они временно сохранили собственные валюты, которые были не только не слабее евро, но и процентные ставки по кредитам, выданным в этих валютах, были выше, чем по кредитам, выданным в евро.

В одной из первых глав этой книги я рассмотрел проблему, созданную жилищным бумом и ипотечными займами, выданными в Восточной Европе в евро, швейцарских франках и даже в йенах. Многими восточноевропейскими банками владели банки из других стран Евросоюза, которые оперировали евро и находились под надзором Европейского центрального банка и банковской системы ЕС. Страна, которая не контролирует собственную финансовую систему, находится на заключительных этапах пути к потере суверенитета. И это обстоятельство указывает на будущую проблему Евросоюза. Во время финансового кризиса более сильные члены ЕС (например, Германия) сохранили и упрочили свой суверенитет, тогда как суверенитет более слабых членов ЕС сокращается. Этот дисбаланс придется урегулировать в ближайшем десятилетии.

Учитывая, что Европейский Союз — единая экономическая сущность, а страны Восточной Европы бедны ресурсами и обладают ограниченным контролем над собственными банками, предполагалось, что более здоровые страны союза помогут восточноевропейским банкам преодолеть кризис. Этого ожидали не только в Восточной Европе, но и в тех западноевропейских странах, которые в нее инвестировали. Поскольку Германия обладала самой сильной экономикой и самой мощной банковской системой, предполагалось, что именно Германия и возглавит программу помощи Восточной Европе.

Но Германия не оправдала этих надежд. Она не желала становиться гарантом спасения Восточной Европы. Вопрос был сопряжен с очень большими деньгами, и Германия просто не хотела взваливать на себя такое бремя. Вместо того чтобы оказать помощь, немцы побуждали восточноевропейские страны просить помощи у Международного валютного фонда. Помощь МВФ уменьшила бы бремя расходов Германии и западноевропейских стран, размыла бы их ответственность за счет участия Америки и других доноров МВФ.

Данное последствие кризиса 2008 с еще раз показало, насколько далека Европа от того единства, которым обладает национальное государство. Кроме того, это привлекло внимание к факту, что в Европе решения определяет Германия. Если бы Германия захотела оказать помощь, Европа оказала бы ее.

Но на этом финансовые волнения не закончились. Поскольку рецессия ударила по Европе, налоговые поступления сократились, а заимствования на социальные услуги возросли. Некоторые страны испытали огромное давление, и эти финансовые трудности вскоре были усугублены внутривалютными проблемами. В странах, принявших евро, некоторых основных инструментов решения подобных проблем просто не существовало. Например, снижение курса национальных валют привело к тому, что стоимость импорта возросла, экспорта — сократилась, а конкуренция на рынке импортируемых товаров стала более

ожесточенной. Изменение стоимости национальной валюты — главный механизм управления рецессией, но страны вроде Греции не контролируют собственную валюту, которой, собственно, и не имеют в необходимом количестве. Эта асимметрия мощи превратила ЕС в поле битвы. Германия не хотела брать на себя ответственность за помощь более слабым странам, а те, в свою очередь, не обладали полным контролем над собственной экономикой и потому не могли контролировать свое будущее. Возник вопрос, сможет ли Евросоюз, особенно в свете истории Европы, выдержать такую силу, работающую на разрыв. Ответ на данный вопрос отчасти заключается в том, какой курс изберет Германия.

Евро обращается в нескольких странах, имеющих разный уровень развития и находящихся на разных фазах цикла деловой активности. Валюта, помогающая одним странам, не обязательно помогает другим. Очевидно, Европейский Центробанк более обеспокоен состоянием экономики Германии, чем мелких стран, и это влияет на решения об оценках.

С момента своего основания в 1993 г. и до 2008 г. Евросоюз наслаждался периодом беспрецедентного благоденствия, которое временно скрывало все проблемы, так никогда и не решенные полностью. Мерой жизнеспособности любой политической сущности является ее способность справляться с испытаниями. Кризис 2008 г. привел к тому, что все нерешенные проблемы возникли снова, а вместе с ними возродился и национализм, который европейское сообщество намеревалось похоронить. Временами этот национализм обретает значительную политическую силу. Большинство немцев выступило против оказания помощи Греции. Большинство греков предпочитает банкротство подчинению условиям ЕС, которые греки считают продиктованными Германией. После того как финансовый кризис пошел на спад, ситуация несколько разрядилась, но мы увидели силы, кипящие под крышкой европейского котла.

Евросоюз не исчезнет, во всяком случае в течение следующего десятилетия. Этот союз возник как зона свободной торговли и останется таковою, не модернизируясь

в многонациональное государство, которое смогло бы стать крупным игроком на мировой арене. У стран — членов ЕС недостаточно общих интересов для создания единых вооруженных сил, а без военной мощи у Европы не будет того, что я называю «фундаментальной мощью». Европейцы не могут сделать выбор между национальным суверенитетом и общеевропейским решением проблем экономического кризиса. Вызов, который финансовый кризис бросил европейскому единству, еще сильнее препятствует военной интеграции. В конечном счете можно сказать: существует европейская бюрократия, но общеевропейского государства нет.

С другой стороны, совсем неочевидно, что созданные в ЕС механизмы экономического контроля переживут наступающее десятилетие. Эти механизмы ставят в крайне невыгодное положение небольшие страны: ими управляет система, которую контролируют крупные страны. Гражданам крупных стран работа по созданию политических коалиций для оказания помощи другим, попавшим в беду странам кажется делом трудным и ненадежным. Девальвация валюты — гораздо более простой способ сделать экспорт дешевле, а импорт — дороже и, таким образом, улучшить состояние экономики. Однако еще раз напомним, что, например, у Греции нет такого способа, поскольку у нее нет собственной валюты.

Несомненно, в ближайшие годы сохранятся серьезные экономические ограничения. Трудности не будут беспрецедентными или неразрешимыми, но они останутся фактором, создающим разные проблемы для разных стран. Экономическая напряженность наверняка будет вносить раскол между европейскими странами и вызывать серьезные вопросы о преимуществах единой валюты. У меня нет сомнений, что ЕС выживет, но я буду очень удивлен, если некоторые страны не выйдут из союза, а другие страны не выдвинут возражений по поводу степени, в которой они передают контроль брюссельской бюрократии.

Наивысший подъем европейской интеграции остался в прошлом. В ближайшие 10 лет процесс пойдет на спад, и

первым, что откроется после этого спада, будет мощь Германии.

Возрождение Германии

Германия возникла из войны с Францией и дважды терпела от последней сокрушительные поражения. После Второй мировой войны Германия решила сблизиться с Францией экономически и стать новой осью Европы. Но хотя военный импульс немцев, по-видимому, был вынесен за скобки, проблема динамики мощи сохраняется. Если Франция и Германия будут держаться вместе, они останутся центром тяжести Европы, но если между ними возникнут столкновения, способные разорвать европейскую ткань, то страны ЕС разойдутся и начнут объединяться каким-то другим образом.

По историческим, географическим и экономическим причинам я исключаю из этого уравнения Великобританию. Английский канал всегда позволял Великобритании держаться особняком, лишь выборочно вмешиваясь в европейские дела, но за пределами этой географической реальности в Великобритании (со времен испанской Великой Армады и до германского blitzkriega) европейские страны рассматривали как угрозу собственному выживанию. Великобритания предпочитала обособленность. Отчасти ее имперские устремления были желанием избежать полной зависимости от Европы. Обычно Великобритания не возводила стен, отгораживающих ее от Европы (хотя порой, в крайних случаях, делала это), но ограничивала свою вовлеченность в европейские дела. География позволяла Великобритании делать это.

Хотя Европа остается крупнейшим торговым партнером Великобритании, все же самым важным партнером, на которого ориентируются англичане, являются США. Если Великобритания сильно втягивалась в дела Европы, причиной этого чаще была война, а не экономика. Великобритания всегда проводила стратегию воспрепятствования объединению Европы, считая единую Европу угрозой своей национальной безопасности не в последнюю очередь потому, что мысль о Европе, в которой в военном отношении господствовали бы Франция и Германия, для британцев

непереносима. Для Великобритании неблагоприятно (да и не нужно) играть роль младшего партнера в таком объединении.

По всем этим причинам большая стратегия Великобритании несовместима с неопределенными обязательствами в отношении Европы. Скорее стратегия Великобритании заключается в военном союзе с США. У Великобритании никогда не было достаточно сил, чтобы в одиночку блокировать СССР или управлять событиями в Европе. Союз с США позволяет Великобритании влиять на крупную имперскую державу, не неся при этом крупных затрат. В следующем десятилетии Великобритания продолжит страховать свои шаги во всех направлениях, культивируя, как любят говорить французы и немцы, англо-саксонский блок и англо-саксонскую культуру.

У франко-германского союза свои проблемы. Сегодня во франко-германских отношениях сохраняются две зоны напряженности. Первая из них — экономическая. В Германии действует намного более строгая налоговая дисциплина, чем во Франции, что означает, что две страны редко действуют синхронизированно в вопросах финансового сотрудничества. Вторая зона напряженности связана с проблемами оборонной политики. Французы, особенно голлисты³⁰, всегда рассматривали объединенную Европу как противовес США, а такой подход требует европейской интеграции в вопросах обороны. Интегрированные вооруженные силы Европы неизбежно будут находиться под франко-германским контролем.

В Германии, конечно же, ценят результаты интеграции с Францией и Европой, но не имеют ни малейшего желания браться за решение экономических проблем Франции или создавать европейские вооруженные силы, которые были бы противопоставлены Америке. Немцы просто не хотят нести расходы, возможные в первом случае, или риски, неизбежные во втором случае.

Немцы сталкиваются еще с одной проблемой, которая также возникла главным образом вследствие финансового кризиса: в отношениях Германии и США произошло охлаждение. Германия — экспортирующая страна, а США —

важный покупатель европейских товаров. Администрация Обамы разработала пакет стимулов, которые должны вытащить американскую экономику из рецессии, но немцы таких мер не приняли. Вместо того чтобы принять собственные меры, в Германии положились на американские стимулы, которые должны были вызвать спрос на немецкие товары. Это означало, что США влезли в долги, чтобы оживить свою экономику, тогда как немцы получили бесплатный проезд (или, по меньшей мере, так казалось американцам). Германия также хотела, чтобы американцы через МВФ приняли участие в спасении европейских стран. Но между двумя странами за пределами этих существенных экономических разногласий был и геополитический раскол. Как мы уже видели, у американцев наличествуют серьезные проблемы с Россией, но немцы не желают иметь ничего общего с попытками США сдержать российское развитие. Помимо отвращения к разжиганию еще одной холодной войны, немцы, как мы видели, зависят от российских поставок, удовлетворяющих большую часть потребностей Германии в энергии. Собственно говоря, немцы нуждаются в российских энергоносителях и энергии больше, чем россияне — в немецких деньгах.

Отношения США и с Россией, и с Германией в течение следующего десятилетия будут испытывать колебания. Усиливающееся российское присутствие на востоке европейской части континента при любых условиях угрожает американским интересам. Сходным образом, чем сильнее глобальные интересы заставляют США ввязываться в войны в таких странах, как Афганистан, тем сильнее Германия стремится дистанцироваться от своего союзника по холодной войне. Чем выше уровень американской озабоченности Россией, тем большее расстояние разделяет Германию и США. Отношения между Германией и США, начавшиеся после окончания Второй мировой войны и продолжавшиеся 65 лет, не переживут следующего десятилетия. Эти отношения претерпят серьезные изменения.

Германия может позволить себе отдаляться от Америки отчасти вследствие того, что исчезла традиционная проблема

зажатости страны с обеих сторон: в настоящее время Германия имеет близкие и дружественные отношения с Францией и более не граничит с Россией. Между Германией и Россией находится буфер — Польша. Германия нуждается в природном газе, которого у России в избытке, а та, в свою очередь, — в немецких технологиях, знаниях и опыте. Кроме того, существенное сокращение населения вскоре больно ударит по немецкой промышленности, поскольку сочетание дефицита рабочей силы и старения населения образует формулу экономической катастрофы. Россия, со своей стороны, имеет рабочую силу, которую может использовать Германия, прибегая к двум мерам — импорту российских рабочих и перемещению производства в Россию.

Единственный способ противодействия сокращению населения — поощрение иммиграции, несмотря на то, что последняя вступает в противоречие с сохранением европейской национальной идентичности. Если Германия не хочет завозить рабочих на свои предприятия, она может переместить производство туда, где есть рабочая сила.

Россия также переживает серьезное сокращение населения, но поскольку российская экономика слаба и сосредоточена на производстве сырья, в стране все еще есть избыток рабочей силы — люди, которые либо не имеют работы, либо заняты лишь частично. Если в России хотят перестать экспортировать энергоносители и зерно и создать современную индустриальную экономику, необходимы технологии и капитал, а у Германии есть и то, и другое. Немцы нуждаются в рабочих на фабриках и в природных ресурсах для экономики. Немецкие предприятия самых разных размеров уже создают производства в России, дополняя новую реальность отношениями между Москвой и Берлином, отношениями, которые вскоре могут стать осью Европы, к тому же более динамичными, если и не более важными, чем отношения России и Германии с другими странами.

Поскольку за спиной Германии стоит связанная с нею экономическими интересами Франция, Россия сблизится с центром Европы, что придаст новую динамику Евросоюзу.

Острота напряженности между центром и периферией ЕС уже очевидна. Центр составляют Германия, Франция, Нидерланды и Бельгия, являющиеся передовым промышленно развитым сердцем Европы. На периферии ЕС находятся Ирландия, Испания, Португалия, Италия, Греция и страны Восточной Европы. Эти страны, все еще находящиеся на ранних стадиях экономического развития, нуждаются в менее строгой валютной политике, чем их более развитые соседи, и будут испытывать более резкие экономические подъемы и спады, а потому будут и более подвержены нестабильности.

Тем временем Франция хеджировала свои ставки, позиционировав себя и как североевропейскую, и как средиземноморскую державу, вплоть до изучения возможности образования Средиземноморского Союза, который будет существовать бок о бок с ЕС. По мнению французов, такой союз будет включать страны Южной Европы, Северной Африки, Израиль и Турцию.

В абстрактном отношении идея привлекательна, но в действительности различия в уровнях развития между Ливией и Италией настолько глубоки, что по сравнению с ними различия между уровнями развития Германии и Греции меркнут. И все же мы ожидаем, что французы порезвятся-поплещутся в Средиземном море, пытаясь компенсировать роль младшего партнера Германии, которую Франции приходится играть на севере Европы.

Германия чувствует себя неудобно в роли, которую ей навязали во время кризисов 2008-2010 гг. В то время как немцы пересматривают свои интересы на периферии ЕС, страны периферии поднимают вопросы об экономических выгодах интеграции с Германией. Эти страны сожалеют о потере контроля над огромными сферами собственной экономики (такими, как банковский сектор), особенно когда предполагается, что они сами справятся с кризисами. Напряженность и в центре, и на периферии усиливает ожидание того, что страны периферии будут поддерживать свою экономику с помощью валютной политики, сконструированной под потребности стран центра.

Страны старой периферии, от Греции до Ирландии, сосредоточены на экономике. Страны новой периферии, восточноевропейские страны (особенно Польша), глубоко озабочены политикой России. И, как мы уже видели, Польшу весьма беспокоит, что она превратилась в нейтральный буфер между Германией и Россией, а эта роль в прошлом никогда не заканчивалась для Польши хорошо.

Неудобства от сближения России и Германии испытывает и Великобритания. Эта страна может примириться с осью Париж — Берлин до тех пор, пока в качестве противовеса выступают США, а Великобритания балансирует между франко-германским союзом и американцами. Но включение в уравнение России приведет к настолько сильному крену в ситуации на Европейском континенте, что это создаст угрозу коммерческим и стратегическим интересам Великобритании.

По мере развертывания следующего десятилетия Германия займет свое прежнее место на Северо-Европейской равнине, но на этот раз будет выступать в союзе со своими историческими врагами — Францией и Россией.

Великобритания еще сильнее сблизится с США. Странам старой периферии предоставят свободу самостоятельно искать выход из трудностей, но в центре всех действий окажутся страны новой периферии, страны Восточной Европы. Вероятно, Европейский Союз будет функционировать и дальше. Сохранится и евро, но при наличии столь многих центробежных сил ЕС будет трудно играть роль организующего принципа Европы.

Американская стратегия

Самая крупная ошибка, допущенная в политике после падения коммунизма, состоит в том, что США так и не разработали стратегии в отношении Европы. Это вскоре изменится.

На протяжении 90-х годов США просто исходили из презумпции общности интересов США и Европы, но эта посылка никогда не проходила испытания в благоприятных условиях последнего десятилетия XX в. Возникновение Европейского Союза никогда не рассматривалось как брошенный США вызов, но как естественная эволюция, не создающая никаких проблем. Если США когда-то действовали по привычке, то следующее десятилетие потребует от них сосредоточенного переосмысления и планирования.

Когда реакция США на 11 сентября вызвала первые серьезные разногласия между США и франко-германским блоком, она обнажила также серьезный раскол в Европе. Америка хотела от своих союзников намного более непосредственной военной помощи в Афганистане, чем она ее получила, и ожидала от них для этой войны по меньшей мере политического прикрытия. Голосования в НАТО, например, по вопросу о гарантиях, которые будут предоставлены Турции, если та поддержит действия США в Ираке, показали, что большинство стран молчаливо поддерживают США, но 4 страны — Германия, Франция, Бельгия и Люксембург — выступили против участия в войне. Следует заметить, что решения о любых действиях НАТО должны быть приняты единодушно. Тем не менее многие страны, поддержавшие резолюцию, отправили хотя бы минимальные силы в Ирак. Серьезный вклад в военные усилия внесла лишь Великобритания.

Крайне важна география поддержки, которую получили США в НАТО. Страны европейского центра, за исключением Нидерландов, выступили против США. Большинство стран периферии и прежде всего страны Восточной Европы поначалу поддержали США. Многие из них стали на сторону США не потому, что действительно одобряли действия

Америки, а потоку, что их раздражало поведение франко-германского блока, к тому же, они не хотели быть просто подчиненными членами Европы и видели в США важный противовес Франции и Германии. Произошло весьма интересное столкновение президента Франции Жака Ширака с представителями стран Восточной Европы, подписавшими письмо протеста против позиции Франции и Германии и поддержавшими США. В своем ответном обращении Ширак отругал «подписантов» за то, что их, как выразился Ширак, «скупчили на корню». В данный момент раскол между этими странами с одной стороны и Францией и Германией — с другой не мог быть более глубоким.

Раскол в Европе по вопросу войны в Ираке станет, по моему мнению, приблизительным контуром европейских стратегических разногласий и изменит состав союзников США в следующем десятилетии.

Уровень напряженности в отношениях США с Францией колеблется, но даже после того, как к власти пришел Барак Обама, в Германии решительно возражали против конфронтации с исламом. То, как Обама управляет этим конфликтом, нравилось немцам не больше, чем действия Буша, и они не желали быть втянутыми в этот конфликт. Сегодня выглядит очевидным, что у США и франко-германского блока просто разные интересы.

Трудно вообразить, что американцы стали бы убеждать немцев восстановить их прежние отношения с США или Германия советовала бы США не обращать внимания на подъем России. С американской точки зрения, идеальным для следующего десятилетия решением был бы раскол франко-германского блока. И президенту США действительно следует принимать меры к тому, чтобы увеличить дистанцию между Францией и Германией настолько, насколько это возможно. Однако это стремление не может быть основой американской стратегии, ведь, по сути, США не могут предложить Франции ничего особенного, тогда как отношения с Германией дают Франции и безопасность, и экономические преимущества.

США должны сосредоточиться на ограничении мощи и власти европейского центра, одновременно делая все, что в

их силах, чтобы сорвать российско-германское согласие. Другими словами, США должны приложить к Европе принцип баланса сил, примерно так, как это делала Великобритания. Ирония состоит в том, что на первой фазе осуществления этой стратегии США должны всячески сохранять свои нынешние отношения с Великобританией.

У США и Великобритании имеются общие экономические интересы. Поскольку обе страны являются зависимыми от Атлантики морскими державами, США теперь могут использовать удобное географическое положение Великобритании без ущерба для выгод последней. В ответ Великобритания станет для США союзником внутри ЕС, а также плацдармом для оказания влияния на другие страны атлантической периферии от Скандинавии до Иберийского полуострова. Со всеми этими странами (в их число входят также Швеция, Дания и Нидерланды) у Великобритании тесные торговые и политические связи. В ближайшее десятилетие национальные стратегии США и Великобритании будут в очень большой степени совпадать.

Балансирование в Европе потребует от США культивирования отношений с Турцией. Как уже было сказано выше, поддержание прочного союза между ними дает США возможность контролировать акваторию Черного моря и принимать меры для нейтрализации любой средиземноморской стратегии, какую может разработать Франция. Одним из факторов, укрепляющих эти союзнические отношения, станет иммиграционная политика европейских стран. Страх, который вызывает у европейцев турецкая иммиграция, побудит их препятствовать вступлению Турции в Евросоюз. Разумеется, в течение следующего десятилетия Турция будет крепнуть, однако все еще не будет готова к односторонним действиям. Ситуация в регионе, окружающем Турцию, слишком нестабильна, и российская угроза на Кавказе вынудит Турцию поддерживать тесные отношения с США. Такая ориентация на США не всецело соответствует симпатиям турок, но выбор у них невелик.

Что бы ни делали США на периферии Европы, основным остается германский вопрос, который в следующем

десятилетия и будет главным во внешней политике многих стран. США должны принимать меры к тому, чтобы их враждебность к Германии или безразличие к Европе не стали заметны, и, как бы неэффективна ни была НАТО, им не следует выходить из этой организации. США должны относиться ко всем многосторонним институтам и ко всем европейским странам с таким же уважением, как к великим державам. Другими словами, чтобы не спровоцировать паническое бегство стран периферии во франко-германский лагерь, США должны создавать ощущение порядка и спокойствия в Европе. Если же американцы слишком быстро доведут отношения до кризиса, они лишь укрепят европейские позиции Германии. Напряженность, внутренне присущая отношениям между Германией (или Францией и Германией) и остальными европейскими странами, созреет сама собой. США нет необходимости форсировать ход событий, поскольку давлению подвергается не Америка, а Германия.

В то же время США, действуя в этих сравнительно благоприятных условиях, следует принять меры, необходимые для блокирования самой возможности российско-германского согласия. Чтобы сделать это, президент США должен начать движение к укреплению двусторонних отношений с некоторыми имеющими ключевое значение европейскими странами, делая это вне обычных рамок многосторонних отношений. Модель такой политики дает Великобритания, являющаяся членом НАТО и ЕС, но сохраняющая тесные отношения с США вне рамок этих организаций. В течение ближайших нескольких лет США должны перенести акцент на двусторонние отношения со странами европейской периферии, действуя в обход НАТО и демонстрируя при этом притворное уважение к данной организации.

Выбор партнеров может быть отчасти случайным и должен служить укреплению имиджа США как этакой благодушной державы, которая довольна всем, что бы ни делала Германия (собственно говоря, чему он ныне и служит). Но некоторые страны действительно важны для американских

интересов. Дания контролирует выход России в Атлантику и доступ США в Балтийское море. Италия — страна, обладающая как развитой экономикой, так и стратегическим положением на Средиземном море. Норвегия, всегда имевшая более тесные и дружественные отношения с Великобританией, может предоставить США стратегические преимущества, начиная с военных баз и заканчивая перспективами участия в норвежской нефтяной промышленности. И, конечно же, отношения с Турцией открывают перед американцами возможности на Балканах и Кавказе, в Средней Азии и арабском мире.

И все же США не следует сосредоточиваться только на перечисленных ценных странах, а стоит обратиться и к ряду других стран. Некоторые из них могут стать скорее пассивом, нежели сулящим преимущества активом. Немцы и французы смотрят на американцев свысока, как на примитивно мыслящих людей. В следующем десятилетии США следует извлечь из этого выгоды, целеустремленно делая шаги, которые могут показаться произвольными. Необходимо делать все, чтобы привести немцев, а возможно, и французов к мысли, что США малоинтересны действия Германии и Франции.

Все эти отношения не являются самоцелью. Они — всего лишь прикрытие главного трофея: Польши и остальных стран Восточной Европы (Словакии, Венгрии и Румынии). Эти страны дают территорию, необходимую для сдерживания России. Но и здесь американская стратегия должна быть осознанно обманчивой, вводящей в заблуждение. Американская стратегия должна убаюкать Европу, создать у нее впечатление, что США просто сближаются с теми странами, которые хотят такого сближения, а в числе этих стран и Польша, и другие страны Восточной Европы, и страны Балтии. Любые признаки того, что США непосредственно стремятся заблокировать Германию или спровоцировать кризис в отношениях с Россией, вызовут в Европе противодействие, которое может загнать страны периферии в объятия центра.

Европа в целом не хочет быть втянутой в конфронтацию. В то же время желание иметь альтернативу

оси Париж — Берлин — Москва будет сильным, и, если затраты окажутся низкими, периферию привлечет к США (или Великобритании) как к альтернативе. США должны любой ценой предотвратить географическое слияние России и Европейского образования, поскольку в результате такого слияния появится держава, сдерживать которую США будет трудно.

Главным, особенно для Польши, станет убедительность. Чтобы преодолеть исторические травмы Польши, США должны будут использовать двойной довод. Во-первых, надо убедить поляков, что они сами впали в заблуждение, поверив, что Франция и Великобритания в 1939 г. могли защитить их от немцев. В силу географических причин эта задача была невыполнима. Во-вторых, США придется напомнить о неприятном для поляков факте, что они настолько слабо сопротивлялись, что им просто никто не успел прийти на помощь: сопротивление польской армии рухнуло на первой же неделе завоевания Европы Германией, а захват Польши занял всего 6 недель. Если Польша, равно как и остальные члены Евросоюза не могут сами себе помочь, никто им и не поможет.

В начале второго десятилетия XXI в, это станет задачей для американского президента. Для того чтобы не вызвать озабоченности в России или Германии, правительства которых могут ускорить взаимное сближение прежде, чем США построят систему ограничения такого сближения, президент США должен двинуться в ложном направлении. Одновременно США будут заверять Польшу и другие страны в серьезности американских обязательств по отношению к странам Восточной Европы, стран Восточной Европы. Все это можно сделать, но успех такой политики требует продуманной псевдо-простоты Рональда Рейгана и эпизодической нечестности Франклина Делано Рузвельта. Президент должен казаться не слишком способным, но при этом сохранять способность убедительно лгать. Эти маневры направлены не на будущих союзников, а на потенциальных противников. США необходимо выиграть время.

Идеальная американская стратегия — оказание помощи местным вооруженным силам и способствование их развитию: эти силы должны суметь предотвратить агрессию или, по меньшей мере, продержаться достаточно долго, чтобы подоспела помощь. Помогая экономике стран Восточной Европы и открывая им доступ на американские рынки, США смогут также создать условия для экономического роста.

В годы холодной войны США именно таким образом побудили многие страны, в том числе Западную Германию, Японию и Южную Корею, пойти на риск сопротивления советскому вторжению.

К каким бы доводам ни прибегли США при убеждении Польши в следующем десятилетии, готовность и способность поляков служить американским целям будет зависеть от трех обстоятельств. Во-первых, от экономической и технической помощи в деле строительства польских вооруженных сил. Во-вторых, от передачи полякам военных технологий для наращивания военной и гражданской промышленности Польши. И, в-третьих, от переброски в Польшу американских войск в достаточных количествах, чтобы убедить поляков относиться со всей серьезностью к американским ставкам в Польше.

Эти отношения должны быть наделены на Польшу, но распространяться и на другие государства Восточной Европы, особенно на Венгрию и Румынию. Обе эти страны критически важны для удержания Карпатского рубежа, и обе могут эффективно откликнуться на стимулы, предлагаемые США. Особый случай представляют страны Балтии. Оборонять их невозможно, но, если войны можно избежать, они становятся как раз той костью, которой самое место в глотке России.

При проведении всех этих маневров первой целью является избежание войны, а второй — предотвращение сближения России и Германии, которое в дальнейшем может создать мощь, способную бросить вызов американской гегемонии. Намерения, которые президент США может вынашивать в отношении России и Германии, должны быть гораздо скромнее, но американскому президенту следует

сосредотачиваться не на том, что думают другие в настоящее время, а на том, что эти другие будут думать позднее, когда изменятся обстоятельства.

Глава 10

Дальневосточная

угроза

Западная часть Тихого океана (Юго-Восточная Азия и Дальний Восток) — регион, откуда не исходит непосредственная и близкая угроза кризиса для США, но такое счастливое положение дел не будет продолжаться неопределенно долго. В течение прошлого века (за исключением, пожалуй, последних 30 лет) азиатский регион был одной из главных конфликтных зон в мире. Поэтому задачей президента США в наступающем десятилетии должна стать тщательная и заблаговременная подготовка к неизбежным кризисам, нависающим над горизонтом.

Значительную озабоченность вызывает баланс сил Индии и Китая, но эти страны разделены стеной Гималаев, которые делают практически невозможным продолжительный индийско-китайский конфликт, как делают невыполнимым и большой объем торговли между Индией и Китаем. По указанной причине Китай и Индия вполне могут существовать как бы на разных планетах. Главным и долговременным, уходящим корнями в прошлое противостоянием в регионе на самом деле является противостояние Китая и Японии. Эти две страны связаны в узел борьбой за положение второй по мощи экономики мира. Между Китаем и Японией существует значительная экономическая конкуренция. Экономика влияет на баланс сил только тогда, когда география допускает другие виды конкуренции. Все прочие страны региона, включая Южную Корею, которая сама по себе представляет серьезную экономическую силу, существуют в рамках баланса сил между Китаем, Японией и США. В следующем десятилетии Америка будет определять свою политику в этом регионе в категориях поддержания равновесия сил и манипулирования им.

Трудно представить две страны, которые различались бы сильнее, чем Китай и Япония. Экономические трения сделали эти страны враждебными друг другу еще со времен их первой в современной истории войны 1895 г., когда Япония уничтожила китайский военный флот.

Япония — морская держава, предельно зависимая от импорта сырья, которое необходимо ей для выживания. Китай с его огромным населением и обширной территорией является континентальным государством. С момента начала индустриализации (а в Японии этот процесс начался раньше, чем в Китае) Япония нуждалась в китайских рынках, китайском сырье и китайской рабочей силе, причем хотела получать все это на самых выгодных для себя условиях. Китайцы, со своей стороны, нуждаются в иностранном капитале и иностранных знаниях, но не хотят подпадать под контроль японцев. Эта настороженная взаимозависимость двух стран со столь различной экономикой в 30-40-х годах XX в. привела Японию и Китай к жестокой войне, в ходе которой Япония оккупировала значительную часть континентального Китая.

Ни Китай, ни Япония так до конца и не оправились от тех военных действий. Взаимные враждебность и недоверие удается держать под контролем только благодаря присутствию и вмешательству США.

В годы холодной войны США поддерживали сложные отношения с каждой из этих стран. США нуждались в индустриальной мощи Японии и ее выгодном географическом положении, позволяющем не допускать советский военный флот в Тихий океан. И Япония охотно предложила США и то, и другое. В ответ США предоставили японским промышленным товарам доступ на рынки США и не требовали от Японии участия в военных предприятиях Америки в остальной части мира.

В тот же период США потратили 30 лет на демонстрацию своей враждебности к коммунистическому Китаю. Затем, расточив свою военную мощь во Вьетнаме. США, нуждавшиеся в противовесе СССР, обратились к Китаю

как к союзнику. Китай, опасавшийся СССР и считавший США гарантом безопасности, принял ухаживания США.

То, что США поддерживают отношения и с Китаем, и с Японией, не доставляет удовольствия ни одной из этих стран, но США удалось без труда построить треугольник отношений, поскольку и у Японии, и у Китая имелись более важные проблемы. Китай был озабочен геополитическими моментами, в основном из-за опасений, которые вызвал у него СССР, Япония — экономическими проблемами, прежде всего своим послевоенным экономическим подъемом. Обе страны нуждались в США по своим особым причинам.

Когда закончилась холодная война, природа баланса сил изменилась. Период стремительного роста японской экономики завершился, тогда как Китай, воспринявший у Японии упор на экономическое развитие, вступил в полосу продолжительного подъема. Япония осталась страной с более крупной экономикой, но китайская экономика стала самой динамичной. США рассматривали эту ситуацию как вполне удовлетворительную. Сосредоточившись прежде всего на экономических вопросах, США не рассматривали Японию и Китай с подлинно геополитической точки зрения. В общем, взаимоотношения с этими странами остаются вопросом, находящимся в ведении министерства финансов США и управляющих торговыми отношениями ведомств, а не предметом озабоченности министерства обороны.

С 80-х годов важность стабильности в азиатских странах становится особенно заметной, если принять во внимание, что на протяжении 60-70-х годов данный регион, от Индокитая до Индонезии, Китая и других стран, казался самым нестабильным в мире и вообще не обещавшим ничего хорошего. Этот регион был буквально котлом гражданских войн и общей нестабильности.

Президент США должен иметь в виду, что страны Азии — крайне непостоянное место, и в следующем десятилетии мы, несомненно, увидим, как некоторые реальности, ныне считающиеся неизменными данностями, резко изменятся. Например, экономика Китая столкнется с тяжелыми испытаниями, а японская экономика начнет выходить из

полосы неудач. В 1970 г. существовало общее согласие с тем, что азиатским странам внутренне присущи насилие и нестабильность. Сегодня существует общее согласие с тем, что азиатские страны миролюбивы, а их положение стабильно. Эти противоречивые оценки позволяют представить сложность ответа на вопросы о том, как будет выглядеть данный регион в следующем десятилетии, как проявится динамика японо-китайских отношений и, самое важное, какова будет там американская политика.

Китай, Япония и западная часть Тихого океана

Когда мы говорим о западной части Тихого океана (что для европейцев является Дальним Востоком), мы в действительности говорим о цепочке островов, простирающихся от Курил до Индонезии, а также об их отношениях друг с другом и с материковой частью Азии. А когда мы говорим о материковой части Азии, мы больше, чем о чем-либо еще, говорим о Китае.

Как показано на карте, территория Китая простирается на 4 тыс. км вглубь материка. Китай граничит с 14 странами. Хотя Китай обращен к морю только одной своей стороной, полезно представить эту страну как довольно узкий остров, расположенный на побережье Тихого океана, изолированный с севера, запада и юга почти непреодолимыми барьерами.

Западная часть Тихого океана (Дальний Восток)

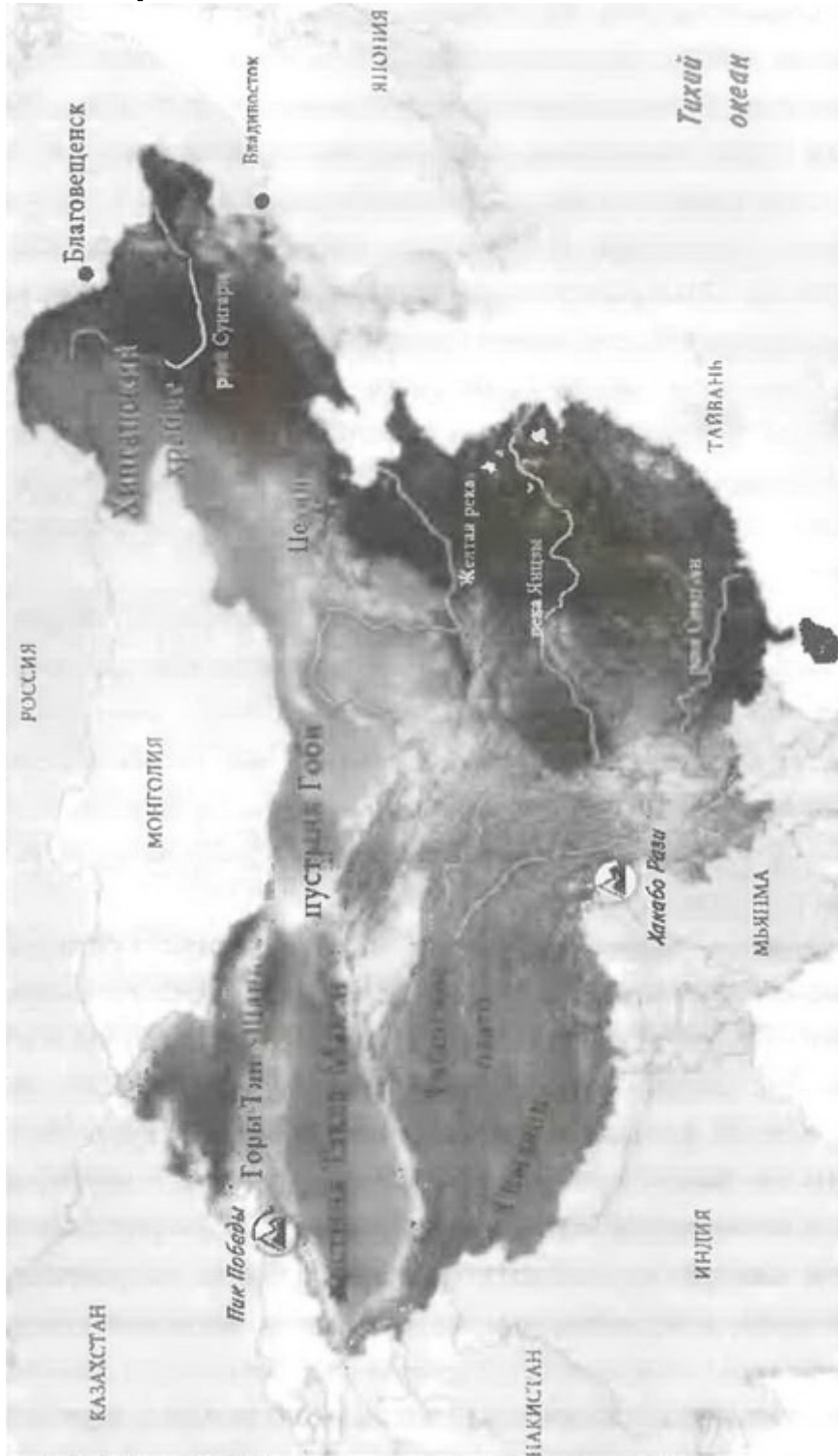
Представление о Китае как об острове оказывается вполне состоятельным, если принять во внимание, что огромная часть населения проживает в восточной части страны, в прибрежной полосе, ширина которой составляет примерно 650 км. Такое скопление обусловлено наличием воды. Линия, пересекающая приведенную выше карту, обозначает зону, в которой выпадает более 40 см осадков в год, и зону, где выпадает менее 40 см осадков в год (40 см осадков в год — то количество, которое необходимо для обеспечения водой большого населения). Поскольку западная часть Китая слишком засушлива, чтобы на ней могло существовать многочисленное население, более миллиарда китайцев сосредоточено в районе, площадь которого равна площади США восточнее Миссисипи (за исключением Новой Англии). Эта территория и есть настоящая страна Хань, родина этнических китайцев.

Количество осадков и плотность населения в Китае

Западная часть Китая — огромная и малонаселенная полупустыня, окруженная четырьмя провинциями с некитайским населением: Тибетом, Синьцзянем, Внутренней Монголией и Маньчжурией. Это закрепляет Китай в его географических пределах. Гималаи на юго-западе (через Гималаи можно пройти, но такой переход под силу лишь небольшим караванам, а не армиям), огромные пространства Сибири на севере (там нет путей сообщения, пролегающих с севера на юг), джунгли и сильно пересеченная, гористая местность, простирающаяся до Мьянмы и берегов Тихого океана, отделяют Китай от остальной части Юго-Восточной Азии.

Рельеф Китая

В географическом смысле положение Японии гораздо проще: она состоит из четырех крупных и множества мелких островов, лежащих к северу и югу. То, что Япония — архипелаг, по необходимости сделало эту страну морской державой. Эту особенность усугублял исключительный геологический факт: Япония почти полностью лишена минеральных ресурсов, необходимых промышленности. Индустриализация всегда означает импорт ресурсов, в том числе нефти, которую Япония получает главным образом из Персидского залива. Таким образом, Япония имеет широкие и уязвимые глобальные интересы. В отличие от Китая, который импортирует сырье, но имеет и собственные запасы сырья, достаточные для выживания в случае необходимости, Япония рухнет в течение нескольких месяцев, если лишится импорта.

Отчасти вследствие своей изоляции, отчасти — стремительной индустриализации, но Япония в XIX в. избежала участи, выпавшей Китаю по вине европейцев. Европейцы оказали Японии помощь в форме промышленных технологий и военной подготовки. Японский военно-морской флот создали англичане, японскую армию — немцы, и благодаря этой помощи Япония очень быстро превратилась в державу, способную бросить вызов европейцам. Действительно, в 1905 г. Япония нанесла поражение России.

Страной, которую более всего встревожило быстрое возникновение Японии как мировой державы, была вторая промышленная держава Тихоокеанского бассейна — США. До Второй мировой войны Япония импортировала сырье главным образом из Юго-Восточной Азии и голландской Ост-Индии. Для того чтобы обеспечить себе доступ к этим источникам сырья, Япония нуждалась в крупных вооруженных силах, прежде всего в ВМФ. США, ставшие крупной морской державой только в конце XIX в., рассматривали наращивание военно-морской мощи Японии как возможность того, что в один прекрасный день японский флот сможет изгнать США с Тихого океана. Иначе говоря, события развивались так, что американцы решили, что Япония начала создавать угрозу безопасности США. Увеличивая свой военно-морской флот для защиты от Японии, США угрожали безопасности Японии.

Результатом взаимного устрашения стала Вторая мировая война на Тихом океане. США разгромили Японию не только благодаря атомной бомбе и успешной стратегии «лягушачьих» прыжков с острова на остров, но благодаря своим подводным лодкам, которые нарушили поставки сырья с юга и подорвали способность Японии вести войну. Япония продолжала сопротивление, но, как только американские подводные лодки удушили поставки сырья в Японию, ее позиция стала безнадежной.

Сегодня Япония столь же сильно зависит от морской торговли, как и в 30-40-х годах XX в. Япония по-прежнему должна импортировать всю необходимую ей нефть и перевозить ее через воды, контролируемые ВМФ США. Это означает, что позиции Японии как промышленного государства зависят от готовности США гарантировать безопасность морских путей и не создавать рисков на путях снабжения Японии, особенно в Ормузском проливе.

Таким образом, Япония обречена на отношения подчиненности США и не может позволить себе охлаждения отношений с американцами, не создав сначала вооруженные силы, способные обезопасить свои пути снабжения. Однако такое предприятие требует больших амбиций и расходов, чем те, на какие Япония могла бы пойти в прошлом десятилетии. Тем не менее присущая Японии внутренняя неуверенность, вызванная зависимостью от импорта, наряду с непредсказуемостью американцев наверняка побудит Японию к более энергичным, чем прежде, усилиям, направленным на снижение зависимости и уязвимости.

Как и Япония, Китай не готов к отчуждению от США. Китай зависит от США не столько из-за импорта сырья (хотя китайские суда тоже проходят через воды, контролируемые США), сколько вследствие необходимости экспортировать свои промышленные товары. Китай, как и задолго до него Япония, настолько зависит от возможности экспортировать продукцию своей промышленности и от готовности США покупать ее, что эти два фактора стали основой китайской экономики. В следующем десятилетии Китай и Япония будут сосредотачиваться на подготовке к тому, что в этих странах

считают наилучшим вариантом развития отношений с США как торговым партнером.

В той мере, в какой региональный баланс сил сохранится, он сохранится не столько благодаря японо-китайским отношениям, но благодаря отношениям Китая и Японии с США. Поскольку Китай и Япония усилятся, в обеих странах неизбежно начнут замечать усиление роста мощи соседа, что будет вызывать обоюдную озабоченность.

При равенстве всех прочих условий отношения Японии с США останутся стабильными, а вот развитие американо-китайских отношений будет иным. Экспорт стабилизирует экономику и общество Китая, которому, однако, будет недостаточно одних покупателей. Китаю станет крайне важно наращивать благосостояние своих граждан за счет экспорта. Если экспорт Китая в США перестанет служить этой цели, интерес, который Китай проявляет к отношениям с США, может сместиться на другие страны, и зависимость Китая от Америки сократится. На протяжении следующего десятилетия по мере обретения Китаем статуса свободного субъекта экономики, пусть и не всегда слишком процветающего, Япония должна будет либо получить от США гарантии безопасности своих интересов, дающие ей преимущества по сравнению с Китаем, либо также изменить свою позицию. Таким образом, баланс, опирающийся на американо-китайские отношения, на самом деле зависит от того, как будет функционировать китайская экономика в течение ближайших лет.

Китай и Япония

Впечатляющий рост Китая в 80-х годах XX в. отчасти обусловлен тем, что до этого времени Мао Цзэдун столь же резко одерживал рост китайской экономики. Когда после смерти Мао к власти пришел Дэн Сяопин, идеологические послабления освободили Китай и позволили совершить поразительный рывок на основе отложенного, сдерживаемого спроса, сочетавшегося с талантами и способностями китайцев.

В истории Китая прослеживаются циклы изоляционизма, сочетающегося с относительной бедностью, и циклы открытой торговли, вызывающей общественную нестабильность. С 40-х годов XIX в., когда Британия заставила Китай открыть порты, и до утверждения коммунистов у власти в 1947 г. Китай был открытой страной, в которой было по меньшей мере несколько вполне процветающих провинций. При этом Китай был насильственно расчленен. Когда Мао Цзэдун затеял свой Великий поход и создал крестьянскую армию для изгнания западных чужеземцев, он снова ввел относительную изоляцию, понизив при этом уровень жизни всех китайцев, но обеспечив тем самым стабильность и единство, которых Китай не знал в течение почти ста лет. Подобного рода переходы от открытости и нестабильности к закрытости и единству отчасти обусловлены природой главного экономического актива Китая — дешевой рабочей силы.

Когда иностранцам разрешают инвестировать в Китай, они создают такие производства и предприятия, которые используют преимущества, предоставляемые избытком рабочей силы. Но главной целью этих предприятий является не сбыт продукции в самом Китае, а производство товаров для реализации их за рубежом. Соответственно, иностранные инвестиции концентрируются по большей части в районах, прилегающих к крупным портам, и там, где есть хорошие транспортные линии, ведущие к этим портам. Поскольку население сосредоточено в прибрежной зоне, нет особых причин развивать инфраструктуру в глубинных районах

страны. И действительно, подавляющее большинство промышленных предприятий расположено в прибрежной полосе, ширина которой не превышает нескольких десятков миль. Несмотря на расцвет Китая и то, что большинство предприятий принадлежит китайцам, эта модель размещения производств сохраняется.

По данным Народного банка Китая, 60 млн китайцев (а это примерно равно населению крупной европейской страны) относятся к среднему классу, представители которого имеют доход, эквивалентный более чем 20 тыс. долл., в год. Но 60 млн представителей среднего класса составляют менее 5% населения Китая, достигающего 1,3 млрд человек. Причем большая часть китайского среднего класса проживает либо в прибрежных районах, либо в Пекине.

Противовесом этому относительно благополучию являются 600 млн китайцев, семейные доходы которых составляют менее 1 тыс. долл., в год или менее 3 долл., в день на семью. Доходы еще 440 млн китайцев составляют от 1 до 2 тыс. долл., в год {или 6 долл., в день}. Это означает, что 80% китайцев живут в условиях, сопоставимых с нищетой в странах Африки южнее Сахары. Даже прибрежная полоса шириной около 160 км, где сосредоточено 15% населения Китая (преимущественно промышленные рабочие), поразительно бедна. Узкая полоса процветания разительно отличается от остального Китая в социальном и географическом отношении. Территории, прилегающие к портам, процветают за счет торговли, тогда как остальной Китай прозябает в нищете. В сущности, интересы прибрежного Китая намного ближе интересам его иностранных торговых партнеров, чем остального Китая или даже центрального правительства страны.

Именно по этим линиям разлома произошло дробление Китая в XIX в., и по этим же линиям развалится Китай в будущем. Центральное правительство в Пекине балансирует между нищим большинством и зажиточным меньшинством. Китайцы, проживающие в прибрежной зоне и пользующиеся поддержкой из-за рубежа, будут сопротивляться центральному правительству. Попытки перераспределения

богатства либо ослабят центральное правительство, либо превратят его в диктатуру. Так и случилось в правление династии Цин после британского проникновения. В 40-50-х годах XX в. Мао Цзэдун решил проблему с помощью массовых репрессий, изгнания иностранцев, экспроприаций и перераспределения богатства в пользу нищих глубинных районов.

В периоды сравнительного процветания и быстрого роста экономики государство может справиться с этой проблемой. Хотя неравенство усиливается, абсолютный уровень жизни большинства китайцев повышается, и это повышение, пусть даже минимальное, весьма способствует сохранению пассивности народа. Для более чем миллиарда китайцев, живущих в крайней нищете, даже незначительное снижение уровня жизни может оказаться катастрофой, а в самом ближайшем будущем Китай ожидает сравнительно небольшое снижение уровня жизни, которое будет проявляться сильнее на более высоких уровнях экономической и социальной пирамиды, что вызовет сопротивление центральному правительству.

Учитывая тот факт, что производство в Китае совершенно непропорционально масштабам внутреннего потребления, проблема неотвратима. Одежда и i-Pod'ы, производимые в Китае, продаются не нищим китайским массам. Одновременно Китай утратил преимущество дешевизны своей рабочей силы, которая ныне дешевле в странах вроде Пакистана и Филиппин. А поскольку резервы рабочих средней квалификации в Китае ограничены по сравнению с практически безграничными резервами необученных крестьян, стоимость китайской рабочей силы растет. Под давлением конкуренции Китай снижает цены, что отрицательно сказывается на прибыльности экспорта. В условиях усиливающейся конкуренции и замедления роста экономики некоторых из торговых партнеров Китая его конкурентоспособность снизится, что затруднит погашение займов и усилит давление на всю финансовую систему страны.

Суровая реальность состоит в том, что Китай просто не может позволить себе безработицы. Массы крестьян перебрались в города ради работы. Лишившись ее, они либо останутся в городах и создадут нестабильность, либо вернуться в свои деревни и усугубят сельскую нищету. Поддерживать занятость Китай может следующими способами: побудить банки предоставить кредиты предприятиям, стоящим на грани банкротства, субсидировать экспорт или создать государственные предприятия, но все эти меры истощают основы экономики. Говоря попросту, китайцы могут расплатиться либо сейчас, либо позднее.

В следующем десятилетии Китаю придется укреплять внутреннюю безопасность. Народно-освободительная армия Китая уже громадна. В конце концов, НОАК — сила, которая скрепляет страну, но тем не менее эту силу, собранную преимущественно из представителей беднейших слоев населения, саму надо спланировать и поддерживать ее лояльность. Чтобы умерить классовый антагонизм, властям КНР придется облагать налогами прибрежные регионы и 60 млн зажиточных китайцев и перераспределять средства в пользу НОАК и крестьянства. Усиление налогового бремени вызовет сопротивление тех, кому придется платить больше, и налоговые поступления окажутся недостаточными для оказания помощи тем, кому хочет помочь правительство, хотя и вполне достаточными для обеспечения лояльности армии.

В перспективе складывается вопрос, на который придется отвечать в наступающем десятилетии: попытаются ли китайцы решить свои проблемы так, как это делал Мао Цзэдун (закрыть страну, уничтожить предприятия в прибрежных районах и изгнать иностранных предпринимателей и т. д.), или же возобладает модель регионализма и нестабильности, действовавшая в конце XIX — 1-й половине XX вв. Очевидно одно: китайское правительство будет поглощено внутренними проблемами, тщательным балансированием конкурирующих сил, проявляя все большую параноидальность в отношении намерений японцев и американцев.

В 1990 г. Япония вступила в полосу упадка, в которую ныне вступает Китай. В Японии неформальный государственный контроль гораздо сильнее, чем заметно большинству иностранцев, и в то же время крупные японские компании обладают значительной свободой действий. Пережив период стремительного экономического роста после Второй мировой войны, японцы пали жертвой финансового кризиса, ставшего неизбежным вследствие их неспособности создать рыночную систему капитала. Японская экономика функционировала благодаря неформальному сотрудничеству кейрецу³¹, крупных корпоративных конгломераций, и государства. Данное сотрудничество было задумано таким образом, чтобы проигравших не было. В этом-то и заключался фатальный дефект японской системы.

Проблема капитала усугублена тем, что в Японии нет пенсионного плана, достойного упоминания. Это приводило к тому, что японцы были вынуждены делать крупные сбережения и вкладывать деньги в отделения Почтового банка, который выплачивал очень низкие проценты по вкладам. Затем государство предоставляло в кредит средства, аккумулированные Почтовым банком, «городским банкам», связанным с кейрецу. Эта система в 1970-1980-х годах, когда в США процентные ставки измерялись двузначными цифрами, давала Японии огромное преимущество: японские корпорации могли получать кредиты под 5% годовых. Но предприятия, которые по своей природе были прибыльными, не получали кредитов. Большую часть прибыли извлекали из дешевизны кредитов. А японцы, вынужденные делать крупные сбережения на старость, — скупые покупатели. Таким образом, японская экономика того времени (как и современная китайская экономика) была, в сущности, ориентирована на экспорт, особенно в США.

По мере усиления конкуренции со стороны других азиатских стран японцы стали снижать цены на свои товары, соответственно снижалась и прибыль, а это означало, что для дальнейшего развития предприятиям приходилось занимать больше денег, но обнаружилось, что расплачиваться по кредитам предприятиям все труднее. Последовал

экономический крах, который западные СМИ заметили лишь через несколько лет после того, как он произошел.

Как и Китаю, Японии надо было избежать безработицы, хотя и по другим причинам. В Японии нежелание сокращать размеры предприятий было основано на социальном контракте, согласно которому работник пожизненно посвящал себя служению одной компании. В ответ компания брала на себя обязательства по отношению к работнику. Японцы чтити эту традицию и поддерживали почти полную занятость, допустив падение темпов экономического роста почти до нуля.

Западные экономисты назвали 20 лет, в течение которых японская экономика переживала стагнацию, потерянными десятилетиями», но это определение отражает непонимание целей, которые ставили перед собой японцы, или, пожалуй, западное восприятие японских ценностей. Принося рост в жертву поддержанию полной занятости, японское общество, отличающееся высокой внутренней сплоченностью, не потеряло десятилетие, а, напротив, сохранило свой главный интерес.

Одновременно рождаемость в Японии упала гораздо ниже уровня, который необходим для поддержания численности населения (2,1 ребенка на 1 женщину). Теперь, когда каждое следующее поколение японцев меньше предшествовавшего, экономика не может больше обеспечивать пожилых людей, ушедших на пенсию. Так задолженность и демография ввергли Японию в глубочайший кризис.

В следующем десятилетии японцам не удастся сохранять полную занятость, резко увеличивая государственную и корпоративную задолженность. Как и китайцам, японцам придется сменить экономическую модель или модифицировать ее. Но у японцев есть одно подавляющее преимущество: в Японии нет миллиарда человек, живущих в нищете. В отличие от китайцев, при необходимости японцы могут пойти на меры строгой экономии, не вызывая при этом нестабильности.

Главной слабостью Японии остается отсутствие собственных необходимых промышленности природных ресурсов, от нефти до каучука и железной руды.

Для того чтобы оставаться промышленной державой, Японии необходимо покупать и продавать в глобальных масштабах. Если Япония лишится доступа к морским путям, она потеряет все. Если у Японии, не имеющей возможности полагаться на внутренние ресурсы, возникнут трудности, существует весьма высокая вероятность, что Япония снова станет чрезмерно жестко отстаивать свои интересы в мире.

Равновесие сил Китая и Японии

На протяжении последних примерно 30 лет отношения между Китаем и Японией имели вторичное значение по сравнению с отношениями этих двух стран с США, которые поддерживали баланс сил в регионе, сохраняя взаимовыгодные отношения и с Китаем, и с Японией. Но в наступающем десятилетии эти отношения претерпят изменения. Во-первых, экономические проблемы Китая изменят его отношения с миром и приведут к переменам во внутреннем функционировании страны. Сходным образом внутренние проблемы Японии и избранные Японией решения этих проблем трансформируют алгоритмы японской политики.

Даже пассивная и зависимая от других стран, которые дают ей гарантии доступа к миру, Япония всегда остается государством, имеющим глубокие мировые интересы. В целом то же можно сказать и о Китае, но степень его включенности в мир не столь велика и органична. Потеря импорта сырья не представляет такой угрозы существованию Китая, какую она представляет для Японии. Сходным образом, хотя Китай зависит от экспорта, при необходимости он может перестроиться, хотя перестройка и будет болезненной.

Северо-Восточная Азия

Таким образом, у Китая меньше искушения стать агрессором. К тому же у Китая и меньше возможностей и сил для утверждения своих мировых интересов. Главный доступ Китая к миру — море, но у Китая нет сильного военно-морского флота. Наращивание морской мощи происходит на протяжении поколений. Время необходимо не столько для создания нужных технологий, сколько для передачи накопленного опыта, который и дает хороших адмиралов. Пройдет долгое время, прежде чем Китай сможет соперничать с США или Японией на море. Развитие ВМФ Китая вызывает бурные споры. Несомненно, что между нынешними усилиями и тем, что надо сделать Китаю, чтобы бросить вызов флоту США хотя бы в китайских прибрежных водах, — огромная дистанция. Самые существенные сдвиги происходят в развитии противокорабельных ракет наземного базирования. Но прежде чем военные корабли Китая смогут хотя бы надеяться на победу над американским флотом, Китаю надо пройти долгий путь. Даже противокорабельные ракеты наземного базирования весьма уязвимы для американских ударов с воздуха и ракетных ударов. В следующем десятилетии ВМФ Китая не удастся заставить США уйти из дальневосточных вод.

В настоящее время Япония — формально мирная, пацифистская страна, 9-я статья конституции которой запрещает иметь наступательные вооруженные силы, что не мешает Японии иметь самый боеспособный военный флот в западной части Тихого океана, немалую армию и сильные ВВС. Однако Японии удастся избежать применения этих сил. В деле защиты своих международных интересов, особенно доступа к природным ресурсам, Япония полагается на США.

Подчинение Японии США после Второй мировой войны оказалось выгодным, поскольку США нуждались в помощи Японии в холодной войне и хотели, чтобы Япония была как можно сильнее. Ныне ситуация претерпела скрытые изменения. США по-прежнему контролируют морские пути, ведущие в Японию, и по-прежнему готовы гарантировать Японии доступ к источникам сырья и американским рынкам, но готовность США идти из-за этого на риск поставила

Японию в потенциально опасное положение. До сих пор США вводящие войну с джихадистами, проявляли осторожность, стремясь не ставить под угрозу маршрут поставок нефти через Ормузский пролив, от которого зависит Япония, но могут легко допустить просчет. Говоря попросту, США могут выдержать риски, которые непосильны для Японии, поэтому видение мировой политики и национальных интересов у двух стран расходится.

Внутренняя проблема Японии состоит в том, что она дошла до пределов нынешнего экономического цикла. Японии надо либо пойти на режим жесткой экономии и безработицу, либо допустить перегрев экономики. Величайшая слабость Японии — кредитные рынки, которые по-прежнему так и функционируют вполне свободно. При этом в Японии нет и эффективного центрального планирования экономики. Такое положение невозможно сохранять и при этом воспроизводить. В долгосрочной перспективе переход к свободному рынку капитала может решить проблемы Японии, но только ценой нестабильности в настоящем. Поскольку японцы не могут позволить себе подлинной рыночной экономики, они перейдут к экономике, в которой государство будет устанавливать более высокие стандарты эффективности (которые всегда будут ниже рыночных стандартов, но выше нынешних), а важность кейрецу станет постепенно снижаться. Это будет означать, что японское государство начнет концентрировать больше власти и играть большую роль в управлении финансами.

Другая серьезная проблема Японии — демография. Япония — стареющая страна, которой нужно больше работников, но которая социально не способна управлять масштабной иммиграцией, вступающей в противоречие с монолитностью японской культуры. Решение проблемы состоит не в завозе работников на японские предприятия, а в перемещении предприятий в страны, где есть рабочая сила. В следующем десятилетии Япония будет проявлять большую агрессивность в эксплуатации внешних рынков рабочей силы, в том числе Китая в зависимости от развития событий в этой стране.

Что бы ни произошло в будущем, Япония будет стремиться сохранять свои ключевые стратегические отношения с США, в том числе зависимость от США в деле обеспечения своих морских путей. Для Японии такая политика рациональна в плане затрат и менее опасна.

Американская стратегия: выигрыш времени

У США нет ни ресурсов, ни всеобъемлющей стратегии, позволяющей одновременно поддерживать баланс сил во всех регионах. США придется сосредоточить усилия на России, а также Ближнем и Среднем Востоке, так что у Америки будет не слишком много ресурсов для решения дальневосточных проблем. Таким образом, американская стратегия в этом регионе по умолчанию станет стратегией отсрочек и смещения

На самом деле США не могут контролировать течение тектонических процессов. Лучшее, на что можно надеяться, так это на то, что США смогут оказывать влияние, которое отчасти будет придавать форму этим процессам. К счастью, западная часть Тихого океана — регион, где действующие процессы ставят страны на сравнительно благой путь, по меньшей мере пока. Следовательно, политика США в этом регионе должна заключаться в замедлении процессов и в одновременной подготовке к тому, что последует далее.

Опасность для Америки заключается не в союзе, который может сложиться у Японии и Китая. Эти две страны соперничают уж слишком во многих отношениях и так сильно отличаются друг от друга, что тесное сотрудничество между ними невозможно. Достигнув пределов нынешнего экономического цикла, Япония уже не будет тем пассивным гигантом, каким она была последние 20 лет. С другой стороны, Китай станет чем-то меньшим, чем экономическим Джаггернаутом, каковым он является сегодня. Проблемой для США станет управление отношениями с обоими игроками системы, существующей в западной части Тихого океана, которые находятся в разных фазах собственных циклов. В то же время США следует отойти с позиции центра данной системы и позволить этим двум азиатским державам вступить в более прямые отношения друг с другом и найти собственную точку равновесия.

Ни Китай, ни Япония в следующем десятилетии не станут региональными гегемонами. Китайское экономическое чудо исчезнет, как свойственно исчезать всем экономическим

чудесам, и Китай сосредоточится на поддержании стабильности в условиях небыстрого роста экономики. Япония осуществит внутреннее реструктурирование и начнет приводить свою внутреннюю политику в соответствие со своими глобальными интересами. Но это будет Японией, за которой США должны будут присматривать.

По мере своего усиления Япония обязательно начнет наращивать свою морскую мощь. основополагающим принципом политики США является противодействие подъему морских держав, но очевидно, что США не станут начинать войну с Японией из-за роста ее морской мощи в 2015 или 2020 гг. так, как они сделали это в 1941 г., хотя американцам и придется разработать стратегию в отношении делающейся все более напористой Японии.

Первым шагом американской стратегии в отношении Японии должны стать меры по предотвращению раскола Китая, потому что чем слабее будет Китай, тем свободнее будет «играть мускулами» Япония. В той мере, в какой это окажется возможным, США следует ослабить давление на Китай, благоприятствуя китайскому экспорту в США. В этом нет никаких явных политических проблем, и президенту надо будет проявить искусство в оправдании такой щедрости в период высокой безработицы в США. Но все, что обуздывает хотя бы отчасти Японию, полезно США.

Только стабильный Китай может контролировать иностранные инвестиции в свою экономику, а стабильность и контроль будут необходимы для парирования спланированных Японией ударов по китайским предприятиям и рабочим. Сдерживание японской экспансии, в свою очередь, замедлит способность Японии решать собственные проблемы, а все, что задерживает возрождение японской экономики, идет на пользу США, пусть даже лишь в той степени, в какой позволяет Америке выиграть время.

Вторым шагом американской стратегии должно стать поддержание настолько сердечных отношений с Японией, насколько это будет возможно. Чем сильнее уверена Япония в своем доступе к источникам сырья, тем меньше у нее будет мотивов для наращивания собственного военно-морского

флота. Японцы, всегда болезненно сознававшие свою слабость, никогда не чувствовали себя настолько довольными, насколько казались в своих почтительных отношениях с США. Одновременно японцы никогда не хотели идти на колоссальные расходы и риски, связанные с созданием альтернативы этим отношениям.

В долгосрочной перспективе страна такой экономической мощи и столь уязвимая, как Япония, должна искать способы обеспечения собственных интересов. Однако этот поворот к самостоятельности необязательно произойдет в следующем десятилетии, и американская стратегия должна продлить зависимость Японии на как можно более длительное время. Чем дольше Япония будет оставаться зависимой от США, тем большее влияние будут оказывать США на политику Японии, и тем сильнее это влияние будет определять политику Японии. При достаточно сильном давлении Япония может избрать новый курс, который окажется возвратом к деструктивной политике 30-х годов прошлого века, когда Япония была страной с государственной экономикой, развивавшейся благодаря упору на национальную оборону. США следует проявлять осторожность и не оказывать слишком сильного давления на Японию.

Два обстоятельства облегчат популяризацию этой азиатской стратегии среди американской общественности. Во-первых, американцы займутся другими проблемами. Во-вторых, действия США в дальневосточной части Тихого океана будут постепенными, а не радикальными. У президента окажется преимущество: ему не надо декларировать изменения в политике, а его действия не будут иметь решающего эффекта, поскольку США хотя и важны для этих азиатских стран, но не являются для них абсолютно необходимыми.

Одновременно США должны расширять и укреплять отношения, которые понадобятся на следующей фазе развития геополитической ситуации, когда США, возможно, придется привлекать на свою сторону Японию, Китай или обе эти страны для совместной нейтрализации угроз, исходящих

от России или других держав. Ни Китай, ни Япония не проявляют особой склонности к рискам, и США должны понимать, что давление на эти страны с помощью стимулов может и не дать желаемого эффекта.

Именно здесь решающую роль способна сыграть Корея. Эта страна уже стала костью в горле и для Китая, и для Японии, но особенно Корея раздражает японцев. В силу исторических причин корейцы презирают японцев и не доверяют китайцам. Не испытывает Корея удобства и от отношений с США, однако география ставит Корею в зависимое от США положение.

По мере роста Японии и ослабления Китая корейцы будут нуждаться в США больше, чем когда-либо, а США будут опираться на Корею, чтобы расширять свои возможности проводить политику в отношении Китая и Японии. К счастью, американо-корейские отношения уже существуют, поэтому их расширение не вызовет серьезной озабоченности ни в Китае, ни в Японии.

Корея стала важным технологическим центром. Китай в особенности будет нуждаться в этих технологиях, и обладание некоторым контролем над передачей технологий усилит давление, которое США могут оказывать на Китай. Со своей стороны, корейцам необходима помощь в противостоянии с Северной Кореей, особенно в управлении финансовым аспектом воссоединения Кореи, а этот момент неизбежно придет. Единая Корея пожелает особых возможностей в отношениях с США, и, хотя Корею не к кому больше обращаться, кроме как к США, американскому президенту следует пойти на определенные уступки, поскольку в течение следующего десятилетия Корея вполне может стать самым важным партнером США в западной части Тихого океана. Но воссоединение Кореи — не главная интрига этих отношений. При всем своем хвостовстве Северная Корея — инвалид, и ее ядерный потенциал существует только до тех пор, пока другие позволяют ему существовать. Напротив, Южная Корея продолжает быть динамично развивающейся страной независимо от позиций и отношения других стран и

останется таковой, что бы ни происходило на севере Корейского полуострова.

Второй важной для США страной в этом регионе является Австралия. Один из последних завоеванных европейцами континентов, географически Австралия определенно находится на краю света, и большая часть ее населения сосредоточена на сравнительно небольшой территории в юго-восточном углу страны.

С геополитической точки зрения Австралия неверно воспринимается и мировым сообществом, и самими австралийцами. Ближайшая соседка Австралии — Индонезия, сильно раздробленная и слабая страна, отделенная от Австралии сотнями миль водного пространства. Во время Второй мировой войны Индонезия и ее восточная соседка Новая Гвинея выполняли важную для Австралии стратегическую функцию — они поглотили наступающие силы японцев и ослабили их настолько, что в Японии не могли даже помышлять о дальнейшем продвижении на юг.

Хотя и кажется, что Австралия существует сама по себе и находится в полной безопасности, на самом деле эта страна очень сильно зависит от международной торговли, особенно продовольственными товарами и необходимыми промышленности минералами вроде железной руды.

Выживание австралийской экономики зависит от этих завозимых морским путем товаров, но Австралия никоим образом не контролирует безопасность морских путей. Таким образом, Австралия подобна существу, артерии и вены которого расположены вне его тела, не защищены и постоянно находятся под угрозой.

Стратегия, посредством которой Австралия справляется с такой уязвимостью, заключается в союзе с господствующей в западной части Тихого океана военно-морской державой. Когда-то такой державой была Великобритания, теперь эта роль принадлежит США. Все союзы сопряжены с издержками: и британцы, и американцы хотят от австралийцев одной и той же ответной услуги — участия Австралии в их военных действиях. Австралийцы понесли серьезные потери в обеих мировых войнах, а также в войнах в Корее и во Вьетнаме. В

период 1970-1990 гг. австралийцы перестали играть роль военных союзников, но в то время в их участии и не было особой необходимости. В 1990 г. во время операции «Буря в пустыне» австралийцы вернулись к своей стратегии оказания военной помощи и затем приняли участие в боевых действиях в Афганистане и Ираке.

Наряду с безопасностью морских путей благополучие Австралии зависит от международного торгового режима, дающего условия, которыми Австралия может управлять. Благодаря своей стратегии, заключающейся в том, чтобы быть полезной англо-американским родственникам, Австралия получила место за столом великих держав. Это дает Австралии влияние и безопасность торговли, чего она никогда бы не добилась собственными силами.

Во время Второй мировой войны Австралия послужила Великобритании, отправив свои войска в Северную Африку. Австралия послужила и США, став плацдармом для наращивания американских сил на Тихоокеанском театре военных действий. Разумеется, австралийцы тоже сражались, но даже если бы этих сил не было, огромной ценностью Австралии было ее местоположение. В географическом отношении Австралия была прикрыта Индонезией и Новой Гвинеей. Если в западной части Тихого океана возникнет какая-то великая держава, бросающая вызов США, Австралия снова станет стратегической основой Америки в бассейне Тихого океана. Следует предупредить: создание инфраструктуры тыловой базы во время Второй мировой войны потребовало нескольких лет, а будущий конфликт может не дать времени на такие приготовления.

У США не должно быть трудностей с поддержанием отношений с Австралией. У Австралии только два варианта стратегии. Первый — выйти из союзных обязательств, предполагая, что ее интересы будут обеспечены мимоходом, как само собой разумеющееся. Второй — участвовать в союзе и нести обязательства. Первый вариант дешевле, но сопряжен с большими рисками. Второй — дороже, но надежнее.

Юго-Восточная Азия

Если возникнет серьезная угроза, Австралия, скорее всего, обратится к США за помощью и станет верной союзницей Америки. Но если западная часть Тихого океана неожиданно приобретет ключевое значение для контроля над морскими путями, всегда существует вероятность, что Австралия заключит сделку, если будет рассчитывать на то, что соблюдение условий такой сделки позволит ей добиться целей с меньшим риском, чем тот, что сопряжен с войной на стороне американцев. Поэтому заблаговременные договоренности с Австралией и размещение на ее территории военных объектов наилучшим образом служат интересам США, ограничивая свободу действий Австралии.

Даже если Австралия — заложница американской защиты, ее стратегическая важность такова, что США будут проявлять к ней всю мыслимую щедрость и всячески ее обхаживать. Осторожность просьб о военных обязательствах Австралии тоже разумна, поскольку в будущем австралийские военные могут понадобиться США больше (или для выполнения более широких задач), чем в настоящее время.

Морские пути в индонезийских водах

Приблизительно такую же стратегическую важность, как Австралия, имеет для США город-крепость Сингапур, основанный англичанами в самой крайней точке Малайского полуострова как база, обладание которой позволяет контролировать Малаккский пролив. Этот узкий проход все еще остается главным путем прохода через пролив, особенно для танкеров, доставляющих нефть в Китай и Японию из Персидского залива. Военные корабли США, направляющиеся в район Персидского залива, также должны проходить этим проливом. Наряду с Гибралтаром и Суэцким каналом Сингапур — один из главных подверженных перехвату узких проливов в мире. Тот, кто контролирует Сингапур, может как пресекать торговлю, так и гарантировать ее беспрепятственность.

Сегодня Сингапур — независимый город-государство, невероятно процветающий благодаря своему географическому положению и развитой технологической промышленности. Сингапур нуждается в США как в потребителе, но также и как в гаранте своего суверенитета. Когда Малайзии предоставили независимость, Сингапур, населенный преимущественно китайцами, откололся от Малайзии, населенной преимущественно мусульманами. Отношения между Сингапуром и Малайзией развивались по-разному, и угроза аннексии Сингапура невелика, однако в Сингапуре понимают две геополитические реальности: самое худшее в мире — быть богатым и слабым, а безопасность никогда не бывает абсолютно надежной, гарантированной. Нельзя предсказать, что может предпринять Малайзия или, скажем, Индонезия через поколение-другое.

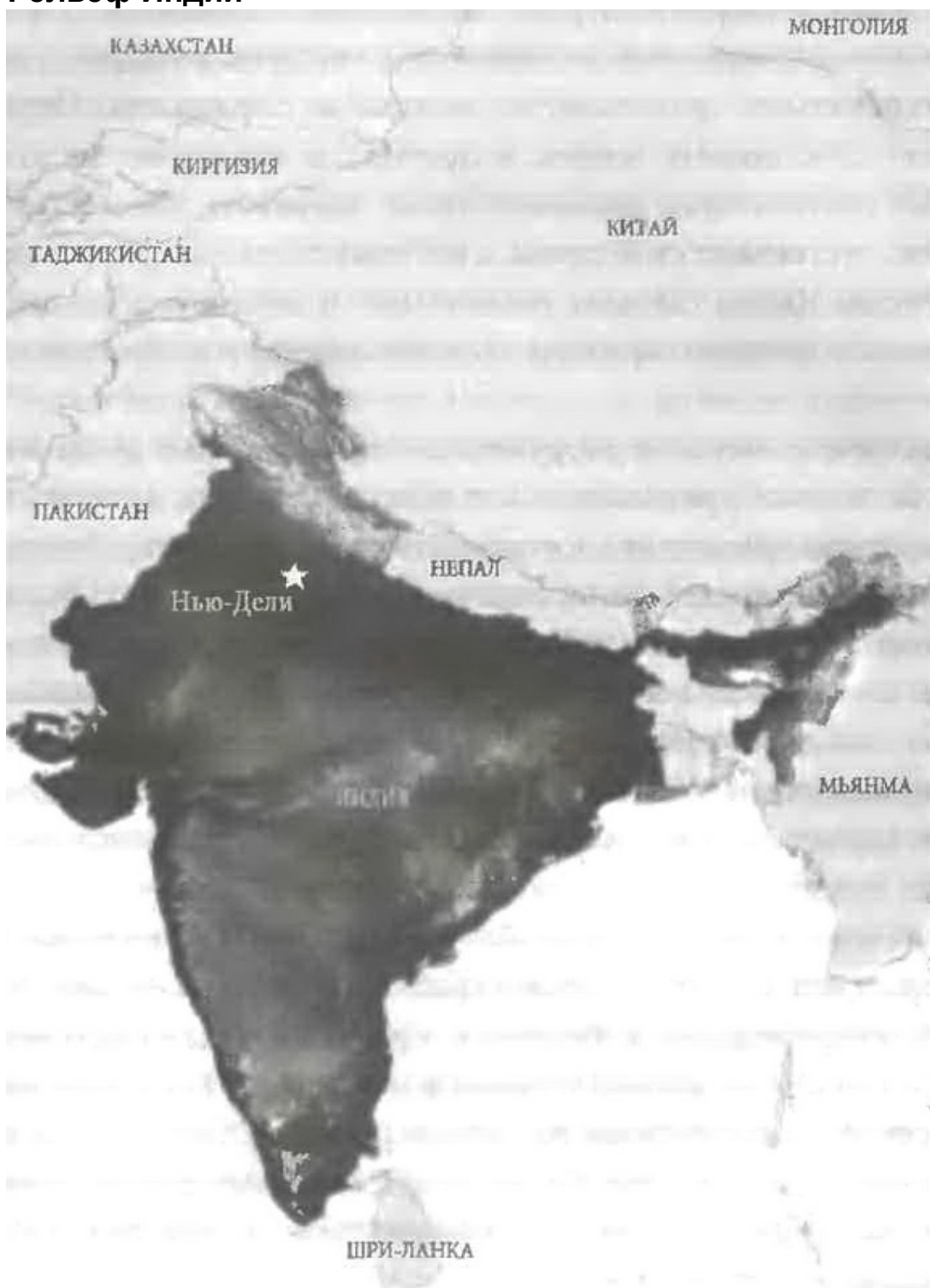
США просто не могут контролировать Сингапур. США должны сотрудничать с Сингапуром. Как и в отношениях с Кореей и Австралией, президент США должен проявлять к Сингапуру большую, чем нужно, щедрость, чтобы гарантировать преданность союзника. Цена невелика, а ставки очень высоки.

Индия

Рассматривать Индию американцам следует в контексте того, что происходит в дальневосточном регионе. Несмотря на размеры, развивающуюся экономику и постоянные разговоры об Индии как о стране, которая станет лидером в будущем, потеснив с этого места Китай, я просто не вижу возможности превращения Индии в важного, обладающего глубокой мощью игрока в следующем десятилетии. Во многих отношениях Индию можно представить как очень большую Австралию. Однако обе страны обладают мощной экономикой, и в этом смысле к ним надо относиться вполне серьезно, хотя, очевидно, и по-разному.

Подобно Австралии, Индия — географически изолированный субконтинент, хотя изоляция Австралии, обеспеченная тысячами миль водного пространства, намного более заметна. Но на самом деле Индия — остров, огражденный сухопутными барьерами, преодолеть которые, пожалуй, сложнее, чем океаны. Гималаи преграждают доступ в Индию с севера, а горные джунгли — с востока. С юга Индия окружена Индийским океаном, на котором господствует ВМФ США.

Рельеф Индии

Самая серьезная проблема для Индии находится на западе — там, где расположены пустыня и Пакистан. Исламский Пакистан неоднократно воевал с преимущественно индуистской Индией, и отношения между этими странами колеблются в пределах от крайне холодных до враждебных. Как уже было сказано выше (при рассмотрении ситуации в Афганистане), баланс сил Индии и Пакистана — главная характеристика положения на субконтиненте. Поддержание этого баланса сил — важная цель американской политики в наступающем десятилетии.

Индию называют демократическим Китаем, что (в той мере, в какой это справедливо) налагает бремя на региональную державу. Одно из серьезных ограничений роста индийской экономики (а рост этот действительно впечатляет) состоит в том, что, хотя в Индии существует общенациональное правительство, каждый из образующих Индию штатов имеет собственные законы и правила, и некоторые из этих установлений препятствуют экономическому развитию. Индийские штаты ревностно отстаивают свои права, а местные элиты — прерогативы штатов. Регионы Индии связаны различными и многочисленными узами, но главным и высшим гарантом единства страны и ее законов является армия.

Индия имеет мощные вооруженные силы, которые выполняют три задачи: во-первых, уравнивают мощь Пакистана; во-вторых, защищают северную границу от посягательств со стороны Китая (учитывая рельеф местности, представить такие посягательства трудно); и в-третьих, самая важная функция индийских вооруженных сил состоит в том, что они (как и китайские военные) гарантируют внутреннюю безопасность, что немаловажно в стране таких глубоких контрастов между различными составляющими частями. Например, восточная часть Индии ныне охвачена маоистским восстанием, а это как раз один из примеров, когда требуется вмешательство армии.

На море индийцы заинтересованы в создании военно-морского флота, который мог бы играть важную роль в Индийском океане, защищая морские пути, ведущие в Индию,

и проецируя индийскую мощь. Но США совершенно не заинтересованы в том, чтобы Индия шла таким путем. Через Индийский океан пролегают пути из Тихого океана к нефти Персидского залива, и, как бы ни сократили США свое наземное присутствие на Среднем Востоке и в Афганистане, присутствие ВМФ в Индийском океане сохранится.

Для того чтобы сдержать развитие индийского ВМФ ниже уровня, на котором этот флот мог бы угрожать интересам США, Америка будет стремиться к отвлечению военных расходов Индии на развитие армии и тактических ВВС. Данные средства не должны идти на наращивание военно-морской мощи Индии. Для США самый дешевый способ добиться этого и предупредить возникновение долгосрочной проблемы — поддержка и укрепление мощи Пакистана, что заставит индийское руководство сосредоточить внимание на защите сухопутных рубежей, а не морских путей.

По той же причине Индия заинтересована в подрыве американо-пакистанских отношений или по меньшей мере в том, чтобы США оставались в Афганистане, что ведет к дестабилизации Пакистана. Если ни то, ни другое не удастся сделать, Индия может обратиться к другим странам, что она и делала, обращаясь к Советскому Союзу в годы холодной войны. Пакистан не представляет угрозы существованию Индии даже в том невероятном случае, если эти страны обменяются ядерными ударами. Но Пакистан не должен просто развалиться и потому останется постоянной проблемой индийской стратегической политики, ее осью.

Индия отстает от Китая в экономическом развитии, а потому и не сталкивается с теми трудностями, с которыми сталкивается Китай. В следующем десятилетии индийская экономика вырвется вперед, но экономическое могущество само по себе не транслируется ни в национальную безопасность, ни в ту мощь, которая сможет господствовать над Индийским океаном. Если Индия будет чувствовать себя в совершенной безопасности, это не станет служить американским интересам. Следовательно, американо-индийские отношения в следующем десятилетии ухудшатся,

даже если США уйдут из Афганистана, а американо-индийская торговля сохранится.

Азиатские игры

Хотя США в наступающем десятилетии будут заняты другими проблемами, две крупных азиатских державы, Китай и Япония, будут лишь в минимальной степени подвержены влиянию извне и станут действовать так, как того требуют их внутренние процессы. Учитывая темпы развития этих процессов, США не следует слишком уж сильно вкладываться в китайско-японские отношения. В той мере, в какой это возможно, США следует помогать поддержанию стабильности в Китае и работать над сохранением своих отношений с Японией.

Тем не менее мир в дальневосточном регионе не продержится бесконечно долго, и США следует упрочить отношения с тремя важными региональными игроками — Кореей, Австралией и Сингапуром.

В случае войны с любой державой в данном регионе, особенно с Японией, именно эти три страны окажутся незаменимыми союзниками. Подготовку к такому столкновению надо начинать как можно быстрее. Наращивание корейского ВМФ, создание инфраструктуры в Австралии и модернизация вооруженных сил Сингапура не вызовут серьезной озабоченности в странах региона. Таковы меры, которые, будучи приняты в наступающем десятилетии, создадут структуру управления любым возможным конфликтом.

Глава 11

Безопасное полушарие

Учитывая то обстоятельство, что США делят полушарие с Латинской Америкой и Канадой и отчасти имеют с ними общее прошлое, можно предположить, что данный регион имеет для США исключительную важность. Действительно, многие (а в особенности латиноамериканцы) считают, что США просто помрачены идеей господства над ними или, по меньшей мере, получением ресурсов Латинской Америки. Но на самом деле, за несколькими исключениями (ими являются прежде всего Мексика и Куба), все происходящее в Латинской Америке имеет для США второстепенное значение, и этот регион редко занимает существенное место в умах американцев. Отчасти это объясняется удаленностью Латинской Америки: от Вашингтона до Рио-де-Жанейро почти на 1500 км дальше, чем от Вашингтона до Парижа. И, в отличие от Европы и Азии, США никогда не вели больших войн к югу от Панамы. Сказанное не означает, что между США и Латинской Америкой нет взаимного недоверия и время от времени не возникает вражды. В конечном счете (и снова за исключением Мексики и Кубы), фундаментальные интересы США просто-напросто не пересекаются с фундаментальными интересами Латинской Америки.

США в ограниченной степени интересуются регионом отчасти в силу его раздробленности, которая помешала становлению трансконтинентальной державы в Латинской Америке. Южная Америка выглядит единой геополитической общностью, но в действительности она разделена явными географическими барьерами. Во-первых, с севера на юг тянутся Анды — горы, которые намного выше Скалистых гор в США или Альп в Европе. Через эти горы мало проходов. А в середине континента столь же непреодолимую преграду представляют обширные джунгли Амазонии.

В действительности, в Южной Америке есть три разных региона, отрезанных друг от друга в такой степени, что наземная торговля между ними затруднена, а их политическое единство невозможно. Бразилия расположена вдоль атлантического побережья. В глубине страны лежит негостеприимная Амазония. К югу от Бразилии на побережье Атлантического океана расположен отдельный регион, состоящий из Аргентины, Уругвая и Парагвая, который не находится на побережье, но входит в эту группу стран. На западе находятся андские страны — Чили, Боливия, Перу, Эквадор, Колумбия и Венесуэла. А еще есть острова Карибского моря, которые, разумеется, нельзя считать латиноамериканскими. Эти острова важны как плацдармы, но сами по себе веса не имеют.

Сухопутные препятствия в Южной Америке

Единственный наземный коридор между Бразилией и странами, находящимися к югу от нее, пролегает по узкой полосе суши через Уругвай. Андские страны объединены лишь в том отношении, что все они географически недоступны. Южный регион, лежащий на атлантическом побережье, можно было бы интегрировать, но в этом регионе есть только одна сильная страна, Аргентина. Кроме того, между Северной и Южной Америкой нет проходимого сухопутного прохода. Путь преграждают джунгли Центральной Америки. Но даже если бы такой проход существовал, преимущества от этого получила бы только Колумбия и, возможно, Венесуэла.

Ключом к пониманию американской политики в Латинской Америке всегда было следующее обстоятельство: для того, чтобы США начали активно действовать в этом регионе, необходимо соединение двух элементов: стратегически важная зона региона (а таких зон там немного) должна оказаться в руках врата, способного использовать эту зону для создания угрозы. Доктрина Монро³² была провозглашена для того, чтобы всем стало ясно: такая возможность — единственно неприемлемый для США геополитический процесс.

Во время Второй мировой войны присутствие в Латинской Америке германских агентов и лиц, симпатизировавших нацистской Германии, стало серьезной проблемой для стратегов из Вашингтона, которые предвидели переброску германских войск в Бразилию из Дакара через Атлантический океан. Сходным образом в годы холодной войны США по-настоящему были встревожены советским влиянием в регионе и временами вмешивались в дела Латинской Америки с целью блокировать это влияние. Но ни немцы, ни советское правительство не предпринимали серьезных стратегических усилий, направленных на установление господства над Южной Америкой, понимая, что в большинстве отношений этот континент не важен для США. Усилия Германии, а затем СССР были направлены на то, чтобы просто раздражать Вашингтон и отвлекать ресурсы США.

Единственным местом, где вмешательство извне США воспринимали как серьезную угрозу, является Куба, исключительная стратегическая важность которой обусловлена ее уникальным географическим положением.

Куба и Карибский бассейн

В начале XIX в. процветание Америки основывалось на речной системе, позволявшей фермерам Луизианы и Огайо переправлять на атлантическое побережье США произведенную ими сельскохозяйственную продукцию, которую затем отправляли в Европу. Все товары сначала сплавляли до Нового Орлеана, где их перегружали с барж на океанские корабли. США сражались за обеспечение безопасности Нового Орлеана, сначала в 1814 г., а затем во время войны за независимость Техаса. Новый Орлеан и ближайшие к нему порты остаются крупнейшими портами США по объему грузов; портами, отсюда можно экспортировать зерно, выращенное на Среднем Западе, и где можно принимать грузы промышленного назначения.

Поскольку ВМС, размещенные на Кубе, могут отслеживать морские пути, ведущие в Мексиканский залив, и контролировать таким образом Новый Орлеан, США всегда предельно внимательно следили за этим островом. О том, чтобы осуществить на остров вторжение, подумывал еще Эндрю Джексон, а в 1898 г. США все-таки вторглись на Кубу, чтобы вытеснить оттуда испанцев. Через полвека после этого, когда на Кубе пришло к власти просоветское правительство Фиделя Кастро, Куба стала центральным объектом стратегии США. Антиамерикански настроенная Куба, в которой нет советского присутствия, — дело, не стоящее никаких волнений. Но Куба, на которой размещены советские ракеты, была смертельной угрозой.

В следующем десятилетии Куба, не имеющая великой державы-покровителя, будет вне игры, поэтому президент США может адаптировать свою кубинскую политику к общественному мнению американцев. При этом президент должен иметь в виду, что, если США столкнутся с глобальным соперником, Куба станет той географической точкой, из которой соперник сможет оказывать наибольшее давление на США. Это обстоятельство делает Кубу призом, за который США стоит побороться.

В долгосрочной перспективе возвращение Кубы под влияние США — рациональная, упреждающая политика, и весьма желательно вернуть Кубу под американское влияние

прежде, чем появится соперник настолько серьезный, что вызовет увеличение ставок и расходов. В течение рассматриваемого десятилетия Фидель и Рауль Кастро умрут или отойдут от дел, а политические элиты, как и элиты спецслужб Кубы, и значительно моложе, и циничнее поколения основателей режима Кастро. Вместо того чтобы вести азартную игру на выживание после смерти основателей режима, они проявят готовность к переговорам и компромиссам и пойдут на сделки, которые позволят им удержать власть в обмен на усиление американского контроля над внешней политикой Кубы. Момент перехода власти от поколения основателей к молодому поколению — оптимальный момент для вмешательства США. Перед своим уходом с политической сцены братья Кастро могут проявить открытость к переговорам, результаты которых должны сохранить их наследие на условии подчинения влиянию США. Если такие переговоры не принесут результата, нестабильный момент перехода может стать моментом для переговоров с наследниками братьев Кастро. Интересы США просты и не касаются прав человека или смены режима. США должны получить гарантии того, что, как бы ни складывались дальнейшие события, Куба не станет плацдармом для других держав. Если США добьются подобных гарантий — они добьются многого.

Венесуэла — еще одна латиноамериканская страна, которая привлекла внимание США за счет того, что стала казаться для них серьезной угрозой. На самом же деле Венесуэла не представляет угрозы для США. Во-первых, экономика Венесуэлы зависит от экспорта нефти, а география страны и реалии поставок делают неизбежным экспорт венесуэльской нефти в США. Во-вторых, физическая изоляция Венесуэлы (с юга эта страна отрезана Амазонией, с севера Карибским морем, на котором господствует ВМФ США, с запада стабильной и враждебной Колумбией, а с востока — горными джунглями) делает ее незначительной с точки зрения плацдарма для каких-либо решительных действий и в том случае, если там появятся, скажем, исламские террористы, которые попытаются воспользоваться нынешними

размолвками Венесуэлы с США. Даже если появится новый претендент на мировое господство, который захочет сблизиться с Венесуэлой и использовать ее как плацдарм для своих злоумышлений, географическое положение данной страны не позволяет использовать ее как важную военно-морскую или военно-воздушную базу. Очевидно, было бы желательно добиться изменения стратегических приоритетов Венесуэлы к 30-м годам XXI в., но для интересов США это несущественно.

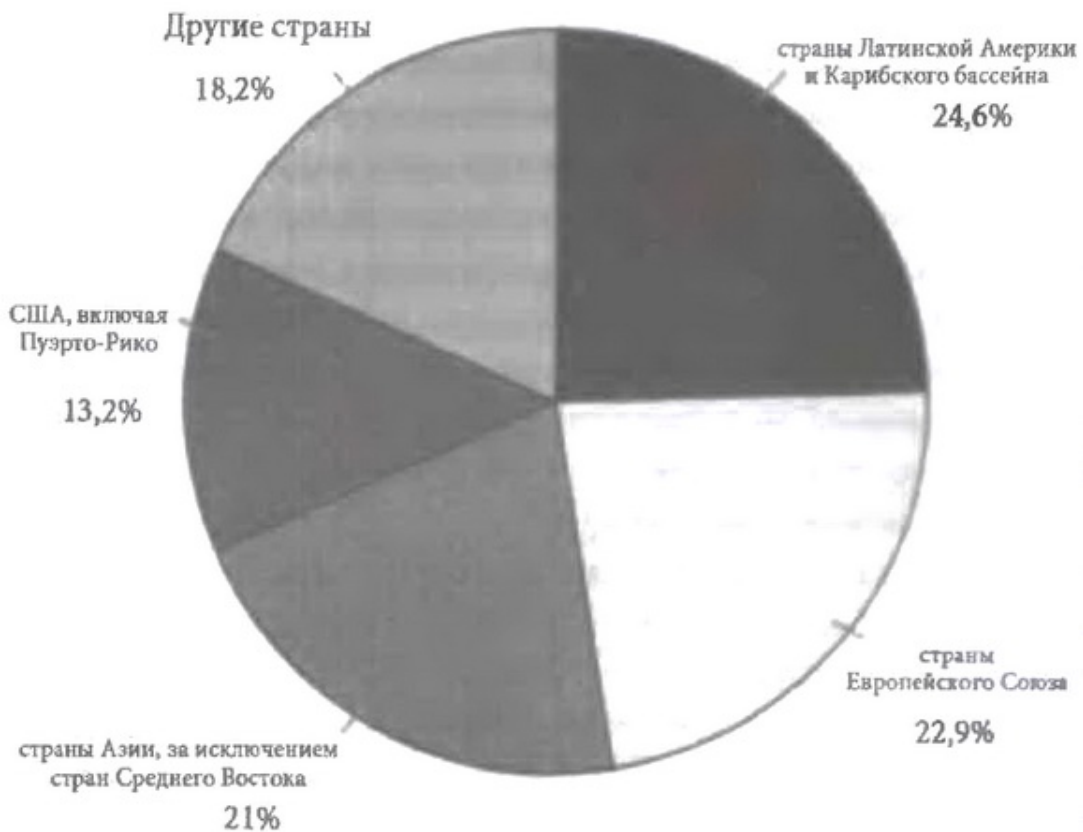
Венесуэла — тот случай, когда внешняя политика США должна проявить сдержанность, пренебрегать идеологией и мелким беспокойством и сосредоточиться на стратегии. По всей вероятности, Уго Чавес утратит власть над созданным им же самим режимом. Действительно, если США своевременно заключат сделку с Кубой, частью этой сделки должна стать договоренность о прекращении поддержки, которую кубинцы оказывают Чавесу. Но даже если Чавес останется у власти, он представляет угрозу только для собственного народа и ни для кого больше.

Стратегия в отношении Бразилии и Аргентины

В Латинской Америке есть только одна страна, способная стать конкурентом США, — Бразилия. Это первая крупная независимая экономическая держава в истории Латинской Америки, отлично застраховавшая свои ставки.

Бразилия — пятая по территории и численности населения страна мира, ее экономика находится на 8-м месте в мировом рейтинге. Подобно большинству развивающихся стран, Бразилия ориентирована преимущественно на экспорт, но ее экспорт хорошо сбалансирован; 2/3 бразильского экспорта составляют сырьевые товары (сельскохозяйственные и минеральные). 1/3 — промышленные товары. Впечатляет географическое распределение бразильского экспорта, который примерно в равных количествах направляется в страны Латинской Америки, в Европейский Союз и в Азию. Сравнительно небольшая, но вовсе не незначительная часть экспорта направляется в США. Такая сбалансированная экспортная позиция означает, что Бразилия менее подвержена региональным экономическим спадам, нежели экономика стран, экспортирующих ограниченное количество товаров.

Торговые отношения Бразилии

В настоящее время Бразилия как держава не представляет собой какой-либо угрозы и не является сколь-нибудь значимой для США, да и последние не угрожают ни в какой мере Бразилии. Минимальные экономические взаимоотношения между США и Бразилией существуют, но по географическим причинам Бразилии нелегко бросить вызов США. Бразильская экспансия на север была бы иррациональной, поскольку местность к северу от Бразилии крайне труднопроходима и на севере нет ничего, в чем нуждалась бы Бразилия. Например, венесуэльскую нефть трудно доставлять в Бразилию из-за географических препятствий. К тому же у Бразилии есть большие собственные запасы нефти.

Бразилия может бросить вызов США в единственном случае: если бразильская экспансия продлится достаточно долго для того, чтобы эта страна создала ВВС и ВМФ, которые смогли бы господствовать над Атлантикой от собственных берегов до Западной Африки. США патрулируют этот регион не настолько интенсивно, как Индийский океан или Южно-Китайское море. Это не произойдет в наступающем десятилетии, но по мере роста зарплат в Бразилии географические факторы могут стимулировать бразильские инвестиции в Африке, что приведет к более сильному снижению транспортных расходов, чем инвестиции в другие страны Латинской Америки. Таким образом, Бразилии может оказаться выгодным развитие отношений со странами южнее Сахары, особенно с Анголой, в которой, как и в Бразилии, говорят по-португальски. Результатом таких отношений станет не только господство Бразилии над Южной Атлантикой, но и то, что бразильский ВМФ будет базироваться и на бразильском, и на африканском берегах Атлантики.

Хотя Бразилия все еще не представляет никакой угрозы американским интересам, основополагающая американская стратегия создания и поддержания баланса сил во всех регионах требует, чтобы США уже сегодня начинали принимать меры по созданию противовеса Бразилии. Не надо торопиться с реализацией этой стратегии, но важно ее начать.

В следующем десятилетии США, поддерживая дружественные отношения с Бразилией, должны также принять все необходимые меры по усилению Аргентины, единственной страны, которая может стать противовесом Бразилии. Следует вспомнить, что в начале XX в. Аргентина была самой значительной страной Латинской Америки. Нынешняя слабость Аргентины не неизбежна. США следует работать над созданием особых отношений с этой страной в рамках общего для Латинской Америки плана развития, который также предусматривает выделение средств Уругваю и Парагваю.

Это регион, в котором скромные инвестиции, сделанные сегодня, могут принести существенные выгоды в будущем. Географическое положение Аргентины благоприятствует развитию. Население Аргентины уже достаточно велико, и в стране есть место для еще большего роста населения. Аргентина имеет сильную сельскохозяйственную базу и рабочую силу, способную создать мощную промышленность. Аргентина защищена от любых вторжений, кроме вторжений из Бразилии, которую следует побуждать к выполнению роли, которую она должна играть по замыслу США.

Аргентина сталкивается с политической проблемой. Издавна центральное правительство Аргентины сосредотачивается на социальных программах, реализация которых подрывает экономическое развитие. Другими словами, политики склонны приобретать популярность, расходуя деньги, которых у них нет. Кроме того, в истории Аргентины были периоды военных и других диктатур, которые вводили режимы жесткой экономии, но этот цикл в принципе не отличается от циклов истории других латиноамериканских стран, в том числе Бразилии.

Бразильцы увидят долгосрочную угрозу в поддержке, которую США будут оказывать Аргентине, но в идеальном случае Бразилия будет занята проблемами собственного развития и внутренними стрессами, которые будет порождать это развитие. Тем не менее США следует быть готовыми к тому, что Бразилия будет предлагать Аргентине экономические стимулы, чтобы привязать экономику этой

страны к своей собственной. В любом случае два фактора будут благоприятствовать Америке. Во-первых, Бразилия по-прежнему будет нуждаться в сохранении своего инвестиционного капитала для внутренних потребностей. Во-вторых, Аргентина издавна опасалась бразильского господства, поэтому, если ей придется выбирать между Бразилией и США, выбор будет сделан в пользу США.

Цель Америки — медленно укреплять экономический и политический потенциал Аргентины с тем, чтобы в следующие 20-30 лет, когда Бразилия начнет представлять потенциальную угрозу для США, Аргентина смогла бы соперничать с Бразилией по уровню и темпам развития. Для этого США должны предоставить американским компаниям материальные стимулы к инвестированию в Аргентину, особенно в сферы, не связанные с сельскохозяйственным производством, то есть в отрасли, где американские инвестиции уже достаточно велики. США следует также подготовиться к военному сближению с Аргентиной, но такое сближение должно быть осуществлено через гражданское правительство, дабы не вызвать опасений, связанных с тем, что США благоприятствуют аргентинским военным как реальной силе, действующей во внутренней политике Аргентины.

Американский президент должен постараться скрывать свои подлинные действия и намерения и не проявлять спешки. Уникальная программа, разработанная для Аргентины, может спровоцировать преждевременную реакцию Бразилии. Поэтому в любую американскую программу должна быть включена и Бразилия, если она пожелает участвовать в такой программе. При необходимости такое совершенно искреннее усилие можно представить как попытку сдержать Уго Чавеса в Венесуэле. Это потребует затрат, но все равно будет во всех отношениях более дешевым делом, чем конфронтация с Бразилией в 30-40-х годах XXI в. из-за контроля над Южной Атлантикой.

Мексика

Как и Куба, Мексика для США — особый случай, уже по той очевидной причине, что она граничит с США и американо-мексиканская граница тянется от Техаса до Калифорнии. И все-таки мексиканское общество находится на совершенно иной стадии развития, чем общество в Канаде, являющейся северным соседом США, в соответствии с чем эти две страны и взаимодействуют с США совершенно по-разному. Нигде больше внутренняя политика и геополитика не пересекаются более непосредственно и, возможно, более резко, чем на этой границе, пролегающей по пустыне к югу и к западу от Эль-Пасо.

У США и Мексики в прошлом были сложные отношения, эпизодически приводившие к насилию. Если бы в 1800 г. любознательный человек задался вопросом, какая страна будет господствовать в Северной Америке через 200 лет, логичным был бы ответ: «Мексика». В те времена Мексика была намного более развитой, более изоцированной и лучше вооруженной страной, чем США. Но после того как США резко расширили свою территорию в результате приобретения Луизианы, они оттеснили Мексику к ее нынешним границам, сначала захватив Техас, а затем проведя американо-мексиканскую войну, в результате которой Мексика утратила свои владения на севере — на территории, где ныне находятся Денвер и Сан-Франциско.

Причина, по которой Америка преуспела в захвате этих западных территорий, в конечном счете географическая. При взгляде на карту обращаешь внимание на особенность распределения населения в Мексике: по сравнению с районом вокруг Мехико северная часть страны заселена слабо, а в XIX в. она была заселена еще слабее. Территория к северу и к югу от американо-мексиканской границы крайне засушлива и пустынна. Особенно негостеприимна эта территория на мексиканской стороне границы. Это означает, что мексиканцам было трудно селиться и поддерживать население к северу от пустыни и еще труднее перебрасывать туда войска. Во время восстания английских переселенцев в

Техасе президент и военный руководитель Мексики Антонио де Лопес де Санта-Ана двинул армию крестьян на север, через пустыню, к Сан-Антонио. Холодная погода сделала многих солдат этой армии небоеспособными: этих людей набрали в армию в джунглях юга, и у них не было сапог. К моменту приближения к Техасу армия Санта-Аны была истощена, и хотя она разгромила защитников Аламо, при Сан-Хасинто, вблизи нынешнего Хьюстона, эту армию разбили войска, имевшие всего лишь два преимущества: они не были истощены и разуты.

Новая граница между США и Мексикой создала новую реальность, в условиях которой население по обе стороны границы может свободно передвигаться туда и сюда, мигрируя в зависимости от экономических возможностей и занимаясь контрабандой всего, что считается незаконным по другую сторону границы. Такие беспокойные приграничные зоны существуют во всем мире, разделяя страны, политические и культурные границы которых не совпадают, обычно потому, что граница была перенесена (как это произошло с американо-мексиканской границей). Иногда, как, например, у Германии и Франции, проблема границы приводит к войнам. В других случаях, как в случае США и Канады, граница не имеет особого значения. Ситуация, которая сложится на американо-мексиканской границе в следующем десятилетии, будет промежуточной между этими двумя крайними случаями.

Мексика — страна с населением 100 млн человек. Большинство этих людей проживает в сотнях миль от границы с США. В настоящее время мексиканская экономика — 14-я в мире. С учетом только легальной торговли ВВП Мексики превышает 1 трлн долл. Ежегодно Мексика экспортирует в США товаров на 130 млрд долл., и импортирует из США товаров на 180 млрд долл., что делает ее вторым внешнеторговым партнером США (в этом отношении Мексика уступает только Канаде). Очевидно, что США не могут себе позволить освободиться от Мексики, тем более в следующем поколении. Да США и не хотят такого разрыва.

Но США сталкиваются с двумя проблемами: это нелегальная иммиграция мексиканских рабочих и нелегальный экспорт мексиканских наркотиков. В обоих случаях коренной причиной этих проблем является спрос американской экономической системы на указанные товары. Не будь спроса, экспорт был бы бессмысленным. Из-за этого спроса (особенно спроса на наркотики, которые запрещены законом) экспорт выгоден как отдельным мексиканцам, так и Мексике в целом.

Важно понять, что мексиканская иммиграция принципиально отличается от иммиграции из таких дальних стран, как Китай или Польша. Китайские или польские эмигранты порывают связи с родиной, находящейся в тысячах миль от США. Неизбежна некоторая степень ассимиляции, ибо альтернатива ей — либо изоляция, либо жизнь в пределах культурно обособленного сообщества. Хотя иммигранты пугают американцев со времен, когда в Америке появились переселенцы из Шотландии и Ирландии, потеснившие в XVIII в. купцов и землевладельцев, есть коренная геополитическая причина, в силу которой мексиканских иммигрантов не следует сравнивать с более ранними иммигрантами.

Мексика не только граничит с США. Во многих случаях земля, на которую переселяются мигранты, когда-то принадлежала Мексике. Когда мексиканцы переселяются на север, им совсем необязательно разрывать связи с родиной. Действительно, в пограничье (а эта зона может простираться на сотни миль к северу и югу от границы) переселение на север может требовать минимума культурной адаптации. Когда мексиканцы перебираются в отдаленные города, они реагируют на новую среду точно так же, как реагировали мигранты в прошлом, и ассимилируются. В пограничье же у мексиканских мигрантов есть возможность сохранить родной язык и национальную идентичность, которая отличается от любой юридической идентичности, которую они могут принять. Такое положение дел может вызвать глубокую напряженность между юридической границей и границей культурной.

Вот корень глубокой озабоченности, которую вызывает ныне в США мексиканская нелегальная иммиграция. Критики утверждают, что подобного рода озабоченность американцев в действительности является отвращением ко всем мексиканским иммигрантам (и нельзя сказать, чтобы критики были совсем уж неправы), но такая трактовка не в полной мере учитывает корни страха. Немексиканцы, проживающие в пограничье и даже за его пределами, опасаются, что будут захлестнуты мигрантами и окажется, что в культурном смысле они будут жить в Мексике, а американцы опасаются, что движение мексиканцев на север — всего лишь предвестие претензий мексиканцев на территории, прежде принадлежавшие Мексике. Возможно, эти опасения чрезмерны, но не иррациональны, и их не избежать.

Ирония, разумеется, заключается в том, что американская экономика нуждается в мексиканских мигрантах как в низкооплачиваемых рабочих. Единственная причина, по которой люди решаются идти на риск нелегальной миграции в США, — уверенность в том, что им удастся найти работу. Если бы мигранты не были нужны для заполнения низкооплачиваемых рабочих мест, эти места были бы заняты, и никаких мигрантов не существовало бы.

Контраргументы (мигранты отнимают работу у других, а их претензии на социальные услуги перевешивают любые экономические выгоды, какие могут дать мигранты) не совсем поверхностны, но в них есть слабые места. Во-первых, безработица (уровень которой в США достиг 10%) оставила 15 млн человек без работы. По оценке Центра испанских исследований Пью, в США находится около 12 млн нелегальных иммигрантов. Если теория замещения была бы верна, то избавление от незаконных иммигрантов создало бы 12 млн рабочих мест. В этом случае безработными остались бы только 3 млн американцев, а уровень безработицы снизился бы до 2%. Возникающее на уровне интуиции ощущение, что сценарий замещения нелогичен, указывает на то, что большинство низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих-мигрантов не конкурирует с американской рабочей силой. Американской экономике

требуются дополнительные работники, но она не желает резко расширять пул граждан США. В экономике Мексики есть избыток рабочей силы, которую надо экспортировать. Результат предсказуем.

Данная проблема будет обостряться, поскольку рождаемость у американок снизилась ниже уровня замещения, что происходит в то время, когда ожидаемая продолжительность жизни американцев увеличилась. Это означает, что население США будет стареть, а трудовые ресурсы — сокращаться. Такое положение наблюдается во всех странах с развитой промышленностью. Эти страны будут импортировать рабочую силу, которая необходима для ухода за престарелыми и для расширения трудовых ресурсов. Давление, вызывающее трудовую иммиграцию, не только не спадет, но усилится, и даже если состояние мексиканской экономики улучшится, в Мексике по-прежнему будет избыток рабочей силы.

Турбулентность на границе усугубляют закон спроса и предложения и стоимость наркотиков, на которые есть спрос в США. Пользующиеся у американцев популярностью героин, кокаин и марихуану получают из очень дешевого сельскохозяйственного сырья — сорных трав, которые, в сущности, не надо даже возделывать. Поскольку в США наркотики запрещены, обычные рыночные механизмы не работают. Юридический риск, с которым сопряжена торговля наркотиками, устраняет эффективных конкурентов с рынка, что позволяет преступным организациям создавать региональные монополии с помощью насилия, которое еще более угнетает конкуренцию, а это приводит к дальнейшему росту стоимости наркотиков.

Незаконность торговли наркотиками означает, что простая перевозка наркотиков на несколько сотен миль, из Мексики в Лос-Анджелес, повышает цену, которую платит потребитель наркотиков, в неимоверное число раз. Официальные оценки финансового потока, поступающего в Мексику от продажи наркотиков, колеблются в пределах 25-40 млрд долл. в год. По неофициальным оценкам, эта цифра намного больше, но даже если предположить, что сумма в 40

млрд долл. верна, — она ошеломляюще высока. Если говорить о доходе от продукта, то он не равен цене продажи наркотиков. Это составляет чистую прибыль. Чистая прибыль от законной продажи в США произведенных в Мексике промышленных товаров (например, компонентов электронного оборудования) в 10% была бы весьма высокой. Предположим, что такова чистая прибыль от всех товаров, законно импортируемых из Мексики в США. Тогда мексиканский экспорт в США стоимостью 130 млрд долл. принесет около 13 млрд долл. чистой прибыли.

Чистая прибыль от продажи наркотиков многократно превышает 10%, поскольку себестоимость наркотиков крайне мала. Марихуана не нуждается в переработке, а расходы на производство героина и кокаина незначительны. По умеренной и даже консервативной оценке, чистая прибыль от торговли наркотиками составляет 90%, что означает, что 40 млрд долл. (а такова стоимость незаконно продаваемых наркотиков) дает прибыль, приблизительно равную 36 млрд долл. Таким образом, наркотики генерируют поток свободных денежных средств, который почти втрое превышает прибыль в размере 13 млрд долл., которую приносит весь легальный экспорт Мексики.

Даже если Мексика получает только 25 млрд долл. в год при чистой прибыли в размере 80%, это все равно означает, что Мексика получает 20 млрд долл. прибыли в год, что все равно на 7 млрд долл. больше прибыли, получаемой от всего легального экспорта.

Можете играть с этими цифрами сколько угодно. Можете даже продемонстрировать, что наркотики дают прибыль всего лишь вдвое больше прибыли от легального экспорта. Фактом остается то, что деньги от торговли наркотиками очень сильно способствуют ликвидности мексиканской финансовой системы. Мексика — одна из немногих стран, которые, например, продолжали выдавать кредиты на приобретение строящихся объектов коммерческой недвижимости после финансового кризиса 2008 г.

Отсюда следует, что мексиканское правительство поступило бы нелепо, если бы попыталось положить конец

этому бизнесу. Разумеется, он сопряжен с насилием, неизбежным в войнах между наркокартелями, но, в общем, все неприятности сосредоточены в приграничной полосе, а не в густонаселенных глубинных районах Мексики. В конечном счете огромные суммы поступающих в страну денег, которые попадают в банковскую систему и в какой-то мере в экономику Мексики, приносят этой стране пользы больше, чем тот вред, который причиняют ей насилие и беззаконие. В результате рациональный выбор для мексиканского правительства должен быть таким: необходимо делать вид, что правительство принимает попытки пресечь торговлю наркотиками, наглядно демонстрируя, что все усилия обречены на провал. Такое двуличие умиротворит США и гарантирует дальнейший приток денег в страну.

Стратегия США по отношению к Мексике

Экономика США слишком сильно интегрирована с экономикой Мексики, чтобы когда-нибудь можно было пойти на разрыв легальных торговых отношений, а это означает, что между США и Мексикой всегда будет курсировать множество большегрузных автомобилей. Объем торговли слишком велик для проверки всех грузов пограничниками. Поэтому даже если на границе возведут стену, через проходы будут просачиваться и люди, не имеющие документов на въезд в США, и наркотики. Учитывая, что наркотики до того, как попасть в США, имеют крайне низкую стоимость, перехват грузов оказывает очень малое воздействие на торговлю. Перехваченные грузы моментально заменяют другими, что в минимальной степени сказывается на совокупных доходах наркоторговцев.

Остановить нелегальных иммигрантов намного легче, чем перекрыть поток наркотиков, поскольку иммигрантов, въехавших в США легко обнаружить. Простейший способ сделать это — ввести карточку национальной идентификации, отпечатанную на особой бумаге и несущую коды, которые крайне сложно подделать. Никого нельзя будет принять на работу прежде, чем работодатель проверит идентификационную карту с помощью системы, ныне используемой для совершения операций по кредитным картам. Любой иностранец, не имеющий такой карты, подлежит депортации. Любой работодатель, нанявший подобного человека, подлежит аресту и будет обвинен в фелонии ³³.

Но маловероятно, что к этому простому методу прибегнут, отчасти потому, что многие люди, наиболее враждебно относящиеся к незаконной иммиграции, питают глубокое недоверие к федеральному правительству. Карточки национальной идентификации можно использовать для отслеживания движения денег и людей — для обнаружения нарушений в уплате налогов и неплательщиков алиментов, а также для слежения за политическими организациями, но такое использование этой карточки вполне может привести к

злоупотреблениям со стороны правительства. Разногласия по этим вопросам в коалиции сил, выступающих против иммиграции, исключают поддержку данной системы.

Но есть и более глубокая причина, по которой этот сравнительно простой шаг не будет сделан. Дело в том, что часть общества, извлекающая пользу из наличия множества дешевых работников, многочисленнее и обладает большим влиянием, чем часть общества, которой дешевая рабочая сила причиняет вред. Следовательно, как и в случае с мексиканским правительством и наркотиками, лучшая стратегия для США — создавать видимость, что правительство США прилагает все силы к тому, чтобы положить конец притоку иммигрантов, на самом же деле способствуя полному провалу этих усилий.

США в течение многих лет проводят именно такого рода политику в отношении нелегальной иммиграции, создавая напряженность между кратко- и среднесрочными экономическими интересами и долгосрочными политическими интересами. Долгосрочной проблемой является демографический сдвиг (и возможный сдвиг лояльности населения) в приграничной полосе. Президенту придется делать выбор между вариантами действий, и для него единственно разумным будет курс на то, что будущее само себя определит. Учитывая, какие силы заинтересованы в сохранении статуса-кво, любой президент, который примет меры, необходимые для пресечения незаконной иммиграции, быстро потеряет власть. Поэтому наилучшей стратегией для президента будет продолжение нынешнего лицемерия.

Сходным образом не будет использовано и сравнительно простое решение проблемы наркотиков — легализация. Будь наркотики легализованы и вместе с тем приняты меры для наводнения ими США, их цена для потребителей резко упала бы, экономика контрабанды рухнула бы, а насилие на границе, вызванное всеми обращающимися в торговле наркотиками деньгами, резко снизилось бы. Параллельно произошло бы и сокращение уличного насилия наркоманов, стремящихся украсть деньги на «дозу».

Оборотной стороной этой стратегии стало бы увеличение потребления наркотиков и числа наркоманов, причем неизвестно, насколько большим оказалось бы это увеличение. Поскольку людей, уже употребляющих наркотики, больше не сдерживала бы цена, они могли бы удариться во все тяжкие, и почти несомненно, что люди, побаивающиеся применять наркотики, потому что это запрещено законом, начнут делать это, как только наркотики будут законом разрешены.

Президент (а в данном случае решение проблемы зависит и от конгресса, поскольку проблема, в сущности, не является внешнеполитической) должен будет рассчитать выгоды от пресечения финансового потока, идущего в Мексику, и от ограничения насилия в пограничье и сопоставить эти выгоды с убытками от усиления наркомании. Хуже того, президенту следует создать видимость, что он приветствует усиление этого порока или, по меньшей мере, безразличен к нему. В США нет крупной политической коалиции, готовой принять принцип подавления незаконной торговли наркотиками посредством ее легализации. Поэтому легализация наркотиков, как и идея введения карт национальной идентичности, сама собой не исчезнет вследствие внутренних идеологических причин.

Исходя из предположения, что вряд ли появится волшебное решение, которое уничтожило бы спрос американцев на наркотики, президент должен признать три реальных факта: наркотики будут и дальше поступать в США, огромные суммы денег по-прежнему будут уходить в Мексику, и, наконец, следует согласиться, что насилие в Мексике будет продолжаться до тех пор, пока наркокартели не заключат прочный мир (так произошло с организованной преступностью в других странах) или одна преступная группа не уничтожит всех своих конкурентов».

Для США единственной альтернативной стратегией решения проблемы наркотиков остается интервенция. Независимо от того, примет ли интервенция форму хирургической операции, проведенной ФБР, или форму крупномасштабной военной оккупации северной Мексики

американскими войсками, — это чрезвычайно плохая идея. Во-первых, вряд ли интервенция будет успешной. США не могут контролировать полицейскими мерами оборот наркотиков на своей собственной территории, так что мысль о том, будто США по силам сделать это в другой стране, — явно безосновательная мечта. Что касается масштабной военной оккупации, то в США знают, что американские вооруженные силы прекрасно подготовлены к сокрушению вражеских армий, но гораздо менее приспособлены к подавлению партизан, оказывающих сопротивление оккупантам на родной земле.

Американская интервенция приведет к соединению наркокартелей и мексиканского национализма, о чем уже подумывают в некоторых мексиканских кругах. Такой синтез создаст угрозу по обе стороны границы. Неожиданные нападения на американские войска, даже на территории США, станут актами не бандитизма, а патриотизма. Учитывая сложности, с которыми сталкиваются США в остальных районах мира, последнее, что нужно США, — это полномасштабная война на границе с Мексикой.

Высшим приоритетом для президента должны стать надежные гарантии того, что насилие в северной Мексике и коррупция должностных лиц мексиканских правоохранительных органов не выплеснутся в США. Поэтому президент США должен ввести в американскую часть пограничной зоны крупные силы для подавления насилия и сделать это несмотря на то, что такая стратегия дефектна. В числе дефектов этой стратегии — ведение войны с противником, у которого есть убежище по другую сторону границы, а это, как американцы знают по Вьетнаму, очень плохая мысль. Кроме того, такая стратегия будет сугубо оборонительной. США не смогут контролировать то, что происходит в Мексике. Но так как обретение контроля над событиями в Мексике крайне маловероятно, оборона, пожалуй, лучшее из того, что возможно.

Американская стратегия в своей сущности по-прежнему будет глубоко нечестной. Эта стратегия не предполагает пресечения иммиграции или торговли наркотиками, но должна

создавать впечатление, что направлена на достижение обеих целей. Многим американцам и иммиграция, и наркотики кажутся очень важными проблемами, оказывающими влияние на их жизнь. И этим людям не стоит говорить, что при более широком видении мира их представления о том, что важно, не имеют значения или что США не способны достичь целей, которые многие американцы считают важными.

Для президента намного лучше создать впечатление, будто бы он всецело и искренне предан достижению этих целей, а затем, когда цели не будут достигнуты, свалить вину за провал на подчиненных, прибегших к чрезмерно энергичным действиям. Время от времени президенту придется отправлять в позорную отставку сотрудников своей администрации, ФБР, ЦРУ, Управления по борьбе с наркотиками или военных и проводить серьезные расследования для выявления недостатков в системе, из-за которых наркотики и нелегальные мигранты продолжают пересекать границу. В течение следующих 10 лет президент будет постоянно проводить расследования, которые должны создать иллюзию деятельности в рамках безнадежного проекта.

Предотвращение распространения насилия только к северу от границы — дело достаточно важное для того, чтобы любой президент, не справившийся с этой задачей, лишился власти. К счастью, предотвращение распространения насилия в интересах и наркокартелей. Они понимают, что существенные вспышки насилия в США вызовут ответную реакцию, которая хотя и будет неэффективной, но помешает их деловым интересам. Наркокартели, понимающие, что США не предпримут решительных действий к югу от границы и не станут серьезно вмешиваться в их бизнес какими-либо иными путями, повели бы себя нерационально, если бы способствовали распространению насилия к северу от границы, — а контрабандисты, купающиеся в деньгах, мыслят весьма и весьма рационально.

Здесь уместно сказать и о Канаде, которая, конечно, имеет самую протяженную границу с США и является их

крупнейшим торговым партнером. Со времен сокращения британских интересов в Северной Америке Канада стала иметь второстепенное значение для США. Я не говорю, что Канада не важна для США. Просто Канада заперта на своем месте географическим положением и американской мощью.

Если посмотреть на карту, Канада покажется огромной страной. Но если говорить о заселенной территории, то Канада, в сущности, очень мала. Ее население распределено в полосе, тянущейся вдоль границы с США. Многие провинции Канады ориентированы на север и юг, а не на восток-запад. Другими словами, экономически и политически эти провинции ориентированы на США, что контрастирует с политической жизнью Канады, ориентированной по параллели.

Для Канады вопрос состоит в том, что США — огромный рынок сбыта и источник товаров. Между США и Канадой есть глубокое культурное родство. И это создает проблему для канадцев, считающих себя (и желающих быть) носителями особой культуры и гражданами отдельной страны. Но, как и прочие страны мира, Канада испытывает серьезное культурное давление со стороны США, и оказывать сопротивление этому давлению трудно.

В Канаде есть множественные линии разлома, и самая важная из этих линий — раскол между говорящими по-французски жителями Квебека и жителями остальных провинций, где говорят преимущественно на английском. В 60-70-х годах XX в. в Квебеке существовало мощное сепаратистское движение, добившееся серьезных уступок в использовании французского языка, но независимости Квебека это движение так никогда и не добилось. Сегодня это движение стало умеренным и не настаивает на независимости, хотя и требует расширенной автономии.

Канада сама по себе не представляет угрозы США. Величайшая угроза возникла бы в том случае, если бы Канада стала союзницей крупной мировой державы. Можно вообразить единственный сценарий такого развития событий, и этот сценарий предполагает фрагментацию Канады. Учитывая степень экономической и социальной интеграции,

трудно представить ситуацию, при которой какая-либо из провинций Канады смогла бы изменить свои отношения, не вызвав катастрофических последствий. Столь же трудно вообразить ситуацию, в которой США допустили бы развитие тесных отношений отколовшейся провинции с державой, враждебной США, сохраняя прежние экономические отношения с этой провинцией. Единственный случай, когда такое развитие событий можно вообразить, — независимость Квебека, который по культурным или идеологическим причинам может пожертвовать экономическими отношениями.

В наступающем десятилетии не будет ни мировых держав, которые могли бы воспользоваться открывающимися возможностями, ни самих возможностей. Это означает, что отношения между США и Канадой останутся стабильными, причем важность Канады для США будет возрастать по мере того, как будет возрастать важность поставок природного газа, месторождения которого сосредоточены в западной Канаде. Американо-канадские отношения имеют исключительное значение для обеих стран, причем для Канады они важнее, нежели для США, просто в силу размеров стран и имеющихся у них вариантов действий. Но сколь важными ни были бы эти отношения, они в следующем десятилетии не потребуют большого внимания или серьезных решений со стороны США.

Отношения США в Западном полушарии можно разделить на три части — отношения с Бразилией, Канадой и Мексикой. Бразилия находится далеко и в изоляции. США могут разработать долгосрочную стратегию сдерживания Бразилии, но это не насущная задача. Канада никуда не денется. Проблемой, непосредственно стоящей перед США, является Мексика, с которой связаны два неразрывных вопроса: миграция и наркотики. Помимо легализации наркотиков, которая вызовет падение цен на этот товар, единственное решение данных проблем состоит в том, чтобы позволить войнам наркокартелей дойти до логического конца. Эти войны, выгорев, неизбежно прекратятся. Что касается миграции, то если ныне миграция представляет проблему, со временем, после демографического сдвига, она станет решением проблемы.

В Западном полушарии позиции США надежны и прочны. Признаком имперского статуса любой державы является ее безопасность в собственном регионе. Конфликты должны происходить где-то далеко и не создавать угрозы территории имперской державы. В целом США достигли такого положения.

В конце концов, величайшая угроза, с которой могут столкнуться США в Западном полушарии, — это угроза, которую предугадывала доктрина Монро: угроза того, что крупная иностранная держава использует регион как базу для противостояния с США. Это означает, что американская стратегия, в сущности, должна быть сосредоточена на Евразии, где может появиться такая держава, а не на Латинской Америке. Сначала надо решать важные, первоочередные вопросы.

Прежде всего, правительства стран Западного полушария не должны рассматривать действия США как вмешательство в их дела. Такое отношение к США приводит в действие антиамериканские настроения, которые могут создавать трудности. Разумеется, США будут вмешиваться в дела Латинской Америки, особенно в дела Аргентины. Но это вмешательство должно быть интегрировано в нескончаемую дискуссию о правах человека и социальном прогрессе. Действительно, и тому, и другому следует способствовать, особенно в Аргентине. Этот гуманитарный аспект не следует скрывать и в отношениях с Бразилией. Но при этом все президенты США во всех своих делах должны скрывать свои истинные мотивы и энергично отрицать истину в тех случаях, когда кто-либо догадывается, за что именно выступают США.

В прошлом США пренебрегали делами Западного полушария, если только в эти дела не была замешана какая-то мировая держава или эти дела не оказывали прямого воздействия на американские интересы, как это было с Мексикой в XIX в. Во всех остальных случаях Латинская Америка оставалась ареной торговых отношений. В следующем десятилетии подобный базисный сценарий не изменится, за исключением того, что следует заложить

основы перспективных планов сдерживания Бразилии, если таковые понадобятся.

Глава 12

Оставим Африку в покое

Американская стратегия поддержания баланса сил национальных государств во всех районах мира предполагает два обязательных фактора: во-первых, существование в регионах национальных государств и, во-вторых, наличие у этих государств (или у некоторых из них) достаточных сил для самоутверждения. Если этих факторов нет, то нет и основы региональной мощи, которой надо управлять. Если этих факторов нет, то нет и системы внутренней стабильности или сплоченности. Такова участь Африки, континента, который можно разделить по множеству разных признаков, но который пока не имеет единства ни в одном отношении.

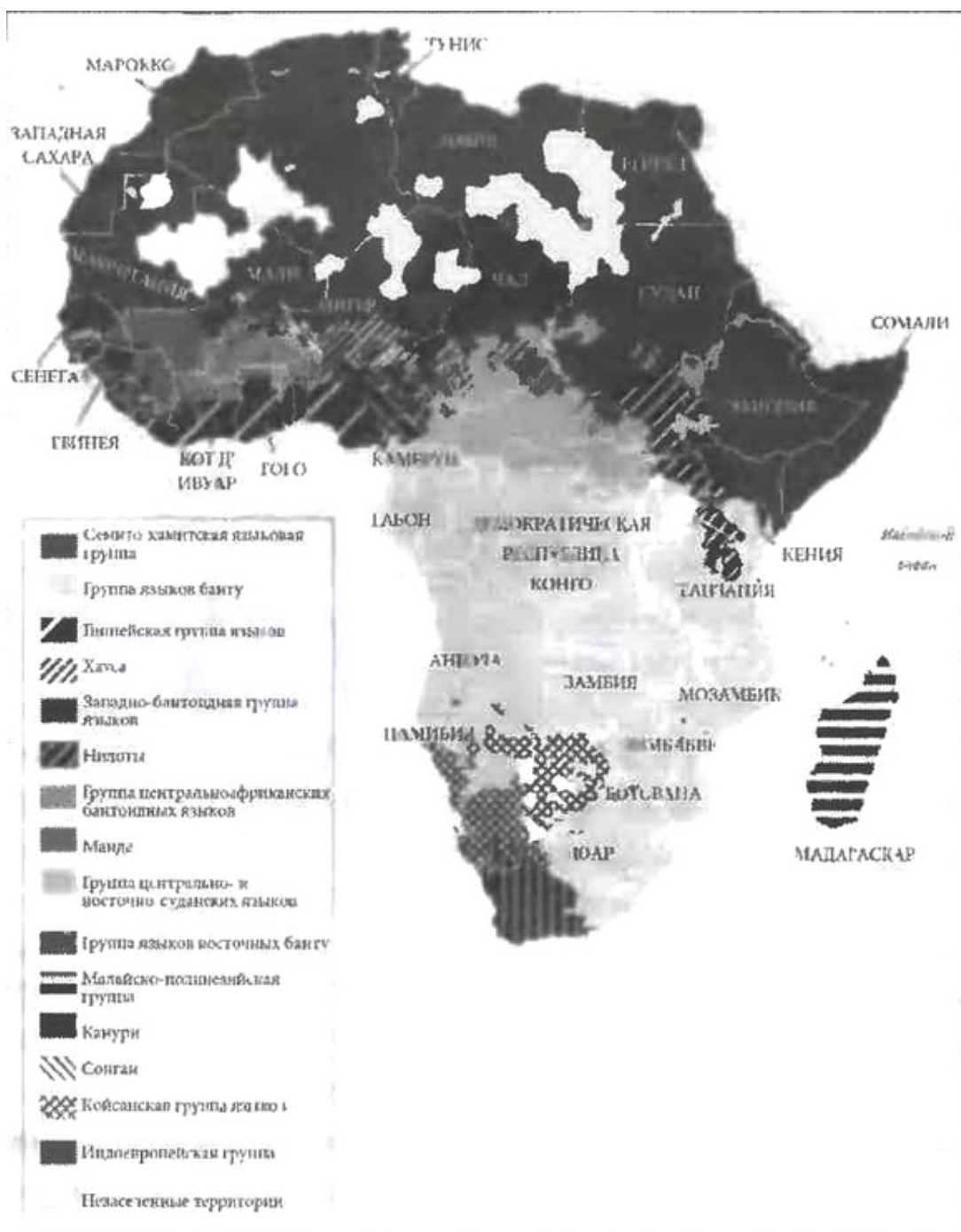
Географически Африку можно представить в виде четырех регионов. Первый из них — Северная Африка, расположенная на южном побережье Средиземного моря. Второй регион лежит вдоль побережья Красного моря и Аденского залива и известен под названием Африканского рога. Третий регион — Западная Африка — располагается от берегов Атлантики до южной Сахары. И, наконец, обширный южный регион, простирающийся от линии, которая проходит от Габона через Конго до Кении. Крайней южной точкой этого региона является мыс Доброй Надежды.

С точки зрения религий Африку можно разделить на две части — мусульманскую и немусульманскую. Ислам господствует в Северной Африке, в северных районах Западной Африки и на западном берегу Индийского океана вплоть до Танзании. Ислам не укоренился на северном побережье Западной Африки и не сделал серьезных прорывов в южном африканском конусе, за исключением побережья Индийского океана.

Ислам в Африке

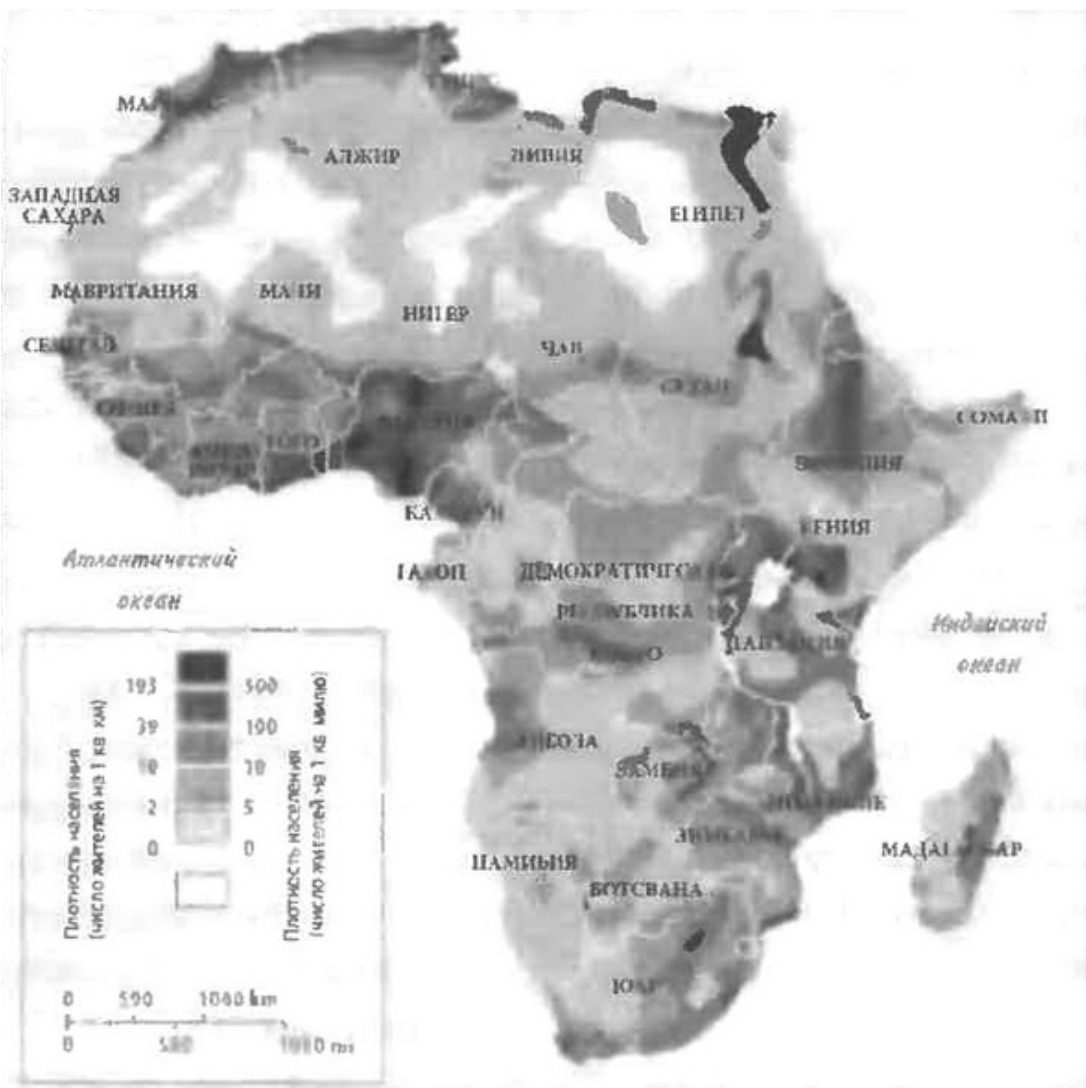
Карта распространения языков дает нам наилучшее представление об обширных африканских регионах. Но такой подход к Африке бесконечно сложен, ибо на континенте говорят на сотнях языков и наречий, не считая многочисленных диалектов, на которых говорят малые группы. Учитывая такую языковую пестроту, кажется иронией, что общим языком в африканских государствах часто являются языки империалистов — арабский, английский, французский, испанский или португальский. Даже в Северной Африке, где на всем лежит арабское влияние, есть районы, в которых анахроничным остатком являются языки бывших европейских господ.

Такая же ирония окружает подход, который, возможно, наименее годится для попыток понять Африку, — подход, учитывающий ныне существующие границы, многие из которых — пережитки разделов Африки между европейскими империями, что ушли, оставив свои административные границы. Реальная африканская динамика начинает проявляться, когда мы задумываемся над тем, что эти границы не только очерчивают государства, которые пытаются править многими не только дружественными, но и враждебными этносами, проживающими в пределах африканских государств (хотя и нередко разделенных двумя государствами). Таким образом, хотя африканские государства, возможно, и существуют, национальных государств в Африке нет (за исключением государств Северной Африки).

Наконец, можно рассматривать Африку с точки зрения расселения людей на континенте. Тремя центрами сосредоточения населения в Африке являются долина реки Нил, Нигерия и район Великих африканских озер Центральной Африке (включающий территорию Руанды, Уганды и Кении). Если смотреть на эти районы, складывается впечатление, что Африка перенаселена, и этот вывод оправдан, учитывая нищету африканцев. Вполне возможно, что слишком много людей пытаются выжить в условиях жалкой африканской экономики. Но по сравнению с остальным миром большая часть Африки заселена весьма неплотно. Особенности африканской топографии, африканские пустыни и влажные тропические леса делают такое расселение неизбежным.

Плотность населения в Африке

Даже если смотреть на данные центры сосредоточения населения, обнаруживаешь, что политические и национальные границы имеют самое малое отношение друг к другу. Таким образом, вместо того, чтобы быть основой мощи, плотность населения попросту увеличивает нестабильность и способствует слабости. Нестабильность возникает, когда разные этносы занимают одни и те же территории.

Например, Нигерия, являясь крупным экспортером нефти и поэтому имея доходы, позволяющие наращивать мощь, должна была бы стать сильной региональной державой. Но в Нигерии само существование нефти создает постоянный внутренний конфликт: богатство уходит не на инфраструктуру центрального правительства и бизнеса, а отвлекается на местные склоки, в которых и исчезает. Вместо того, чтобы стать основой национального единства, нефтяные богатства просто уходят на финансирование хаоса, порождаемого культурными, религиозными и этническими различиями, существующими среди нигерийцев, что и делает Нигерию государством без нации. Говоря точнее, Нигерия — это государство, господствующее над множеством враждебных друг другу народов. Некоторые из этих народов разделены государственными границами. Сходным образом присвоенная населению Руанды, Уганды и Кении национальная идентичность разделяет, а не объединяет население этих стран. Временами войны создают непрочные государства вроде Анголы, в которых в принципе невозможна долговременная стабильность.

Только в Египте нация и государство совпадают. Поэтому время от времени Египет становится крупной державой. Но являющаяся частью Средиземноморья Северная Африка по динамике развития очень сильно отличается от остальной части Африканского континента, поэтому, когда я употребляю слово Африка, я не имею в виду страны Северной Африки, которые следует рассматривать отдельно.

Ирония также заключается в том, что хотя африканцы обладают острым чувством общности (Запад часто порочит это чувство, считая его пережитком племенного или кланового

сознания), это чувство общей судьбы никогда не простирается на более крупные совокупности сограждан. Так происходит потому, что африканские государства — не продукты органического развития наций. Конфигурации, заложенные арабами и европейскими империалистами, оставили континент в состоянии хаоса.

Единственный выход из хаоса — сила, а эффективная сила должна быть сосредоточена в руках государства, опирающегося на сплоченную нацию и контролирующего ее. Это не означает, что невозможны многонациональные государства вроде России или даже государства, представляющие только часть нации (такие, как Северная и Южная Корея). Но сказанное не означает и того, что государство должно господствовать над народом, обладающим истинным чувством общей судьбы и взаимными интересами.

Для Африки есть три возможных пути, и над ними стоит задуматься. Первый путь связан с нынешней глобальной благотворительностью, но система международной помощи, которая ныне господствует над столь многими сферами жизни африканского общества, вряд ли сможет оказать продолжительное воздействие, потому что не затрагивает фундаментальной проблемы иррациональности границ африканских государств. В худшем случае эта система может усиливать коррупцию и среди реципиентов, и среди доноров. Последнее случается все чаще, и, по правде говоря, немногие доноры верят в то, что помощь, которую они оказывают, решает проблемы.

Второй путь — восстановление иностранного империализма, который создаст некоторую основу стабильной жизни, но это маловероятно. Причина, по которой периоды арабского и европейского господства закончились так быстро, как они закончились, заключалась в том, что хотя в Африке и делали прибыль, расходы тоже были значительными. Продукцию африканской экономики составляют в основном сырьевые товары, и есть более простые способы получения этих товаров, нежели отправка в Африку войск и колониальных администраторов. Заключая

сделки с существующими правительствами или полевыми командирами, корпорации могут получить все, что им нужно, гораздо дешевле, не принимая на себя обязанности управления. Империализм современных корпораций допускает положение, при котором иностранные державы приходят, берут по минимально возможной цене то, что хотят, и уходят с тем, что взяли.

Третий и наиболее вероятный путь — война, которая затянется на несколько поколений. Из этой войны возникнет континент, на котором нации будут спаяны в легитимные государства. Как бы жестоко это ни звучало, нации рождаются в конфликтах, и народы обретают чувство общей судьбы благодаря военному опыту. Это справедливо не только в отношении рождения наций, но и в отношении истории наций. США, Германия, Саудовская Аравия и Япония — нации, выкованные в боях, в которых эти нации и родились. Война — недостаточное условие становления нации и национального государства, но трагедия человеческого существования заключается в том, что чувство общности, качество, делающее нас наиболее человеческими, возникает из бесчеловечности войны.

Войны в Африке нельзя предотвратить. Они происходили бы даже в том случае, если бы в Африке никогда не было иностранных империалистов. Действительно, в Африке воевали, и империалисты пресекали эти местные войны. Создание наций происходит не на заседаниях Всемирного банка или при строительстве школ иностранными военными специалистами, ибо настоящие нации строятся на крови. Карта Африки неизбежно будет перекроена, но это будет сделано не комитетом вдумчивых, стремящихся помочь африканцам людей, которые заседают в конференц-залах

Со временем произойдет следующее: Африка реорганизуется. Появится несколько крупных стран и большее количество мелких стран. Эпоха реорганизаций создаст условия для экономического развития, и через несколько поколений появятся нации, которые смогут стать мировыми державами, но темпы этого процесса не окажут влияния на следующее десятилетие.

Возникновение одного национального государства, способного породить местный империализм в Африке, может ускорить процесс, но все кандидаты на роль имперской державы внутренне настолько раздроблены, что представить быструю эволюцию трудно. Из всех африканских стран наибольший интерес представляет Южная Африка, поскольку в ней европейский опыт совмещается с африканской политической структурой. Это самая способная из африканских стран. Но сам факт такого совмещения сохраняет расколы, делающие становление Южной Африки в качестве региональной державы с каждым годом все более трудновообразимым.

В конце концов, у США нет каких-либо важных или значительных интересов в Африке. США явно равнодушны к нигерийской нефти и к контролю над исламистским влиянием на севере Африканского континента, а также в Сомали и Эфиопии. Поэтому США заботятся о стабильности Нигерии и Кении — стран, которые могут оказаться полезными в достижении указанных целей. Но наибольшее вовлечение Америки в дела Африки имело место в годы холодной войны. Американское вмешательство в гражданскую войну в Конго в 60-х, а затем в гражданскую войну в Анголе в 80-х годах XX в., в дела Сомали и Эфиопии было всего лишь попыткой заблокировать советское проникновение в Африку. Угроз такого уровня интенсивности больше нет.

В последние годы в Африке стали появляться китайцы, которые скупают шахты и другие природные ресурсы. Но, как мы уже говорили, Китай в силу своей внутренней слабости и ограниченных возможностей проецировать мощь не представляет угрозы того порядка, какой была советская угроза. Китай не может стратегически эксплуатировать положение Африки, что некогда делал СССР, и не может вывезти африканские шахты в Китай. Главным результатом китайских инвестиций в Африку станет более сильная подверженность Китая африканской нестабильности, что позволяет США держаться в стороне от происходящего в Африке.

В то же время американские корпорации столь же искусны в заключении сделок, позволяющих им получать нефть, другие ископаемые или сельскохозяйственные продукты, как и другие корпорации, и могут делать это, не связывая США обязательствами по отношению к Африке. Учитывая все прочие интересы США, стратегически выгодно иметь регион, где Америка может оставаться безразличной к происходящему, даже если это просто позволяет США сохранять ресурсы.

Но и в Африке существуют возможности. У США есть стратегическая потребность участвовать в систематическом манипулировании во многих частях света, что вызывает нелюбовь и недоверие к Америке. Избежать такого рода сквозной политики невозможно, но можно сбить с толку участников процесса (или снизить его остроту), и Африка — подходящее для этого место.

Как и любое государство, США предельно эгоистичны. Но в том, чтобы не выглядеть эгоистичной страной, есть определенная ценность, как есть ценность и в том, чтобы США любили, чтобы ими восхищались — но лишь до тех пор, пока это стремление быть объектом любви не начинает превращаться в главную цель. Оказание щедрой помощи Африке послужит укреплению американского имиджа. В десятилетие, в течение которого США придется ежегодно тратить сотни миллиардов долларов на оборону, выделение 10-20 млрд долл. на помощь Африке будет пропорциональной и разумной попыткой купить обожание.

Снова повторю: помощь сама по себе не решит проблем Африки, но помощь может смягчить их, по меньшей мере на время. Возможно, что помощь причинит определенный вред, поскольку многие программы помощи имеют непреднамеренные негативные последствия, но сам по себе широкий жест пойдет на пользу Америке, и эта польза будет достигнута при сравнительно малых затратах.

То, что президент США никогда не должен отвлекаться от войны, не означает, что одновременно он не может разумно относиться к войне. Один из тезисов Никколо Макиавелли

гласит, что *добро происходит из безжалостного стремления к власти, а не из попыток быть добрым*. Но если проявление доброты просто убедит Европу отправить больше войск для участия в следующей американской интервенции, это станет достойной инвестицией в будущее.

Глава 13

Технологии и демография: нарушенный баланс

Эта книга посвящена нарушениям баланса американской мощи в следующем десятилетии и последствиям, которые эти нарушения будут иметь для мирового сообщества. Я сосредоточился на экономических и геополитических факторах и показал, что моменты дисбаланса в отношении их действий преходящи и исправимы, но книга была бы неполной, если бы я не рассмотрел и две другие важные проблемы, с которыми США придется столкнуться в следующем десятилетии, а именно проблемы демографии и технологии.

Экономические циклы с их подъемами и спадами могут быть обусловлены спекуляциями и финансовыми манипуляциями, как это и происходило в уходящем десятилетии, но надо понимать, что на глубинном уровне экономическая экспансия и сокращение экономики обусловлены демографическими факторами и технологическими инновациями.

В течение наступающего десятилетия мы увидим спад той демографической волны, которая способствовала процветанию сразу после Второй мировой войны. Поколение тех, кто родился в период «бэби-бума» (всплеска рождаемости, наблюдавшегося в 40-60-х годах XX в.), то есть людей, родившихся в годы президентств Трумэна и Эйзенхауэра, вступит в седьмой десяток лет жизни. Эти люди будут уходить на пенсию, прекращать активную деятельность. Они будут стариться. В результате та самая демографическая волна, которая полвека назад способствовала процветанию, в будущем создаст экономическое бремя.

В 50-х годах прошлого века представители этого поколения создали спрос на миллионы детских ходунков,

типовых домов, велосипедов и фенов для волос. В 70-х они стали стремиться к работе в экономике, которая еще не была готова принять их. По мере того, как представители этого поколения искали работу, женились и заводили детей, одновременно покупая и беря кредиты, их коллективное поведение заставляло расти процентные ставки, темпы инфляции и безработицы.

Поскольку в 80-х годах экономика уже абсорбировала этих людей, а в 90-х они достигли зрелости, «бэби-бумеры» подтолкнули экономику к исключительно высоким уровням роста. Но в следующем десятилетии те огромные приступы творчества и производительности, которые привнесли в жизнь Америки представители этого поколения, будут угасать, и экономика ощутит первые раскаты демографического кризиса. Уход «бэби-бумеров» вызовет резкое облегчение сопутствующего кризиса технологических инноваций, который мог бы оказаться более явным. По мере старения поколения «бэби-бумеров» одновременно происходит не только увеличение потребления с их стороны, но и исчезновение того, что они сами производили. Эти люди начинают нуждаться в услугах здравоохранения и в привилегиях, предоставляемых престарелым, причем в беспрецедентной степени.

Следующее десятилетие станет периодом отставания технологий от потребностей. В некоторых случаях существующие ныне технологии достигнут пределов своих возможностей, а те, что смогли бы прийти им на смену, еще не будут изобретены или доведены до уровня промышленного использования. Я не говорю, что не будет заметного технологического сдвига: электромобилей и сотовых телефонов нового поколения будет в достатке. Не хватать будет действительно прорывных технологий, которые удовлетворяли бы возникающие и уже ставшие безотлагательными потребности, тех самых технологических прорывов, которые определяют подлинный рост экономики.

Первая проблема — финансовая. Развитие радикально новых технологий по природе своей — рискованное дело (и в смысле внедрения новых концепций, и в смысле адаптации

новых продуктов к требованиям рынка). Финансовый кризис и рецессия 2008-2010 гг. ограничили и суммы капитала, доступного для финансирования технологического развития, и склонность инвесторов к риску. Первые несколько лет следующего десятилетия будут отмечены не только нехваткой капитала, но тенденцией размещать имеющийся капитал в проектах, характеризующихся низким уровнем риска. Имеющиеся средства будут уходить на более утвердившиеся технологии. В глобальном масштабе эта ситуация несколько разрядится во второй половине следующего десятилетия и, скорее всего, в крупных странах вроде США. Тем не менее, учитывая, что для подготовки к развитию технологий нужно время, важные технологические прорывы следующего поколения не появятся до 20-х годов XXI в.

Довольно странно, но вторая проблема, обусловленная данным темпом инноваций, заключается в военных. В XIX в. совершенствование парового двигателя и развитие британского военно-морского флота (а также расширение пределов его досягаемости) шли рука об руку. В XX в. США стали двигателем мирового технологического развития, большую часть которого финансировали и двигали военные закупки. Почти все изобретения имели определенное гражданское применение. Развитие авиации и радио, в существенной степени субсидированное военными ведомствами, привело к появлению авиастроения и радиовещания. Система шоссе между штатами поначалу была задумана как военный проект; с ее помощью планировалось облегчить быструю переброску войск в случае советского нападения или ядерной катастрофы. Микрочип был разработан для использования в малых компьютерах, наводящих на цели управляемые ракеты и носители, выводившие боеголовки в космос. И, конечно, Интернет, прочно завоевавший общественное сознание в 90-е годы XX в., начинался в 60-х годах как военный проект связи.

Войны — периоды интенсивных технологических трансформаций. Когда речь идет о жизни и смерти, общество вкладывается в научные и технические новшества, зачастую прибегая для этого к заимствованиям. Война США с

джихадистами придала импульс некоторым разработкам, например, в области автоматического слежения и ударной авиации или технологий баз данных, но фундаментальных открытий (вроде радаров, пенициллина, реактивных двигателей, ядерного оружия), сделанных в годы Второй мировой войны или в период холодной войны (когда, в свою очередь, были созданы компьютеры, Интернет, оптоволоконные кабели, передовые материалы), война с терроризмом не принесла. Причина в том, что в конечном счете конфликты в Афганистане и Ираке — это военные действия, которые ведут легко вооруженные пехотинцы. Такие войны требуют адаптаций и усовершенствований существующих технологий, но не инноваций, которые в корне меняли бы правила игры.

Поскольку финансирование подобных войн сокращается, первыми от сокращения страдают бюджеты научных исследований и опытно-конструкторских разработок. Это — нормальный цикл в американских военных закупках, и развитие не возобновится до тех пор, пока в ближайшие 3-4 года не обнаружатся новые угрозы. Поскольку лишь немногие страны занимаются работой над прорывными военными технологиями, угрозы как традиционный стимул к инновациям не начнут приносить гражданские плоды до 20-х годов XXI в.

Ощущение того, что речь идет о жизни или смерти (а именно это должно подгонять в разрабатывании технологических новшеств в наступающем десятилетии), вызовут демографический кризис и связанные с ним расходы. Старение, а затем и сокращение населения, о котором я писал в книге «Следующие 100 лет», начнет проявляться тут и там уже в следующем десятилетии и вскоре станет постоянным фактом жизни Америки. Рабочая сила будет сокращаться — не только вследствие выхода на пенсию поколения людей, родившихся после Второй мировой войны, но и вследствие того, что растущие требования к образованию не позволяют людям выходить на рынок труда до тех пор, пока им не исполнится лет 25, а то и более.

Экономические последствия старения населения будет усугублять увеличение ожидаемой продолжительности жизни,

сочетающееся с сопутствующим ростом случаев дегенеративных заболеваний. Поскольку все больше людей будет жить дольше, болезни Альцгеймера, Паркинсона, лишаящие трудоспособности болезни сердца, рак и диабет лягут невыносимо тяжким бременем на экономику, так как все больше и больше людей будет нуждаться в уходе, в том числе высокотехнологичном уходе.

К счастью, медицинские исследования — единственное направление, получающее обильное финансирование. Политические коалиции обеспечивают приток средств из федеральной казны, достаточный для того, чтобы фармацевтика и биотехнология перешли от базовых исследований технологий к их использованию. Тем не менее возможность дисбаланса сохраняется. Дешифровка генома не обещает быстрого излечения от дегенеративных и других заболеваний, поэтому в следующем десятилетии внимание будет сосредоточено на паллиативных мерах³⁵.

Предоставление ухода, необходимого стареющему населению, может повлечь настолько большие затраты на рабочую силу, что это станет существенным тормозом экономического развития. Альтернативой является робототехника, но развитие эффективной робототехники зависит от научных прорывов в двух ключевых сферах: микропроцессорах и батареях, источниках питания — тогда как оба эти направления в долгосрочной перспективе не развиваются. Осуществлять основной уход за престарелыми могут роботы, но в таком случае необходимы огромные объемы вычислительной мощности, а также повышенная мобильность, однако пределы уменьшения размеров кремниевых чипов уже достигнуты. Между тем ныне существующие компьютерные платформы не могут поддерживать базовые программы управления работами, обработки полученных роботами сенсорных данных и постановки задач, которые должны выполнять роботы. Есть ряд возможных решений — от биологических материалов до квантового исчисления, но работа в этих областях остается на уровне базисных исследований.

В следующем десятилетии приостановится развитие двух других направлений технологии. Первое направление — революция в средствах связи, начавшаяся в XIX в. Эта революция порождена углубленным пониманием спектра электромагнитных волн. Научные изыскания в данной отрасли отчасти были вызваны подъемом мировых империй и рынков. Телеграф обеспечил почти мгновенную связь на огромные расстояния при наличии необходимой инфраструктуры (телеграфных линий). Затем появилась аналоговая голосовая связь в виде телефона, после чего появилась связь, не требующая инфраструктуры, — беспроводное радио. Данное новшество впоследствии разделилось на передачу звука и передачу изображения (телевидение), которое оказало глубочайшее влияние на то, как в мире ведутся дела. Эти средства связи создали новые политические и экономические отношения, позволяя осуществлять двусторонние коммуникации (в которых стороны могут и принимать сообщения, и отвечать на них) и средства централизованного вещания (среду, в которой «один вещает многим»). Последнее в неявной форме дает огромную власть тем, кто им управляет. Но гегемония централизованного вещания «одного для многих» закончилась. Централизованное вещание потеснили расширенные возможности, появившиеся в цифровой век. Наступающее десятилетие знаменует конец продолжавшегося 60 лет периода роста и инноваций даже в этой самой передовой и разрушительной цифровой технологии.

Цифровая эпоха началась с революции в обработке данных, чего потребовали серьезные проблемы управления кадрами в годы Второй мировой войны. Данные об отдельных военнослужащих заносили на перфокарту в виде неэлектронного двоичного кода для последующей сортировки и идентификации. После войны министерство обороны США потребовало преобразования этой примитивной формы обработки данных в вариант, позволяющий обрабатывать данные на компьютерах. Так возник спрос на массивные универсальные электронные вычислительные машины, построенные на вакуумных трубках. Эти универсальные ЭВМ

вышли на рынок гражданской продукции плавным образом благодаря торговому персоналу компании IBM, оказывавшей предприятиям услуги широкого спектра — от оформления счетов до расчета заработной платы.

После появления транзисторов и кремниевых чипов (эти изобретения позволили уменьшить размеры и снизить стоимость компьютеров) центр разработок переместился на западное побережье США, а инновационная деятельность сосредоточилась на совершенствовании компьютеров. Если главной задачей универсальных ЭВМ была обработка и анализ данных, то персональный компьютер в основном использовали для создания электронных аналогов уже существующих достижений — печатных машинок, динамических таблиц, игр и т.д. (что в дальнейшем развилось в портативные компьютерные устройства и компьютерные чипы, внедренные в целый ряд прикладных приборов).

В 90-х годах XX в. два технологических направления — коммуникации и обработка данных — слились воедино: стало возможным передавать по существующим телефонным сетям информацию в электронной двоичной форме. Интернет, разработанный по заданию министерства обороны США для передачи данных с одной универсальной ЭВМ на другие, был быстро адаптирован к персональным компьютерам и к передаче данных по телефонным линиям через модемы. Следующим новшеством стали оптоволоконные кабели, позволяющие передавать огромные объемы двоичных данных, а также очень большие графические файлы.

С появлением графических изображений и данных, постоянно демонстрируемых на веб-сайтах, трансформация завершилась. Мир контролируемого вещания «одного для многих» превратился в неизмеримо более рассеянную систему, при которой «многие осуществляют адресное вещание для многих» и где формальное, сверху установленное чувство реальности, создаваемое технологиями новостного вещания и коммуникаций XX в., превратилось буквально в какофонию реальностей.

Персональный компьютер стал не только единственным инструментом более эффективного выполнения ряда

традиционных функций, но и средством связи. В этом качестве компьютер стал заменой обычных почтовой и телефонной связи, а также инструментом исследований. Интернет превратился в систему, объединившую информацию с продажами и маркетингом — от астрономических данных до последних коллекций, продающихся на e-Bay. Всемирная паутина, став общественным форумом и рынком, одновременно и собирает массовое общество, и фрагментирует его.

Портативный компьютер и аналоговый сотовый телефон уже придали мобильность некоторым приложениям. Когда компьютер и сотовый телефон были объединены в персональном цифровом секретаре, имеющем вычислительные мощности, доступ в Интернет, голосовую и текстовую почту, а еще моментальную синхронизацию с более крупными персональными компьютерами, люди получили мгновенный доступ к данным практически из любой точки мира. Когда я прилетаю в Шанхай или Стамбул, мой карманный компьютер мгновенно собирает сообщения, отправленные мне из разных точек мира, затем дает возможность прочитать самые последние новости — и все это в то время, пока самолет подруливает к терминалу. Революция в средствах связи достигла своей высшей точки.

Все это замечательно, но ныне мы пребываем в состоянии экстраполяции и постепенного роста, при этом наше внимание сосредоточено на наращивании мощностей и поиске новых применений технологий, разработанных много лет назад. Это состояние подобно плато, на которое вышли персональные компьютеры к моменту, когда созрел доткомовский пузырь. Базисная структура уже есть — от оборудования до интерфейса. Компания Microsoft уже создала всеобъемлющий спектр офисных приложений, появились беспроводная связь и электронная торговля, процветающая на Amazon и других виртуальных торговых площадках, а Google запустил свою поисковую систему. Но очень трудно утверждать, что в прошлом десятилетии произошел действительно трансформирующий технологический прорыв. Вместо прорыва к новым горизонтам

усилия были сосредоточены на разработке новых приложений вроде социальных сетей и на перенесении старых мощностей на мобильные платформы. Как показывает iPad, таковые усилия продолжатся и далее. Но в конечном счете это перестановка мебели, а не создание новой структуры. Компания Microsoft, преобразившая экономику в 80-е годы XX в., теперь стала вполне респектабельным, степенным предприятием, защищающим свои достижения. Компания Apple изобретает новые устройства, делающие операции, которые мы уже совершаем, более забавными. Google и Facebook ищут новые способы продажи рекламы и извлечения прибыли из Интернета.

Коренные технологические инновации вытеснены борьбой за долю рынка — поиском способов делать деньги посредством мелких усовершенствований, о которых трубят как о важных открытиях. Тем временем резкое увеличение производительности, некогда вызванное улучшением технологии и, в свою очередь, ставшее стимулом для всей экономики, затухает, что окажет существенное воздействие на проблемы, с которыми США столкнутся в следующем десятилетии. Поскольку фундаментальные исследования и разработки сокращаются, а усилия корпораций направлены на небольшие усовершенствования ключевых разработок последнего поколения, основной импульс к мировому развитию сводится к передаче существующих технологий в руки большего числа людей. Так как продажа сотовых телефонов уже достигла точки насыщения рынка и корпорации не хотят делать инвестиции в обновления, не являющиеся необходимыми, установка на развитие проблематична.

Я не говорю, что мир цифровых технологий умирает. Но компьютерный бизнес по-прежнему, в сущности, пассивен и ограничивается обработкой информации и ее передачей. Следующая и необходимая фаза развития этого сектора — оживление, связанное с использованием данных для манипулирования реальностью и ее изменений, где главным примером явится робототехника. Переход к дальнейшей активной фазе необходим, чтобы добиться резкого роста

производительности, который компенсирует экономические сдвиги, связанные с последствиями демографического кризиса.

Министерство обороны США уже давно разрабатывает боевых роботов, а в Японии и Южной Корее достигнуты немалые успехи в применении роботов в гражданских целях. Но если данная технология должна быть готова ко времени, когда она остро понадобится, то есть к третьему десятилетию XXI в., то придется выполнить большой объем научной и конструкторской работы.

Даже если такая работа будет выполнена, попытки полагаться на роботов в решении проблем общества вызывают следующий мучительный вопрос: как обеспечивать роботов энергией. Живая рабочая сила сама по себе потребляет сравнительно мало энергии. Машины, имитирующие действия работников, будут потреблять огромное количество энергии, и по мере того как эти устройства будут размножаться в экономике (как размножились персональные компьютеры и сотовые телефоны), произойдет гигантский рост энергопотребления.

Вопросы обеспечения технологических инноваций энергией вызовут обострение и так уже ожесточенных споров о том, влияет ли увеличение использования углеводородов на окружающую среду и вызывает ли оно климатические изменения. И хотя подобного рода вопросы разжигают страсти, они — не самые главные. Проблема климатических изменений ставит два других вопроса, требующих от президента умелого руководства. Вот первый из них: можно ли сократить использование энергии? Второй звучит так: можно ли по-прежнему развивать экономику, использующую углеводородное топливо, особенно нефть?

Новые индустриальные страны Азии и Латинской Америки не собираются сокращать потребление энергии ради решения энергетических проблем или для того, чтобы не допустить затопления некоторых островных государств вследствие подъема уровня становящихся все более теплыми морей и океанов. С точки зрения новых индустриальных стран, энергосбережение навечно обрекает их на прозябание

в кругу стран третьего мира, с чем они давно ведут борьбу и вырваться отсюда трудно. По мнению этих стран, передовой промышленный мир (США, страны Западной Европы и Япония) должен сократить свое энергопотребление, чтобы компенсировать вред, нанесенный расточительным энергопотреблением, которое допускали передовые страны в течение последнего столетия.

В 2010 г. в Копенгагене прошла встреча глав правительств, посвященная энергопотреблению или, говоря точнее, выбросам двуокиси углерода. Было выдвинуто предложение сократить выбросы. В период, когда энергопотребление растет, сокращение выбросов — серьезная задача. Если не будет открыт новый источник энергии, предлагаемого сокращения выбросов можно достичь только за счет резкого сокращения потребления ископаемого топлива. Вам придется ездить на работу на велосипеде. Тщательная утилизация тут не поможет.

Копенгагенская инициатива потерпела крах потому, что она была политически провальной. Ни один из лидеров передовых индустриальных стран не сможет убедить общественность согласиться с существенным снижением нынешнего уровня жизни, а именно этого потребует сокращение использования ископаемого топлива. Людям свойственно игнорировать проблемы, уходить от их решения. Людям свойственно сравнивать определенность с вероятностью. Правда состоит в том, что жизненные возможности людей будут жестко ограничены сокращением потребления, ведущим к широкомасштабным сбоям в экономике, что соседствует с вероятностью того, что будут происходить климатические изменения, вызывая столь же разрушительные последствия. (Впрочем, некоторые ставят эту вероятность под сомнение.) Вполне возможно, что климатические изменения окажутся скорее вредными, нежели благоприятными. Но вопрос стоит так: превосходят ли вероятные или возможные негативные последствия, с которыми столкнутся наши дети и внуки, очевидные ближайшие, непосредственные результаты сокращения использования ископаемого топлива. Должен заметить, что

это неприятный факт, но он объясняет провал конференций в Копенгагене и Киото.

В следующем десятилетии следует исходить из того, что расходование энергии будет по-прежнему расти, поэтому вопрос заключается не в том, чтобы сократить потребление ископаемого топлива, а в том, достаточны ли запасы данного топлива для удовлетворения растущего спроса. Скорее всего, перейти на неископаемое топливо настолько быстро, чтобы уже в краткосрочной перспективе заменить им ископаемое топливо, нельзя. Для строительства атомной электростанции требуется гораздо больше 10 лет. Энергия ветра и воды может удовлетворить лишь малую долю потребностей. То же самое можно сказать и о солнечной энергии. Каковы бы ни были долговременные решения, в следующем десятилетии проблемой станет поиск источников топлива, потребление которого будет расти. В идеале это должно сочетаться с ограничением роста добычи углеводородов.

Можно условно разделить на четыре категории потребление энергии: 1) транспортом; 2) для генерирования электричества; 3) промышленностью; 4) коммунальными услугами, напрямую не связанными с электричеством (отоплением и кондиционированием воздуха). В следующем десятилетии транспорт по-прежнему будет потреблять нефтепродукты в качестве топлива. Стоимость перевода всего мирового флота на другое топливо настолько высока, что это экономически невозможно. Во всяком случае, в следующем десятилетии этого не случится. Некоторые виды транспорта перейдут на электричество, но это просто перенесет потребление топлива с транспортных средств на электростанции. Генерирование электроэнергии характеризуется большей гибкостью, ибо в этих целях могут быть использованы нефть, уголь и природный газ. Такой сдвиг возможен в потреблении энергии промышленностью. За определенную цену это можно сделать и с отоплением и кондиционированием воздуха.

Говорят, что мировая добыча нефти достигла своего пика и теперь снижается. Разумеется, нефть приходится добывать во все менее удобных местах, например, пробивать

скважины в морских глубинах, извлекать нефть из сланцев (технология такого извлечения сравнительно дорога). Все это говорит о том, что, даже если добыча нефти и не достигла максимума, при прочих равных условиях цены на нефть будут расти.

Морское бурение обходится дорого и сопряжено с проблемами технического обслуживания платформ. Как показала недавняя катастрофа на платформе компании British Petroleum у берегов Луизианы, аварию, произошедшую на глубине около 2 км, трудно ликвидировать. Но даже помимо ущерба, наносимого окружающей среде, скважины обходятся дорого. Дорого обходятся и установки для извлечения нефти из сланцев, и, когда цена на нефть падает ниже определенного уровня, это извлечение становится экономически невыгодным, а вложенные в него средства либо замораживаются, либо теряются. Но, оставляя в стороне более обширные вопросы максимальных цен на нефть, тот рост энергопотребления, с которым придется столкнуться в следующем десятилетии, нельзя удовлетворить за счет нефти, по крайней мере полностью.

Это означает, что в следующем десятилетии остается только два варианта — уголь и природный газ. Энергосбережения, достаточного для реального сокращения энергопотребления, не будет ни в США, ни в мире в целом. Возможности наращивания добычи нефти ограничены, и уязвимость экономики нефтяной отрасли односторонними действиями стран вроде Ирана делает эту отрасль весьма рискованной. Способность альтернативных источников энергии оказать решающее воздействие в следующем десятилетии будет в лучшем случае минимальной. Ни одна строящаяся ныне АЭС не будет введена в эксплуатацию в течение ближайших 5-6 лет. Но выбор между увеличением потребления угля и увеличением потребления природного газа — не тот выбор, который захочется делать американскому президенту. Президенту нужна «серебряная пуля», которая оказалась бы под рукой, не наносила бы никакого вреда окружающей среде и была дешевой. Однако в наступающем десятилетии президенту придется

балансировать между тем, что необходимо, и тем, что доступно. В конце концов придется выбирать и то, и другое, но потребление природного газа будет расти ускоренными темпами.

Применение гидравлического разрыва пласта при добыче природного газа сулит грандиозное увеличение добычи. Эта технология позволяет добывать природный газ с глубин до почти 6 км, где газ залегает в настолько плотных породах, что разгрузить их очень трудно. Разрыв пластов позволяет разгружать породу от газа и добывать его, но данный метод, как и любая добыча энергоносителей в мире, сопровождается экологическими рисками. Для США достоинство этого метода состоит в том, что он позволяет добывать газ из обильных внутренних запасов. Таким образом, упор на данный источник энергии снижает угрозу войны. Природный газ во многих случаях становится заменой нефти, причем очень часто по сравнительно низкой цене. Это сокращает необходимость импортировать нефть, что, в свою очередь, снижает возможность введения какой-либо другой страной нефтяной блокады, которая может спровоцировать войну.

Технология разрыва пластов позволяет также получить достаточные объемы природного газа в сравнительно короткий период времени, чтобы в течение следующего десятилетия управлять расходами и предложением энергии. Следует ожидать, что в течение 50-60 лет появятся новые технологии добычи ископаемого топлива, но в следующем десятилетии возможности будут ограничены углем и газом.

Следующие 10 лет станут временем обращения к проблемам, которые еще не превратились в кризисы, и к поискам решений, которых пока не существует. Примером таких проблем является обеспечение водой. Усиливающаяся индустриализация наряду с продолжающимся ростом населения и повышением уровня жизни уже приводит к региональной нехватке воды. Истощение запасов воды иногда приводит к политической конфронтации между странами, и эти столкновения вполне могут вылиться в военные конфликты. Добавьте к этому возможность того, что

климатические изменения могут изменить модели погоды, что сократит количество осадков в населенных районах, — и проблема может перерасти в кризис.

Нехватки воды, конечно же, нет. Вода просто либо засолена, либо находится не там, где ее удобно брать, но ее ошеломляюще много. Необходимо совершенствование технологии, но нам известно, как опреснять воду. Известно и то, как перекачивать воду по трубопроводам. Проблема в том, что опреснение воды и ее транспортировка очень дороги и требуют огромных затрат энергии. В имеющихся решениях проблеме затрат энергии не уделено должного внимания. Как я писал в книге «Следующие 100 лет», нам необходимо генерировать получаемую от Солнца энергию в космосе или использовать другие весьма смелые подходы, позволяющие увеличить возможности использования энергии на порядки.

Когда смотришь на крупные проблемы, которые предстоит решать (такие, как старение населения, сокращение рабочей силы, нехватка воды), сталкиваешься с одной и той же особенностью. Во-первых, проблема, возникающая в настоящем десятилетии, станет несносным бременем лишь позднее. Во-вторых, технологии решения этих проблем (от излечения дегенерирующих заболеваний до применения роботов и опреснения воды) либо уже существуют, либо могут быть изобретены, но ими все еще не пользуются в полной мере. В-третьих, применение почти всех этих разработок (за исключением технологий лечения дегенерирующих заболеваний) требует и быстрых, дающих практически немедленный эффект решений в области энергетики, и более долгосрочных исследований.

Опасность таится в том, что и задача, и решение окажутся несбалансированными, и проблема войдет в стадию кризиса раньше, чем появится выход из положения. Задача президента в решении этих вопросов в следующем десятилетии будет нетрудной: президенту надо форсировать решения краткосрочных задач, закладывая основы для более долгосрочных выводов, и при этом не замыкаться на каком-либо одном направлении.

Существует искушение сосредоточиваться на долгосрочных задачах, делая вид, что ближайшая проблема подождет или что решение появится быстрее, чем можно ожидать. Долгосрочные исследования куда привлекательнее и вызывают меньше разногласий, чем краткосрочные решения, сказывающиеся на людях, которые живы и голосуют на выборах. Соблазн отпихнуться от насущной проблемы будет велик. И здесь Макиавелли дает еще один мудрый совет, имеющий особую важность: *успешные правители хотят не просто править; они хотят, чтобы о них вспоминали в веках.* У Джона Кеннеди не хватило времени, чтобы успеть многое, но все помнят о принятом им решении совершить полет на Луну.

В краткосрочной перспективе самое главное — заложить основы удовлетворения энергетических потребностей, которые появятся в следующем десятилетии. Для того, чтобы сделать это, совершенно необходимы две вещи. Президент обязан найти баланс между двумя видами ископаемого топлива — углем и газом. Затем президент должен сказать народу о своем решении, подчеркнув, что это единственные варианты. Если ему не удастся убедить общественность в правильности принятого решения, у США не будет энергии, необходимой для технологий, которые появятся в следующем десятилетии. Разумеется, президенту следует сформулировать свои доводы в категориях глобального потепления, климатических изменений и желания сохранить все виды живых существ. Движение защитников окружающей среды поддержало Обаму, и все президенты должны сохранить политическую базу, на которую опирается Обама. Но, угождая своим «зеленым» сторонникам, президент должен добиваться увеличения использования угля и газа для производства электроэнергии. Президент вполне может сформулировать свой призыв к увеличению количества электромобилей, но, какие бы слова он ни использовал, это будет прежде всего, его задачей. В противном случае его будут считать президентом, пренебрегшим кризисом, который можно было предвидеть.

Параллельно президент должен готовиться к долгосрочному увеличению производства энергии на не углеводородных энергоносителях, а на более дешевых источниках топлива, которые будут располагаться в районах, для контроля над которыми США не надо будет отправлять за рубеж армию. На мой взгляд, таким источником энергии является энергия Солнца, улавливаемая в космосе. Поэтому следует развивать то, что уже развивается, а именно работы, которые ведутся в частном секторе, над совершенствованием стартовых и разгонных блоков ракет. Компания Mitsubishi инвестировала в получение энергии из излучения Солнца порядка 21 млрд долл. Европейский консультативный совет по вопросам окружающей среды также вкладывает значительные суммы в эти работы, а калифорнийская компания Pacific Gas and Electric подписала контракт на покупку уловленной в космосе солнечной энергии с 2016 г., хотя, по-моему, выполнение этого контракта в указанные сроки нереально.

Впрочем, каким бы ни был источник энергии — излучение Солнца или какая-то другая технология, президент должен гарантировать, что разработки ведутся по нескольким направлениям и потенциальные выгоды при этом вполне реалистичны. Необходимы огромные объемы прироста энергии, и, судя по прошлому, вероятным источником технологий является министерство обороны США. Таким образом, государство оплатит расходы на первые разработки, и частные инвесторы получают вознаграждение.

Мы живем в эпоху, когда государство сильнее рынка. У государства больше ресурсов. Рынки великолепно эксплуатируют уже сделанные научные открытия и ранее созданные технологии, но они далеко не так успешны в фундаментальных исследованиях. Ныне, пройдя путь от создания авиации до атомной энергии, полетов на Луну, Интернета и спутников глобального позиционирования, государство гораздо успешнее инвестирует в перспективные, долгосрочные инновации. Государство неэффективно, но в основу фундаментальных исследований заложена такая неэффективность (и способность оплачивать эту

неэффективность). И когда смотришь на проекты, которые необходимо осуществить в следующем десятилетии, становится понятно, что министерство обороны — именно та организация, что скорее всего успешно справится с данной задачей.

В настоящем переплетении технологий, геополитики и благоденствия экономики нет ничего особенно нового. Филистимляне господствовали на побережье Ливана, потому что умели делать отличную броню. Римские армии строили дороги и мосты, которые связывали империю воедино и позволяли ее контролировать. Этими мостами и дорогами пользуются до сих пор. Во время войны за мировое господство немецкие военные заложили основы современного ракетостроения. В ответ на это британцы изобрели радар. Ведущие державы и страны, притязающие на власть, постоянно испытывают давление военных и экономических потребностей и отвечают на это давление, изобретая уникальные новые технологии.

Очевидно, что США — именно такая держава. В настоящее время США испытывают сильное экономическое давление, но военное давление на США ослабевает. Обычно в такие периоды в США не делают значительных новых изобретений. Государство закачивает средства в одну рассмотренную выше сферу — в поиск средств и способов лечения дегенеративных заболеваний. Министерство обороны США щедро финансирует разработки робототехники. Но фундаментальной проблеме, проблеме энергии не уделяют должного внимания. В этом десятилетии решения банальны. Опасность состоит в том, что президент растрчивает свою власть на проекты вроде энергосбережения, использования энергии ветра и солнечного излучения в космосе, а эти проекты не дадут результатов требуемого масштаба. В частности, проблема природного газа в том, что и эта проблема банальна.

Но, подобно многому из того, что произойдет в наступающем десятилетии, необходимо прежде всего признать обычное и очевидное. За этим признанием

последует спокойное выражение и обоснование великих мечтаний.

Глава 14

Империя. Республика.

Следующее десятилетие

Рассматривая внешнюю политику США, я уделил внимание всем континентам и многим странам, но мой анализ никоим образом нельзя считать исчерпывающим. Поскольку американская империя охватывает весь мир, любая страна в каком-то отношении важна для США. Неважно, идет ли речь об угрозе исламизма в Нигере, о Непале, который может оказать существенное влияние на баланс сил Китая и Индии, или о роли, которую играет Эквадор в войне с наркотиками, — трудно назвать страну, к которой США могли бы проявить полное безразличие.

Многие станут утверждать, что США испытывают перенапряжение и что все эти сложные международные проблемы, требующие вмешательства США, в конечном счете не соответствуют интересам Америки. Это вполне резонные, не лишенные убедительности доводы — за исключением того, что неясно, каким образом США могут освободиться от своих глобальных интересов. В следующем десятилетии США придется управлять хаосом в исламском мире и иметь дело с возрождающейся Россией, брызгливой и расколотаой Европой и огромным, испытывающим глубокие проблемы Китаем. Кроме того, США должны найти выход из нынешних экономических проблем, причем не только для себя, но и для всего мира.

Нелишне также вспомнить о том, что хотя в настоящий момент американская экономика переживает трудности, она все равно составляет 25% мировой экономики, а американские инвестиции и заимствования охватывают весь мир. Самим фактом своего существования США создают сеть всепроникающих взаимозависимостей, которыми надо пытаться управлять. Возможно, США действительно несут

непосильное бремя. Возможно, было бы хорошо, если б США никогда не достигали имперского статуса или же отошли от него теперь. Но политика не создается из пожеланий. Политику создает реальность, а реальность такова: то, что создано, умышленно или нет, нельзя бросить, не вызвав захватывающих дух тяжких последствий. США вступили на путь, который вел их к превращению в мировую державу, во времена испано-американской войны 1898 г. На протяжении более столетия США шли по этому пути. Изменение курса на скорости, с которой двигаются США, — это не вариант. Призыв к такому изменению курса — фантазия.

Единственно реалистичный вариант — управление тем, что создано. И это предполагает примирение моральных принципов с осуществлением власти. Начинать с моральных принципов — самое практичное начало. Отсутствие ясности в вопросе взаимоотношений морали и власти — корень очень многих внутренних конфликтов, связанных с ведением войн. Америка нуждается в едином, общем понимании реальности и морали.

Осуществление власти всегда двусмысленно в моральном отношении, но все нравственные принципы США не будут значить ровным счетом ничего, если рухнет страна. Стремление к универсальным правам требует чего-то более существенного, чем речи. Это стремление требует мощи и власти. Благопожелание «Никто не пострадает» нереалистично, и лучшее, что могут сделать американцы, это принять трудные решения о том, кто и когда пострадает. Линкольну пришлось поддержать рабовладение в Кентукки. Это было неправильно, но речь шла о победе или поражении в войне: если бы Линкольн проиграл войну, рухнул бы весь его моральный проект.

В то же время простое стремление к власти безо всякой нравственной цели ведет в никуда. Никсон осуществлял власть, не имея цели, и именно отсутствие моральной перспективы привело его к Уотергейту и отставке. Одно дело — оправдывать средства целью, и совершенно другое дело — превращать средства в цели.

В следующем десятилетии США должны преодолеть стремление к упрощению. Нет одной фразы или формулы, которые позволили бы решить все проблемы. Моральная проблема, лежащая в основе осуществления власти, повторяется в бесконечном разнообразии неожиданных форм, и всякий раз, когда эта проблема проявляется в новой форме, ее необходимо решать. Ни один лидер не может каждый раз находить соответствующие решения. Самое большее, что можно сказать о любом лидере, это то, что в целом и общем, а также с учетом конкретных обстоятельств, он хорошо справлялся со своими обязанностями.

Для того, чтобы достичь данной точки, американскому народу надо обрести зрелость. Американцы все еще в значительной мере остаются подростками, ожидающими решения неразрешимых проблем и совершенства от своих лидеров. Черчилля не избрали бы президентом США: по всем разумным меркам, он был алкоголиком и определенно слишком уж «элитарен» в самом снобистском смысле этого слова. Ясно, что Рузвельт был одним человеком до того, как стал президентом, и совсем другим, когда исполнял обязанности президента. По мнению некоторых биографов, Линкольн страдал биполярным аффективным расстройством (эндогенным психическим заболеванием). Вероятно, в последние годы своего президентства Рейган уже начинал страдать болезнью Альцгеймера. Между тем, все эти три президента хорошо справлялись со своими обязанностями в выпавших на их долю обстоятельствах. Если американцы не достигнут зрелости и не смогут обуздать себя для того, чтобы ожидать от своих президентов только этого и ничего более, республика не выживет. Требования, предъявляемые империей, которая возникла сама собой, и незрелые ожидания лидеров США прикончат режим задолго до того, как это смогут сделать милитаризм или коррупция.

Очевидно, что американское общество раздирают все более острые шоры. В этом нет ничего нового. То, что говорили о президентах Эндрю Джексоне и Франклине Рузвельте, было неприятно. Пережив борьбу за гражданские права, протесты против войны во Вьетнаме и Уотергейт,

американцы не имеют права утверждать, что достигли новых уровней невоспитанности. Но Ирак, Афганистан и недавний финансовый кризис поставили важные вопросы о глобальных интересах американской элиты и о том, не противоречат ли интересы элиты интересам американского общества. Порой трудно отличить негодяев от святых, и к этим спорам нет простых подходов. Поношение, которому подвергает Обаму партия «Чаепитие», и обливание грязью этой партии, к которому прибегает Обама, не слишком способствуют созданию последовательной, внутренне непротиворечивой политической дорожной карты.

В последнее десятилетие США столкнулись с проблемами, к которым оказались неподготовленными и с которыми неважно справлялись. Как говорят, это было обучением, ценным потому, что новые проблемы не угрожали выживанию США. Но угроза, которая возникнет в XXI в. позднее, будет намного больше угроз прошлого десятилетия. Для того, чтобы представить, с чем могут столкнуться США в будущем, стоит оглянуться и посмотреть на середину XX в.

США повезет со следующим десятилетием, в течение которого Америка сможет совершить переход от внешней политики, движимой манией величия и поглощающей все силы страны, к более сбалансированному, учитывающему оттенки ситуаций и обстоятельств осуществлению власти. Говоря это, я не имею в виду, что целью должно стать обучение использованию дипломатии, а не силы. Дипломатия должна занять свое достойное место, но я говорю о том, что США следует научиться в критические моменты тщательно выбирать врагов, принимать меры, гарантирующие их разгром, а затем эффективно вести войну, принуждая врагов к капитуляции. Важно не ввязываться в войны, выиграть которые невозможно, и вести военные действия для достижения побед. Недопустимо, чтобы страна, имеющая такую гигантскую мощь и такие обширные интересы, как США, вела внешние войны просто под влиянием настроений.

За последние полвека США в течение 16 лет вели войны в азиатских странах. Генерал Дуглас Макартур, командовавший войсками во время войны в Корее, вряд ли

был пацифистом, однако он предупреждал: американцам следует избегать войн. Причина была проста: как только американцы ступают на землю Азии, они сталкиваются с противником, который обладает огромным численным превосходством. Проблемы обеспечения войск, сражающихся в тысячах миль от США с противником, которому некуда отступить и который к тому же отлично знаком с местностью, лишь усугубляют и без того крайне сложную задачу. И все-таки США продолжают ввязываться в войны в азиатских странах, видимо, каждый раз ожидал, что исход будет другим. Из всех уроков прошлого десятилетия этот — самый важный для десятилетия следующего.

Урок, который нам следует усвоить у англичан, таков: есть более эффективные, пусть и более циничные, способы ведения войн в Азии и Европе. Один из таких способов — отвлечение ресурсов потенциальных противников от США на соседей. Поддержание баланса сил должно играть в американской внешней политике ту же основополагающую роль, как «Билль о правах» играет во внутренней политике США. Америке следует вступать в войны в Восточном полушарии только в самых отчаянных обстоятельствах, когда могучая сила угрожает захватить огромные территории и никто не может оказать ей сопротивления.

Океаны — вот основа американской мощи. Господство США над океанами не позволяет другим странам напасть на Америку, позволяет США вмешиваться в события в любой стране, когда им это необходимо, и дает Америке контроль над международной торговлей. США никогда не надо использовать это могущество, но они должны отказываться в нем всем другим странам. Мировая торговля зависит от океанских путей. Любая страна, контролирующая океаны, в конечном итоге контролирует и мировую торговлю. Стратегия поддержания баланса сил — форма ведения войны на море, предотвращающая наращивание соперниками сил, которые могут угрожать господству США на морях.

Американские военные ныне помрачены наращиванием сил до уровня, позволяющего вести войну в исламском мире. Некоторые говорят, что мир достиг точки, в которой все

боевые действия будут носить характер партизанской войны. Другие описывают будущее как «затяжную войну», конфликт, который будет длиться из поколения в поколение. Если это так, то США уже потерпели поражение, поскольку способа, которым можно было бы умиротворить миллиард с лишним мусульман, нет.

Но я осмелюсь утверждать, что это ошибочная оценка, а такая цель обусловлена ошибкой воображения. Говорят, что генералы всегда ведут прошлую войну. Отсюда легко сделать вывод, что все будущие сражения будут похожи на ныне идущие. Но никогда нельзя забывать, что системные войны — войны, в которых великие державы сражаются для переформатирования международного порядка, — происходят почти каждый век. Если учесть холодную войну и конфликты, происходившие в ее рамках, то в XX в. было три системные войны. Практически очевидно, что системные войны будут и в XXI в. Следует всегда помнить, что страна может победить в десятке малых войн, но если она потерпит поражение в большой войне, она потеряет все.

В следующем десятилетии это положение следует изменить, и сделать это прежде, чем издержки выйдут из-под контроля.

Американцы любят возлагать ответственность за решение проблем США на кого угодно, только не на себя.

Говорят, что проблемы создают Fox News³⁶ или особые группы и либеральные СМИ. Но проблема заключается в том, что в США нет консенсуса по вопросу, является ли страна империей и что с ней делать. Американцы предпочитают обвинять друг друга, лишь бы не смотреть фактам в лицо, и предаваться словопрениям о том, что должно быть, а не обсуждать реальное положение дел.

В этой книге я попытался показать, какой я вижу реальность в категориях сегодняшних дней и следующего десятилетия. Утверждая, что США непреднамеренно превратились в империю, я также выдвинул тезис о том, что империя создает фундаментальную угрозу республике. Утрата этого нравственного основания лишила бы империю всякого смысла.

А еще я выдвинул тезис о необходимости президента, которого назвал бы «макиавеллистом», — лидера, который понимает и саму власть, и ее моральную суть. Президент — практически единственный бастион республики, ибо президент — единственное должностное лицо, избираемое всем народом Америки. Дело президента — вести страну так, чтобы он мог управлять событиями. Однако каким бы искусным ни был президент, в одиночку он осуществлять лидерство не может. Ему необходимы другие учреждения, которые даны Америке отцами-основателями для того, чтобы республика могла функционировать как зрелое государство. Прежде всего, президент нуждается в зрелой общественности, принимающей на себя ответственность за положение страны.

Все мы, когда были детьми, разговаривали, как дети, думали, как дети, рассуждали, как дети; став взрослыми, мы оставляем детские привычки. США выросли. Должны повзрослеть и американцы.

Линкольн. Рузвельт и Рейган руководили расколотой страной. Каждый из этих президентов обладал искусством создания коалиций, достаточно сильных для преодоления бурь. Но в будущем Америке понадобятся не только умные лидеры, но и умный народ. После Конституционального конвента ³⁷ некая женщина спросила Бенджамина Франклина о том, какого рода правление дали стране делегаты. «Республику, если вы сможете сохранить ее», — ответил Франклин.

Я действительно верю, что США намного сильнее, чем полагает большинство. Проблемы США реальны, но по сравнению с мощью Америки эти проблемы тривиальны. И я действительно опасаюсь — не за выживание Америки, а за способность США сохранить республику, которую создали отцы-основатели. Требования и соблазны империи могут легко разрушить институты, которые уже подвергаются наладкам людей, утративших и вежливость, и перспективу, а также политиков, неспособных быть лидерами, поскольку не в

состоянии ни осуществлять власть, ни преследовать нравственные цели.

Необходимы четыре вещи: страна, без сантиментов принимающая реальности своего положения; лидеры, готовые нести бремя примирения этой реальности с американскими ценностями; президенты, умело использующие власть и принципы и знающие их место... но прежде всего необходим зрелый американский народ, понимающий, каковы ставки и как мало времени дано для создания культуры и институтов, необходимых для управления республикой, оказавшейся в роли империи.

Без этого ничто не будет возможным. Ситуация далеко не безнадежна, но она требует от страны невероятного волевого усилия, направленного на взросление.

Выражение признательности

Автор любого произведения обязан многим людям, на чьих мыслях и работах основан его собственный труд.

Я непосредственно обязан Роджеру Бейкеру, Питеру Зейхану, Колину Чэпмену, Рева Бхалла, Камрану Бохари, Лорен Гудрич, Юджину Чаусовски, Нейту Хьюзу, Марко Папичу, Мэтту Герткену, Кевину Стеку, Эмре Догру, Бейлессу Пароли, Мэпу Пауэрсу, Джейкобу Шапиро и Айре Джамшиди. Все они помогли мне улучшить эту книгу, и без их помощи она была бы другой.

Еще хочу поблагодарить Бена Следжа и Т. Дж. Ленсинга, которые создали карты, а это, как я узнал, нелегкое дело. Благодарю также библиотеку Клуба армии и военно-морского флота в Вашингтоне (округ Колумбия) за всю оказанную мне помощь.

Особая благодарность — моему литературному агенту Джиму Хорнфишеру за поддержку и поощрение, моему редактору в издательстве Doubleday Джейсону Кауфману за его непоколебимую веру в меня и всегда полезные критические замечания и Робу Блуму. Билл Патрик помог превратить мой напыщенный текст в гораздо лучшую прозу. Сьюзен Коупленд поддерживала меня в тонусе и организовывала мою работу.

Я благодарен всем сотрудникам STRATFOR, а также нашим читателям за их энергичную поддержку и критические замечания. Но прежде всего я благодарен своей жене Мередит, которая, как всегда, была моей опорой и руководителем.

Заметки

[←1]

Джордж Фридман. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. М.: ИД «Коммерсант» – ЭКСМО, 2010.

[←2]

Унаследованная от английского права процедура ареста и привлечения к суду обвиняемого в преступлении, предоставляющая суду право контролировать законность задержания и ареста подозреваемого, а гражданам — право требовать начала такой процедуры. Эта норма в Великобритании и ее колониальных владениях действует с 1679г. — *Прим. пер.*

[←3]

Американо-мексиканская война 1846-1848 гг. Закончилась подписанием договора Гваделупе-Идальго, в соответствии с которым Мексика признавала отторжение территории площадью около 1,3 млн кв. км. Ныне на этой территории располагаются штаты Калифорния, Невада, Юга, Аризона, Колорадо, Нью-Мексико и Вайоминг. — *Прим. пер.*

[←4]

Речь идет о существующей с 1972 г. третьей по численности политической партии США, объединяющей сторонников минимального вмешательства государства в экономику, гражданских свобод, невмешательства в дела других стран, свободы торговли. Либертарианцы выступают также за резкое ограничение иммиграции. — *Прим. пер.*

[←5]

² Tea Party («Чайная партия») — движение, возникшее в республиканской партии США после президентских выборов 2008 г., на которых республиканцы потерпели поражение. Объединяет республиканцев-активистов, недовольных не только действиями администрации демократа Б. Обамы, но и нерешительными действиями руководства республиканской партии. Пользуется значительной поддержкой. Название движения восходит к знаменитому Бостонскому чаепитию 1773 г. — акции протеста североамериканских колонистов против введенного британским парламентом налога на чай, приблизившей Войну за независимость США. — *Прим. пер.*

[←6]

Прозвище Эйзенхауэра. — *Прим. пер.*

[←7]

Макиавелли, Макьявелли (Machiavelli) Никколо (03.05.1469, Флоренция — 22.06.1527, там же), итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик. — *Прим.ред.*

[←8]

Н. *Макиавелли*. Государь. М., «Художественная литература». 1982с, пер. Г Муравьевой. Гл. XIV. — *Прим. пер.*

[←9]

Н. Макиавелли. Государь. М., «Художественная литература». 1982 г., пер. Г. Муравьевой. Гл. XII.

[←10]

Н. Макиавелли. Государь. М., «Художественная литература». 1982 г., пер. Г. Муравьевой. Гл. XIV.

[←11]

Н. Макиавелли. Государь. М. «Художественная литература», 1982 г., пер. Г. Муравьевой. Гл. III.

[←12]

Н. Макиавелли. Государь. М., «Художественная литература», 1982 г., пер. Г. Муравьевой. Гл. XV.

[←13]

К Макиавелли. Государь. М., «Художественная литература». 1982 г. пер. Г. Муравьевой. Гл. XXV. — Прим. пер.

[←14]

Деноминированные в долларах США облигации развивающихся стран (преимущественно стран Латинской Америки), выпущенные в рамках реструктуризации задолженности этих стран и обмененные на невозвратные кредиты коммерческих банков. Названы по имени Николаса Буша, министра финансов во 2-й администрации Р. Рейгана и администрации Дж. Г. У. Буша (старшего) — *Прим пер.*

[←15]

Роман Джозефа Хеллера «Уловка-22» (Catch-22), написанный в 1961 г., является одним из самых блистательных образцов полуабсурдистского, фантасмагорического произведения на военную тему, в котором гиперболизированная художественная панорама армейской жизни во время Второй мировой войны, ярко нарисованная автором, оправдана обобщающим обличением чудовищной нелепости войны вообще, войны как таковой. Выражение «уловка-22» из этого романа вошло в лексикон американцев, обозначая всякое затруднительное положение. — *Прим. ред.*

[←16]

Массовое убийство на военной базе Форт-Худ в 2009 году — преступление, произошедшее на военной базе Форт-Худ в американском штате Техас 5 ноября 2009 года. Убийства совершил 39-летний военный врач-психиатр, майор вооруженных сил США Нидал Малик Хасан (род. 8 сентября 1970 года). Массовое убийство, в результате которого погибло 13 человек и было ранено 32, было совершено у медицинского центра для освидетельствования военнослужащих перед отправкой на заокеанские театры военных действий (Афганистан, Ирак), примерно в 13:30 по местному времени. Выходец из эль-Бира с Западного берега реки Иордан (родившийся в США) военный психиатр Нидал Хасан, мусульманин по вероисповеданию, неоднократно высказывавший недовольство относительно иракской и афганской кампаний США среди сослуживцев, открыл огонь по безоружным сослуживцам. Судя по всему, атака убийцы вызвала неразбериху и панику на базе, и военные не исключали, что некоторые пострадавшие попали под перекрёстный огонь. Убийца получил ранения, но остался жив.

[←17]

Протяженность континентальных границ США (включая границу между Аляской и Канадой) около 12 тыс. км. Очевидно что это печатка из бумажной книги.

[←18]

Это сделала «Аум Синрикэ», — ныне известная как «Алеф», — неорелигиозная организация, возникшая в Японии. Группа была основана Секо Асахарой в 1987 г. и получила мировую известность в 1995 г., совершив заринтовую газовую атаку в Токийском метро. — *Прим. пер.*

[←19]

Соглашение Сайкса — Пико от 16 мая 1916 г. — тайное соглашение между правительствами Великобритании и Франции, в котором были разграничены сферы интересов на Ближнем и Среднем Востоке после Первой мировой войны. Документ был разработан в ноябре 1915 г. французским дипломатом Франсуа Жорж-Пико и англичанином Марком Сайксом. По данному соглашению Великобритания получала территорию, соответствующую современным Иордании, Ираку, и район вокруг Хайфы, т. е. Палестину. Франция получала юго-восточную часть Турции, северный Ирак, Сирию и Ливан. — *Прим. ред.*

[←20]

Хашимиты — династия правителей в некоторых странах арабского Востока (в Сирии, Ираке, Иордании). Основатель династии шериф Мекки и король Хиджаза Хусейн ибн Али аль Хашими, к роду которого принадлежал пророк Мухаммед. Во время Первой мировой войны клан хашимитов правил в западном Хиджазе на Аравийском полуострове. Современные династии иорданских и марокканских королей считаются хашимитскими. — *Прим. ред.*

[←21]

Саудидаы — династия эмиров (1720-1932) и коралей (с 1932 г.) Саудовской Аравии. — *Прим. ред.*

[←22]

Пролив, соединяющий Акабский залив, на берегу которого находится израильский порт Эйлат, с Красным морем. — *Прим. пер.*

[←23]

Автор ошибается. Эвианские соглашения, положившие конец войне в Алжире, подписаны в 1962 г. — *Прим. пер.*

[←24]

Алавиты, также известные как «кызылбаши», «Али-Алла» или нусайриты, — исламская религиозная секта, стоящая, собственно, на границе между крайним шиизмом и особой религией. Они откололись от исмаилизма и ушли так далеко, что во многом потеряли связи с исламом вообще, превратившись в особую религию из смеси ислама, христианства и доисламских восточных верований (зороастризма, манихейства, гностицизма, астральных культов). Алавиты в настоящее время, составляя 10% населения Сирии, полностью контролируют всю страну. Вся сирийская элита, включая президента Асада, — алавиты. — *Прим. ред.*

[←25]

В 1978 году на саммите в Кэмп-Дэвиде, (США) было заключено предварительное соглашение, а в 1979 году в Вашингтоне Менахем Бегин и Анвар Садат подписали договор о мире между Израилем и Египтом.

[←26]

СВР – Служба внешней разведки

[←27]

Синергия (греч. συνεργία – сотрудничество, содействие, помощь, соучастие, сообщничество; от греч. σύν – вместе, греч. ἔργον – дело, труд, работа, (воз)действие) – суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы.

[←28]

«План Маршалла» (англ. Marshall Plan, официальное англ. название European Recovery Program – «Программа восстановления Европы») – программа помощи Европе после Второй мировой войны. Выдвинут в 1947 г. американским государственным секретарем Джорджем К. Маршаллом (вступил в действие в апреле 1948 г.). В осуществлении плана участвовали 17 европейских стран (включая Западную Германию). «План Маршалла» содействовал укреплению положения США в Западной Европе. – *Прим. ред.*

[←29]

Маастрихтский договор – договор, подписанный 7 февраля 1992 года в городе Маастрихт (Нидерланды), положивший начало Европейскому союзу. Договор вступил в силу 1 ноября 1993 г. Договор завершил дело предыдущих лет по урегулированию денежной и политической систем европейских стран.

Голлизм (фр. gaullisme) – французская политическая идеология, основанная на идеях и действиях генерала де Голля. Эмблемой голлизма является лотарингский крест. Основной идеей голлизма является национальная независимость Франции от любой иностранной державы, но голлизм касается также общественного и экономического устройства. Голлизм обычно считается правой идеологией. Считается, что для голлизма присущи консерватизм в социальных вопросах и дирижизм в экономических. Смысл слова голлизм изменился во времени. Первоначально, во время Второй мировой войны «голлистами» называли участников движения сопротивления. Такое обозначение использовалось главным образом немецкими властями и режимом Виши. После Освобождения термин «голллизм» приобретает более политический смысл, берущий начало от идей генерала де Голля и его сторонников, в противоположность другим партиям и политическим идеологиям.

[←31]

Группа японских фирм, связанных общим прошлым и имеющих доли в капитале друг друга. Работая независимо, каждая такая фирма, тем не менее, имеет тесные взаимоотношения с другими компаниями в группе. Некоторые кейрецу, например sumitomo и mitsui, горизонтально диверсифицированы и включают в себя фирмы, принадлежащие разным отраслям. Другие кейрецу, например toyota group, вертикально интегрированы, так как построены вокруг одного «системного интегратора», которым обычно служит фирма, осуществляющая окончательную сборку. Как правило, кейрецу группируются вокруг того или иного мощного банка, который обеспечивает финансирование всех компаний группы и фактически исключает возможность их враждебного поглощения другими участниками рынка.

[←32]

21 апреля 1836 г. тexasские повстанцы разгромили мексиканскую армию. Генерал А. де Л. де Санта-Ана был взят в плен и впоследствии согласился вывести мексиканскую армию с территории Техаса. — Прим. пер.

[←33]

Тяжкое или особо тяжкое преступление, граничащее с государственной изменой. — *Прим. пер.*

[←34]

В соответствии с авторскими целями настоящей книги нагрузка данной карты характеризуется выделением крупных этнополитических регионов по языковому признаку, что имеет существенные различия с принятыми в африканистике более строгими научными классификациями языков Африки, особенно это касается языков южнее Сахары. См.: Лингвистический энциклопедический словарь (М., 1990); Greenberg J. The languages of Africa (The Hague, 1966). — *Прим. ред.*

[←35]

В медицине паллиатив — лекарство, дающее временное облегчение болезни, но не излечивающее ее; отсюда выражения: паллиативное средство, паллиативные меры, паллиативная помощь. Первоисточником этого заимствованного слова является латинский язык: от *palliare* — причастие страд. *palliat* — «прикрытый»; ср. франц. *palliatif*, образованное в XVI в., в период средневековья. Как медицинский термин, слово паллиатив попало в русский язык только в XIX в.

[←36]

Американский информационный канал, ведущий вещание с 1996 г. Принадлежит медиа-концерну Media Corporation Руперта Мердока. Рекламирует себя слоганами «Справедливый и взвешенный» и «Мы освещаем. Вы решаете» и претендует на объективность, но определенно симпатизирует консерваторам-республиканцам. — *Прим. пер.*

[←37]

Конституционный конвент (Constitutional Convention) (25 мая - 17 сентября 1787) съезд делегатов 12 американских штатов по выработке Конституции США. Конституционный конвент работал в Филадельфии, в нем принимали участие 55 делегатов из всех американских штатов кроме Род-Айленда. Конституционный конвент был созван по призыву Аннаполиского конвента, который принял решение о необходимости внесения изменений в Статьи конфедерации. Однако под руководством Джорджа Вашингтона делегаты Конституционного конвента приняли решение заменить старую конституцию принципиально новым законодательным актом, который укрепил бы власть федерального правительства. Острую полемику вызвала проблема представительства штатов в законодательных органах. По Вирджинскому плану, который поддерживали большие штаты, число представителей в законодательных органах должно быть пропорционально числу населения или финансовой мощи штата. Нью-Джерсийский план, которому оказывали предпочтение небольшие штаты, предлагал утвердить равное число представителей для каждого штата. В результате компромисса был учрежден двухпалатный конгресс, что обеспечивало как равное, так и пропорциональное представительство штатов. Проект конституции был утвержден 17 сентября 1787 и направлен в штаты для ратификации.